Над нами темные воды

Джон Фредерик Гибсон

SHOUT
SHARE
IT

- Гибсон Джон Фредерик

Гибсон Джон Фредерик
Над нами темные воды

Гибсон, Джон Фредерик

Над нами темные воды

Пер. с англ. А. Т. Делавера

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Книга Д.Ф. Гибсона - это яркий и увлекательный рассказ очевидца об огромном вкладе британского подводного флота в общее дело победы во Второй мировой войне. Автор описывает подготовку молодых моряков и повседневную жизнь экипажа субмарины, на которой ему довелось служить, боевые патрулирования, атаки и контратаки, участником которых он был, а также радости и поражения, морские будни и праздники от первых дней войны до полной капитуляции Германии.

Предисловие

Я с большим удовольствием откликнулся на просьбу написать предисловие к этой книге, поскольку хочу воспользоваться представившейся возможностью публично отдать дань уважения тем доблестным морякам-подводникам ВМС Великобритании, которыми имел честь командовать в течение двадцати пяти с половиной месяцев.

В этой книге нет сенсационных открытий и разоблачений, она не дает объяснения морской стратегии. Вы не найдете в ней и скандальных подробностей жизни и деятельности руководителей британских ВМС. Эта книга - рассказ о моей войне на море, какой ее увидел молодой офицер-подводник. Автор описывает повседневную жизнь подводной лодки, которая время от времени прерывается быстрыми и решительными военными действиями - атаками и контратаками.

В повествовании лейтенанта Гибсона, по моему мнению, обращают на себя внимание два момента: это постоянная борьба подводников с той средой, в которой они живут и работают, - с морем; и теплые товарищеские отношения между всеми членами экипажа, независимо от звания и должности.

В молитвеннике англиканской церкви есть глава под названием "Молитвы, которые следует читать на море". В первой молитве в замечательных по своей простоте и искренности словах звучит обращение военного моряка к Богу с просьбой о защите при исполнении им своего долга. В этой молитве моряк просит защитить его "от опасностей моря и насилия врага". Обратите

внимание на порядок. С "опасностями моря" мы имеем дело всегда: и в мирное и в военное время. Подводники в полной мере испытывают их на себе, когда ходят на поверхности и тем более в морских глубинах.

Работа под водой требует исключительно слаженных коллективных действий. Каждый подводник выполняет на борту подводной лодки конкретную задачу, от четкости и эффективности его действий зависит боеспособность лодки и безопасность экипажа. Особенность службы на подводной лодке состоит в том, что члены экипажа длительное время живут и работают бок о бок. Эта вынужденная близость немыслима без глубокого взаимного доверия и готовности в любой момент прийти на помощь товарищу. Выражаясь словами Шекспира, которые любил повторять адмирал Нельсон, подводники - это "отряд братьев".

Хотелось бы отметить, что британские военно-морские силы многим обязаны офицерам запаса и добровольцам, которые стали подводниками. И автор книги из их славной когорты, вероятно, поэтому недостаточно широко освещает этот вопрос.

Служба на подводной лодке требует специальных знаний и до 1939 года рассматривалась исключительно как сфера деятельности кадровых офицеров ВМС, хотя нескольким офицерам запаса было позволено учиться на штурманов подводных лодок. После окончания войны больше половины офицеров-подводников составляли бывшие резервисты, прибывшие со всех концов Соединенного Королевства и его доминионов. Многие из них успешно командовали нашими подводными лодками.

Это было большим достижением. Подводные силы всегда будут с гордостью и любовью вспоминать тех офицеров-резервистов, которые, усвоив наши привычки и традиции, стали неотъемлемой частью жизни подводного флота.

Я не уверен, что даже сейчас общественности известно о том огромном вкладе, который внесли наши подводные лодки в общее дело победы. В Северном море и у норвежских берегов они в течение всей войны уничтожали вражеские транспорты. В Средиземном море наши подлодки перекрывали пути снабжения вражеского контингента в Африке, что сыграло важную роль в исходе Североафриканской кампании.

И наконец, на Дальнем Востоке наши подлодки действовали главным образом, как пишет автор, в "удаленных районах", в то время как подводную войну в центральной части Тихого океана вели наши братья-подводники из ВМС США под командованием моих друзей вице-адмирала Чарльза Локвуда и контр-адмирала

Джеймса Файфа. Именно благодаря их усилиям и героизму японцы несли на море ужасные потери и в конце концов вынуждены были капитулировать.

Эти успехи не могли быть достигнуты без потерь, и список убитых и раненых подводников был таким же большим, как и в 1914-1918 годах. Я надеюсь, что читающие эту книгу будут чтить память тех многих офицеров и моряков-подводников британских ВМС, что отдали свои жизни на службе отечеству.

Вооруженные силы союзных держав и ВМС Великобритании в частности в неоплатном долгу перед погибшими героями и их товарищами, которые остались в живых. Они обогатили традиции, унаследованные от подводников 1914-1918 годов, и передали их своим преемникам, сегодняшним и будущим офицерам и матросам наших подводных лодок, боевым искусством и стойкостью которых могут справедливо гордиться все жители Великобритании. В их честь я пишу эти вступительные слова.

Контр-адмирал Криси, командующий подводными силами с 12 сентября 1944 года

Подводная лодка "Тесей" на пути из Новой Зеландии к Соломоновым островам.

21 сентября 1947 г.

Глава 1

Даже сейчас, когда пишу эти строки, из своего окна я вижу синее море, раскинувшееся под лазурным небом. Только это мирное море и его воды спокойно набегают на скалистые берега Корнуолла. Во время войны мы были частью моря. Где бы ни находились, возле мыса Нордкап, Спартивенто или Корморина, мы знали, что море защитит нас от врага. В то же время оно оставалось безразличным к человеческим войнам. Случалось, мы сражались с морем столь же яростно, как и экипажи вражеских судов рядом с нами.

Сейчас многие говорят, что постоянные меняются и что больше нельзя проводить аналогий между землей, морем, небом и нашим бессмертием. Современные теоретики пытаются убедить нас, что эти постоянные искажены нашим собственным непостоянством. Среди причин этих изменений называют танк, самолет и подводную лодку. Полагают, что моряки-подводники не имеют чувства моря и связи с ним, что они легко преодолевают опасности, с которыми их предки боролись с помощью топселей и бочонков с маслом.

Во время войны экипажи подводных лодок формировались главным образом из добровольцев. Это были представители всех слоев населения, прибывшие из различных частей Британской

империи. Даже те из них, кто был мало знаком с морем, за время службы узнали о нем больше, чем моряки надводных судов. Подводная лодка - очень сложная машина, но, как всякая машина, должна служить человеку, а не повелевать им.

Моряки-подводники боролись со штормами, когда лодка всплывала, но порой им приходилось прилагать немалые усилия для того, чтобы остаться под водой. Именно в эти трудные минуты рождалась настоящая мужская дружба. И сплачивала подводников не столько угроза нападения врагов, сколько само море. Боевые столкновения с неприятелем были лишь яркими вспышками на фоне их нелегкой службы. Море было той средой, где они совершали свои подвиги.

Эта книга не пособие для профессиональных офицеров-подводников и не описание службы на подводной лодке, скорее это сборник воспоминаний о тех днях, когда мы, молодые подводники, объединенные одной целью и любовью к отчизне, ходили по морям и океанам, то и дело устремляясь навстречу опасности.

Глава 2

Горькие разочарования - удел начинающего офицера-подводника во время войны. Дрожащей от волнения рукой писал он рапорт с просьбой направить его на подводную лодку и затем терпеливо ждал перспективного назначения. Порой ждать приходилось очень долго, но обычно все заканчивалось тем, что он оказывался на учебной базе в Блайте. Там ситуация упрощалась: с одной стороны - преподаватели с мелками и морскими картами, с другой - курсанты с карандашами и тетрадями. Все вместе они назывались 6-й флотилией. Три месяца под серым нортумберлендским небом и ежедневные многочасовые занятия в отапливаемых разборных бараках под монотонный голос, диктующий что-нибудь об особенностях метацентрических высот, быстро остудили пыл некоторых молодых людей. Даже еженедельные выходы в море стали казаться скучными и однообразными. Порывы холодного ветра, кусавшего пальцы, доносили до нас дыхание Арктики. Старая субмарина выходила в район учений, выполняла несколько неожиданных акробатических номеров и возвращалась в порт. "Ничего, - успокаивали мы себя, - впереди нас ждет действующая лодка какой-нибудь первоклассной флотилии".

Три месяца сборов подошли к концу, и в соответствии с приказом надо было сдавать выпускной экзамен. Нам вручили экзаменационные билеты и попросили рассказать то, что еще не улетучилось из памяти в результате частого употребления ньюкаслских вин. Для нас, начинающих подводников, это был

еще один шаг на пути к заветной цели. Некоторые сдали этот экзамен, ответив на все вопросы, касающиеся внутреннего строения торпеды, другим экзаменатор сделал поблажку, остальных выручил командир флотилии, хранящий в памяти то, как сам провалился на первом экзамене. Наша прекрасная мечта о службе на боевой подводной лодке яркой звездой засверкала на небосклоне, но скрылась за тучами, когда вскоре стало известно, что нас направляют в другие флотилии в качестве запасного экипажа.

Запасной экипаж. Одно упоминание о нем вселяло в нас ужас, сравнимый с тем, что испытывают подсудимые перед пожизненным заключением. Мы слышали много мрачных историй о тех, кто в течение многих лет пребывал в таком качестве. Эти офицеры-подводники прозябали на плавучих базах, выполняли случайную работу в различных уголках земли, в общем, занимались всем, чем угодно, только не тем, к чему их готовили. Главной причиной подобного явления были задержки в строительстве новых лодок, а отчасти - неспособность неприятеля топить наши подлодки с той быстротой, с какой ожидалось. А поэтому количество подготовленных для подводных лодок офицеров значительно превышало потребность в них.

В 1942 году, сразу по окончании учебы, нас распределили по флотилиям. Одни попали на Мальту, другие - в Ротси, третьи - в Бейрут. Меня направили в 9-ю флотилию, что базировалась в Данди. Поезд с грохотом проехал по мосту через реку Тэй. Холодный ветер волновал речную воду и со свистом проносился над плоскими крышами. Казалось, мне всю войну суждено провести в местах с отвратительным климатом. Данди в этом отношении был ничем не лучше Блайта.

9-я флотилия была международной. Лодки союзных флотов плавали под красно-бело-синим флагом британского штаба. Там были французы, датчане и норвежцы. Ко всему прочему, гавань находилась под гражданским управлением, и в связи с этим подводные лодки действовали с любезного разрешения портового инспектора, шотландца по национальности. К этой флотилии была приписана только одна британская лодка.

Прибыв к месту назначения, я обнаружил, что на базе являюсь единственным офицером-резервистом. Обязанности мои были весьма разнообразными. Я занимался вопросами загрузки торпед и топлива, регулировкой компасов, присутствовал на испытаниях, должен был обеспечивать свободные причалы для лодок, возвращающихся в гавань, организовывал людей, которые помогали при швартовке и отчаливании. Клуб-столовая, где я обедал, представлял собой замечательное заведение: здесь всегда

было много женщин из вспомогательных служб ВМФ. Моряки в разношерстном обмундировании говорили на разных языках и употребляли весьма экзотические напитки. Мой кабинет располагался в здании заброшенной фабрики неподалеку от дока. Обстановка была скромная: стол, телефон и шкаф с канцелярскими принадлежностями.

В шкафу я нашел блокнот, оставленный моим предшественником. Он весьма детально описывал причуды людей, с которыми мне предстояло иметь дело. Эта информация оказалась бесценной.

В то первое утро я пришел в свой кабинет в 9 часов. Было очень тихо. Телефон поблескивал в лучах холодного февральского солнца. Вода в бухте была неподвижной и маслянистой от нефти. Вдалеке водную гладь бороздил минный тральщик. У берега стояли на причале две подводные лодки.

Утреннюю тишину нарушил звонок телефона. Штабной офицер хотел, чтобы нужная лодка оказалась в необходимое время под определенным краном. Пришлось покинуть кабинет и немного пройтись. Оказалось, что на том самом месте разгружают большое торговое судно. Я отправился в порт и разыскал портового инспектора. Вскоре проблема была решена. Я дал ему несколько сигарет и пригласил на коктейль в клуб-столовую. Вскоре торговое судно отбуксировали на новую стоянку. Рабочий день продолжался.

Гости с континента несколько оживляли спартанскую сдержанность Данди. По воскресеньям площадь заполняли разговорчивые дымящие сигаретами поляки. Их контингент состоял из двухсот офицеров и трех рядовых, но все они почему-то были в форме сержантов, и, казалось, это нисколько их не угнетало. После закрытия пабов мы собирались в холодных номерах самой большой в городе гостиницы и до самого рассвета пили джин с перцем. Иногда катались по реке в парусной шлюпке, но сильные и непредсказуемые ветра и приливы заставили нас в конце концов отказаться от этого удовольствия.

С наступлением лета пришло время игры в теннис и танцев под открытым небом. Улицы города заполнились прогуливающимися иностранцами. Потеплело, вода в реке была чистой и прохладной. На какое-то время я забывал о своей заветной мечте - службе на боевой подлодке. Но всякий раз, проводив подводную лодку в море, я с тяжелым чувством возвращался в спой мрачный кабинет с каменным полом. Когда становилось невмоготу, доставал бутылку - и жизнь уже не казалась мне чрезмерно мрачной. Так, как я, во время войны успели пожить многие.

В конце лета меня направили в учебную флотилию, которая располагалась в Ротси.

Глава 3

Старая плавучая база в Ротси была временным пристанищем для столь же старых подводных лодок 7-й флотилии. Эта флотилия служила базой практической подготовки личного состава для подводных лодок и одновременно предоставляла во временное пользование свои обветшалые лодки различным отрядам эскадренных миноносцев для противолодочных учений. Тем самым одним ударом убивали двух зайцев.

Курсы повышения квалификации офицеров, занимающих командирские должности, находились на огромной подводной лодке, которая выходила в море из гавани Ротси. Она всегда была заполнена молодыми людьми, горящими желанием научиться топить корабли и при этом сохранить свою индивидуальность. Лодки меньших размеров базировались в Лондондерри, Кэмпбелтауне и Тобермори. Это были лодки типа "H", построенные в конце Первой мировой войны. Они продолжали исправно функционировать, несмотря на то что ими управляли начинающие подводники. Некоторые из этих подводных лодок участвовали в морской блокаде Бреста, когда был потоплен немецкий линкор "Шарнхорст".

После шумного Данди Ротси казался тихим и спокойным. Остров Бьют, окруженный зелеными водами, сверкал в лучах солнца, словно драгоценный камень. Вечерами вершины гор заволакивала густая дымка. Подводные лодки выходили в море в восемь утра и возвращались ровно в четыре пополудни своей пунктуальностью они напоминали городские электрички. Шканцы плавучей базы играли роль палубы, по которой прогуливались пассажиры первого и третьего классов.

Едва успел я подняться по одним сходням и представиться командующему, как уже спускался по другим на узкий корпус моей первой подводной лодки. Вечером мы должны были отправиться в Лондондерри. Я с восторгом смотрел на стальную субмарину. Конечно, она не будет совершать рейды и топить вражеские корабли, но в ее узком сером корпусе и высокой боевой рубке было удивительное изящество и необыкновенная легкость. Вид подлодки доставил мне истинное удовольствие.

Мы вышли в море, когда над водой сгустился туман и замигали маяки. Когда склянки пробили восемь вечера, я поднялся на мостик, чтобы нести свою первую вахту. Это был волнующий момент.

Исчезли уныние, подавленность и постоянное желание выпить. На кристально чистом небе появились первые звезды.

Море казалось мне темным облаком, над которым мы летели на белых крыльях. Земля скрылась в темноте, о ее существовании напоминали лишь несколько неярких огней.

Вахтенный, которого я сменил, ушел, я остался один в темноте, глубоко вдохнул свежий морской воздух и вдруг осознал, что на меня возложена большая ответственность. Каждое появляющееся рядом судно представляло для нас потенциальную угрозу. Я принялся негромко напевать куплеты, в которых упоминались правила дорожного движения. Мерно гудя двигателями, лодка прошла по узкому морскому заливу и вышла в Ирландское море. Справа по борту нас обогнал грузовой пароход, его кормовые огни мигали над волнами, словно глаза распутной русалки. "Родные воды, - подумал я, - старенькая подлодка, и все же первый шаг к заветной цели сделан".

Лондондерри. День первый. Мы живем в деревянном здании, которое называют трансатлантическим сараем, поскольку раньше в нем ожидали посадки пассажиры, направляющиеся в Новый Свет. Здесь, в этом скромном месте, у нас есть крошечная кают-компания и спальня. Во время сильных приливов наша лодка стоит у небольшого причала. Рано утром, когда мы выходим в море, в городе еще тихо. Ниже по течению сгрудились несколько корветов, из их труб вырываются тонкие струйки дыма. Вздрагивая, борясь с приливом, подводная лодка разворачивается на середине реки. Мы дружно выстраиваемся на корпусе в ровную линию, чтобы угодить адмиралу, который может во время бритья выглянуть из окна своего дома.

Солнце уже высоко, но в воздухе сохраняется ночная свежесть. На фоне гор город кажется серым. Впереди ровная гладь реки, точно поверхность стекла, но ее воды таят в себе много опасностей.

Мы продолжаем двигаться вниз по течению. Дома остаются позади, их сменяют высокие холмы, окрашенные золотистым утренним светом. Нам в лица дует свежий ветер. Прежде чем мы попадем в открытое море, предстоит миновать узкий извилистый фарватер. Нужно обладать большим мастерством, чтобы провести по нему лодку. На многих судах есть лоцманы, но мы обходимся своими силами. Проплываем мимо городков Портраш и Данагри. Впереди залив Лох-Фойл сверкает, словно тропическая лагуна. Моим товарищам явно хочется запеть. Все мы, за исключением трех главных специалистов, новички в этом деле. Командир занимает свой пост впервые. Мы учимся, очень гордимся собой и боимся неудачи. Одна оплошность - и нас оставят в этой флотилии на многие месяцы. Если же проявим себя с хорошей стороны, то уже через несколько недель будем выполнять боевые

задачи.

Высоко над нами потянулся к холмистому берегу косяк уток. Чуть в стороне и ниже, мерно гудя двигателями, летит неуклюжий гидроплан. Солнечное тепло и размеренный гул двигателей лодки вводят нас в приятное расслабленное состояние, но мы знаем, что нужно быть начеку. Эта атмосфера развлекательной прогулки немедленно исчезнет, как только начнется настоящая работа.

Лох-Фойл сверкает под лучами солнца. В какой-то миле от нас берег нейтрального Ирландского свободного государства и деревушка Мовилль. Кто-то пустил слух, что в местной гостинице поселился немецкий консул, который наблюдает сейчас за нами в сильный бинокль. Мы улыбаемся и машем ему рукой. В ответ - отблески в окнах гостиницы. Спокойная водная гладь тянется до гор Шотландии. По мере того как солнце поднимается над горизонтом, море теряет свой серебристый покров и становится все синее. Вдалеке, на северо-востоке, дымят трубами несколько транспортных судов. Крошечный эсминец мечется между ними, словно обезумевший пес среди овец. Восемь утра. Пора приступать к занятиям.

Ежедневные учения, носившие название "бег от гидролокатора", при нормальном развитии событий не требовали с нашей стороны особых усилий. Наша задача состояла в том, чтобы в назначенное время и в назначенном месте погрузиться на установленную глубину и идти в определенном направлении с определенной скоростью. Эти учения обычно продолжались в течение часа. Эскадренные миноносцы должны были разыскать нас, атаковать и гипотетически отправить на дно. После этого карты и данные журналов сравнивали и делали соответствующие выводы. Иногда капитаны эсминцев предоставляли нам полную свободу действий. В этом случае мы по своему усмотрению могли менять курс, останавливаться и затаиваться. В целом все это довольно скучное дело, но в тот первый день мне было весьма интересно, и я впервые узнал подводный страх.

Случилось так, что мы имели дело с эсминцами, на которых служили очень толковые и опытные специалисты. Они отрабатывали новый план под названием "операция "Малина". Началось все как обычно. Мы погрузились, имитировали атаку на условного противника и начали уходить на безопасную глубину. Некоторое время все шло по плану. Мы должны были придерживаться тщательно разработанного, рассчитанного по минутам курса. Я сидел в кают-компании, следил по карте за передвижением лодки, поглядывал на часы и прислушивался к командам, доносящимся с центрального поста. Ничто не

предвещало опасности, и я был весьма доволен своей работой.

Внезапно лодка сильно накренилась и пошла вниз под невероятным углом. Предметы, лежавшие на столе, посыпались на пол. С полок, что были позади, на меня полетели книги, чернильницы и карты. Я едва не был погребен под этой лавиной. С центрального поста донесся топот ног и прозвучала команда: "Полный назад!" Лодка вздрогнула и замедлила движение. В цистерну быстрого погружения подали воздух, нос лодки поднялся и оказался на поверхности.

Лодка снова накренилась, и лавина пронеслась вновь, но уже в противоположном направлении. Одна из запасных торпед пробила деревянную переборку и влетела в кают-компанию. Цистерны наполнились воздухом, и лодка всплыла.

Этот небольшой инцидент закончился быстро, и мы не успели осознать, что же произошло. Расследование показало, что лодка так стремительно пошла ко дну потому, что заклинило кормовой горизонтальный руль. В тот момент, когда капитан включил обратный ход, гребные винты лодки месили воздух на поверхности, а нос ее находился в нескольких футах от дна. Когда мы всплыли, мимо нас пронеслись два эсминца. В тот день нам повезло. К сожалению, учения не всегда проходили так бурно, и нас начало угнетать однообразие службы, не терпелось скорее покинуть эту флотилию и заняться настоящим делом. Нестерпимо было торчать под ирландским солнцем, в то время как боевые подлодки каждую неделю уходили к Средиземному морю.

Ночи были ясными. Мы сопровождали танкеры в заливе Лох-Фойл, а когда выдавался выходной, на всех парах неслись вверх по течению реки в Лондондерри. Нанимали такси и отправлялись в Мовилль, где обедали и весело проводили время. Пересекая границу, мы не говорили, что военные моряки, а выдавали себя за людей штатских: власти Ирландского свободного государства часто задерживали членов нашего экипажа, которые переходили границу в неположенных местах. Нам звонили, мы отправляли машину и возвращали наших людей на имперскую территорию.

Прошел месяц. Нас направили в Тобермори, где дни были окрашены желтыми оттенками осени, а ночи стояли ясные и прохладные. Жизнь превратилась в череду погружений, всплытий и учебных атак. По ночам наша лодка одиноко стояла в темной бухте у острова Ион. Поблизости чернели силуэты гор, где-то высоко пролетали утки. Вода покрывалась рябью под ночным ветерком.

Мы настолько привыкли к Гебридским островам, что казалось, нам суждено остаться здесь навсегда. Однообразный

режим и чудесные дни уходящего лета несколько остудили наш пыл и притупили желание действовать. Мы успокоились, словно листья, сорванные ветром с дерева и занесенные в тихий уголок. И все же мы были мастерами своего дела, специалистами по погружениям, всплытиям и движению на глубине 60 футов со скоростью два с половиной узла.

В сентябре, когда ветер сменил направление, а вереск потемнел, меня направили в Барроу-ин-Фернесс, где через месяц должна была вступить в строй новая подводная лодка.

Глава 4

В первый раз я увидел ее, когда шел по мосту, соединяющему портовый город Барроу-ин-Фернесс с островом, где на судоверфи "Виккерс-Армстронг" строили подводные и надводные суда. Лодка стояла в достроечном бассейне. Серая, местами коричневая от ржавчины и красно-оранжевая от сурика, она производила впечатление незавершенности и безжизненности. Подводная лодка угадывалась в ней только по длинному узкому корпусу. Для времен массового производства она выглядела удивительно одиноко. Правда, к сходням была прикреплена дощечка с информацией, по которой рабочие смогли бы узнать ее, если бы рядом стояло много других подобных лодок. Осенью 1942 года судоверфь только начинала наращивать производство, и если вокруг стапелей уже толпились рабочие, то в достроечном бассейне было удивительно тихо.

Барроу-ин-Фернесс являл собой скопище автобусов, магазинов и шумной толпы преуспевающих людей. Источник этого процветания - судоверфь обезображивал горизонт: на фоне сентябрьского неба вырисовывались покрытые копотью и окутанные дымом подъемные краны, трубы и мачты. Но звуки работы верфи не достигали города, защищенного широкой водной полосой. В городе и за его пределами было тихо и спокойно - ни шума печей, ни грохота клепальщиков - ничто не говорило об интенсивном труде на острове.

Я перешел на мост, свернул направо и разыскал помещение, которому предстояло быть нашей штаб-квартирой в течение следующих шести недель. Там я познакомился со старшим механиком, который находился в городе уже два месяца и наблюдал за рождением нашей лодки. Он собственноручно делал чертежи различных устройств и яростно спорил со специалистами, доказывая свою правоту. Из офицеров я прибыл последним, к тому же был некадровым, поэтому чувствовал себя как рак в пруду с золотыми рыбками. Впрочем, на нас не было знаков отличия, когда вечером мы надели гражданскую одежду и отправились в местный театр, где для офицеров резервировали

специальную ложу.

На следующий день я поехал на вокзал встречать экипаж лодки. Меня порадовало, что все прибывшие прошли подготовительный курс в Блайте, ходили на учебных подлодках и, как и я, не раз испытывали горькие разочарования. Сейчас, в ясный солнечный день, они легко сходили на перрон - шестьдесят человек из разных уголков Англии и Британской империи. Шестьдесят моряков, которым предстояло отправиться из этого маленького западного порта к дальним берегам. Группами и поодиночке они уверенным шагом направились к вокзалу. Каждый нес свой багаж.

С самого начала эти люди работали вместе. Старшины укомплектовали свои отделения и принялись обучать и натаскивать подчиненных. Они читали им лекции и просто беседовали. Одновременно добывали для своей лодки имущество и оборудование. Все были заняты полный рабочий день. Приходили к девяти и завтракали на верфи. Одни члены экипажа досконально знали свое дело, другие чувствовали себя не так уверенно. Нам предстояло разобраться с каждым, выяснить, как он поведет себя на боевом посту. Выбрали орудийный расчет и наблюдателей, предварительно тщательно проверив их зрение. Лодка еще не была закончена, а экипаж уже был на своих местах. Рабочие верфи относились к этому с пониманием.

Пожалуй, мы были слишком сильно увлечены своим делом. Во всяком случае, в то время мне так казалось. Та видимая жесткость, с которой командир излагал нам свои мысли, представлялась мне излишней, пока я не осознал, что некоторые из офицеров и почти половина матросов уже ходили на боевых лодках, и для того, чтобы мы стали единой командой, их необходимо было избавить от излишней самоуверенности. К тому же характеры и темпераменты у нас были разными.

Большинство старшин были опытными подводниками. Наводчик орудийной установки, например, здоровенный детина с длинной бородой, отлично знал свое дело и относился к своей пушке словно к любимой женщине. Кадровых офицеров почти не было заметно, потому что они спокойно и уверенно несли службу. В то же время среди наших торпедистов были коммивояжер и каменщик, а француз-гидрофонист прежде работал шлифовальщиком - эти ребята и сошли с поезда в то памятное мне сентябрьское утро. И те и другие поровну делили почести за успехи и порицание за ошибки, вместе рисковали и переносили тяготы службы. Все они были частью команды, которая заставляла лодку подчиняться, поэтому у меня нет необходимости и желания характеризовать каждого из них. Мы

были одним экипажем и чувствовали свое единство, когда бороздили океаны или выходили на берег. Первый потопленный нами корабль заслуга всех и каждого. Экипаж плавучей базы снабдил нас снарядами, пищей и топливом, рабочие судоверфи построили лодку с корпусом из стали, которую дала им страна. Таким образом, все работали на победу.

В нашу полупустую квадратную комнату через запыленное окно падает солнечный свет. У окна, выходящего на достроечный бассейн, стоит длинный стол, за которым сидим мы с инженером-механиком. В дальнем углу помощник командира медленно печатает на портативной машинке. Командир экипажа расхаживает по комнате, читая утреннюю газету. Командир торпедной боевой части сейчас в немилости: перед завтраком он ходил охотиться на уток и случайно выпустил заряд дроби в сторону нескольких военнослужащих женской вспомогательной службы военно-воздушных сил, которые в тот момент, согнувшись, пытались освободить крепление аэростата заграждения. Никто не пострадал, но командир торпедной части решил от греха подальше на время убраться на лодку. Я не знаю, чем себя занять. Все что-то делают, а я в сотый раз с умным видом просматриваю перечень корабельного имущества и проверяю секстанты, мыслями уносясь в открытое море вместе с теми счастливчиками, которые покинули Барроу и теперь несут патрульную службу. Громко тикают часы. Мне кажется, что командир смотрит на мою спину с некоторой долей иронии. Наверное, штурманы всегда чувствуют себя не у дел в судоверфи.

В одиннадцать часов мы все вместе отправляемся в достроечный бассейн. Вода в нем зеленая и неподвижная. Наша лодка находится в самой его середине. Она готова к первому погружению. Мы, словно в лифте, медленно опустимся на дно и сразу всплывем. Работники верфи ничем не рискуют. Мы забираемся в лодку и ждем на главном посту начала испытания на герметичность. Давление воздуха в лодке поднимают до определенного значения - если воздух не вырвется наружу, значит, и вода не сможет проникнуть в лодку.

В половине двенадцатого клапаны вентиляции цистерн ненадолго открывают, и лодка опускается на несколько дюймов. Медленно и осторожно этот процесс повторяют до тех пор, пока весь корпус не оказывается под водой. Механики ходят по лодке с важным и задумчивым видом. Это их время. В дальнейшем главному механику не раз придется доказывать значимость своего положения помощнику командира, который заведует электрической частью и личным составом. Столь широкий круг полномочий несколько раздражает командиров отделений.

Испытания проходят нормально. Лодка не течет и не кренится. Мы всплываем, и представители верфи делают запись в одной из своих многочисленных таблиц: "Р-339". Пробное погружение. Удовлетворительно".

Выбираемся на солнечный свет и с радостью вдыхаем свежий воздух. В столовой верфи нас ожидает сытный завтрак. Сегодня суббота, поэтому работу заканчиваем в полдень. У нас большие планы на день. Впереди грандиозное чаепитие, веселый вечер, а после обеда - поход в кино. В гостиницу вернемся далеко за полночь, переполненные впечатлениями, джином и осенним озоном.

Наконец мы покинули достроечный бассейн. Легко скользя по воде, лодка проходит под мостом, который развели по этому случаю. Она еще не принадлежит нам. Среди членов экипажа слоняются гражданские: представители фирмы хотят убедиться, что их малютка здорова и готова к дальнему плаванию.

Воскресное утро. Завтракаем на борту вместе с экипажем сопровождающего нас датского сторожевого корабля. Наши внутренности обжигает курица с карри, похмелье, донимавшее после прощального вечера, почти исчезает. День чудесный, но здесь, в море, мы чувствуем себя немного одиноко.

Покрытая яркой зеленью городская набережная остается за кормой, и те сотрудники верфи, что работали с нами до последнего момента, уже сконцентрировали внимание на следующей подводной лодке. Если для нас первый выход в море - событие весьма знаменательное, то для города и верфи - вполне рядовое. Во время войны подводные лодки уходили со стапелей в достроечный бассейн, а из бассейна в море бесконечным потоком. И все же рабочие верфи должны запомнить номер, изображенный белый краской на нашей боевой рубке. Возможно, однажды они прочитают в утренней газете о наших подвигах и вспомнят о том, как вдохновенно мы занимались в недостроенной лодке.

Удалившись от берега, мы повернули на север и вечером пересекли Ливерпульский залив. Дизели вибрировали, лодка подрагивала, словно живое существо, разрезая узким носом водную гладь между островом Мэн и заливом Солуэй-Ферт.

Мы снова были в море и снова были моряками. Воодушевленные этим, принялись нести вахту, как будто и не было этих безмятежных восьми недель, проведенных в Барроу-ин-Фернесс.

Впереди нас ждали нелегкие времена. Предстояли три месяца интенсивных занятий и затем плавание вместе с начальником боевой подготовки, под его неусыпным контролем. Подводная лодка станет за это время послушным орудием в наших руках:

она будет погружаться и всплывать, посылать снаряды и торпеды в нужное время и в нужном направлении, повинуясь легкому движению наших пальцев.

Солнце закатилось. Справа на траверзе был мыс Голуэй. К тому времени, когда мы покинули Ирландское море, над горизонтом сгустилась ночная тьма. Мы смотрели на восток, туда, где должно было взойти солнце, глазами вчерашних школьников, готовящихся к новой взрослой жизни, и сердца наши были преисполнены надеждой.

Глава 5

Большие караваны судов, курсировавших в заливе Клайд, выходили из портового города Гринок и, минуя ряд буев, проходили через расселину в Кембрийских горах. Достигнув острова Бьют, они сворачивали на юг и двигались вдоль побережья графства Эршир. В этих водах было несколько участков, где проводились учения подводных лодок. Именно здесь, между островами Бьют, Кинтайр и Арран, мы проходили боевую подготовку в ноябре 1942 года. Этот район носил название Инчмарнокские воды.

В заливе Клайд обычно было холодно и туманно. С запада, со стороны Атлантического океана, приходили колючие дожди, и сильный ветер гнал по темной воде миллионы светлых барашков. Иногда по утрам небо прояснялось. В такую погоду мы, после плотного завтрака и горячего кофе, плыли вниз по течению реки, улыбаясь наступившему дню и горя желанием поскорее начать занятия.

Эти тихие воды, куда не заплывали корабли, были по-своему прекрасны. Можно было часами смотреть на водную гладь, в которой отражался багрянец заката, на горы, чернеющие вдалеке, на редкие огни на их склонах. Мы были оторваны от мира. Иногда работа продолжалась до глубокой ночи и приходилось бросать якорь в одной из тихих бухт близ пустынного каменистого берега, поросшего вереском.

Постепенно мы совершенствовали свои навыки. Провели тщательные испытания лодки. Погружались на глубину 450 футов и просили экипаж эсминца бросить неподалеку глубинную бомбу, часами патрулировали прибрежные воды, сверяя теорию с практикой. Теперь лодка была наша. Гражданские покинули ее, захватив с собой чек на 350 тысяч фунтов стерлингов, подписанный командиром от имени адмиралтейства. Мы должны были позаботиться о том, чтобы деньги налогоплательщиков не пропали даром.

Залив Лох-Лонг узкой серебристой лентой тянулся среди холмов до тихого поселка Аррокар. Мы поставили лодку на

прикол у старого деревянного причала и пошли в местную гостиницу, чтобы немного выпить. На западе купалась в лучах солнца вершина горы Кобблер. Усевшись за стол, подняли бокалы с пивом, и показалось, что мир вокруг нас замер. Позднее мы узнали, что такие чудные моменты чрезвычайно кратковременны, и усвоили привычку не растягивать удовольствие. Но тогда, в той шотландской деревне, мы расслабились и не спеша тянули пиво. На следующий день предстояли учебные торпедные стрельбы, и мы, наслаждаясь тишиной и задушевной беседой, засиделись допоздна.

Раннее утро. Наша подлодка на всех парах мчится по заливу. Местами он очень узкий, и отражение нависших над его берегами холмов смыкается на его поверхности. Перед полигоном замедляем ход, разворачиваемся и занимаем позицию для торпедной стрельбы. Торпедный полигон обозначен буями. Наши стрелки проверят торпедные аппараты и дадут возможность новым торпедам проявить себя. Рядом с нами стоит мотобот, с него нам дадут команду к началу стрельб. В конце полигона расположилось небольшое рыболовецкое судно. Наблюдатели на нем ожидают наших торпед, боевые зарядные отделения которых заполнены не тринитротолуолом, а водой. У края поросшего травой крутого берега живописная березовая рощица. То и дело из воды выпрыгивают рыбины. Но нам не до красот - мы ждем сигнала. Момент весьма ответственный. Внизу, в торпедном отсеке, наши специалисты настраивают приборы, которые зафиксируют все необходимые показатели. Нас эти проблемы мало беспокоят. Лично я должен обеспечить позицию для торпедной атаки, а затем могу спокойно курить на мостике и ждать резкого толчка, свидетельствующего о торпедном залпе. Моряки на мотоботе зашевелились. Мы по-приятельски улыбаемся им. В нас живет чувство морского товарищества.

Учения начались. Лодка вздрагивает, и первая торпеда уходит к цели, оставляя за собой след из воздушных пузырьков. Следы трех первых торпед исчезают в серой дымке. Четвертая торпеда неожиданно привлекает наше внимание: она резко отклоняется вправо, подпрыгивает, словно веселый дельфин, выскакивает на берег и, сметая все на своем пути, исчезает в зарослях папоротника. В воздух поднимается тонкая струйка дыма, ноздри щекочет запах горячего масла. Мотобот немедленно отъезжает, чтобы разыскать беглянку. Этот случай с блудной торпедой ничуть не огорчил нас, напротив, он нас позабавил и показал, что мы отнюдь не всесильны. Специалисты кусают ногти и качают головой. Бледное солнце по невысокой дуге крадется на юг. На берегу среди деревьев видны развалины небольшого

каменного здания.

Аррокар. С этой деревушкой связано много воспоминаний. Однажды местные добродетельные матроны решили организовать для нас танцы. Однако большинство наших парней не торопились в танцзал - спокойно допивали пиво в гостинице. Те же немногие, что пришли вовремя, забрались на сцену к музыкантам и затянули песню о нашей подводной лодке, не обращая внимания на стоящих у стен девушек и гневные взгляды их матерей.

Я с одним приятелем даже поднялся на гору Кобблер. Мы вышли из гостиницы после обеда и зашагали по пологому склону, заросшему вереском. Наша лодка, стоящая на якоре в середине залива, по мере того, как мы поднимались, становилась все меньше и меньше. Одолев первый холм, мы прямо перед собой увидели вершину - огромную каменную скалу, уходящую в небо. День клонился к вечеру, и мы торопливо зашагали вверх. Становилось прохладно. Для столь серьезного восхождения одежда наша - серые фланелевые брюки и бушлаты с жестким воротником - была слишком легкой.

Мы достигли вершины, когда солнце уже уходило за горизонт. Подошли к краю утеса и далеко внизу увидели залив и мерцающие якорные огни нашей лодки. Сильный ветер обжигал нам лица дыханием Арктики. Стало совсем темно, и мы поспешили вниз.

Через час, измученные, продрогшие, полупьяные от кислорода, по довольные, мы столкнулись с компанией веселых мужчин и женщин, которые расположились на ночь у подножия горы. Завязалась оживленная беседа. Они оказались членами альпинистского клуба из Глазго и на рассвете собирались начать восхождение на гору Кобблер. Мы посмотрели на них с удивлением, но так и не решились сказать, что в своей легкой униформе недавно стояли на вершине, для покорения которой они пожертвовали своим коротким отпуском и запаслись картами, теплой обувью, веревками, болтами с крючьями и прочим снаряжением. Попрощавшись, мы спустились на дорогу и с трудом преодолели последние мили до залива. На лодке нас встретили без особого энтузиазма. Наши товарищи удивленно поднимали брови и поглядывали на нас как на чокнутых. Мы же сохраняли гордый вид и с большим удовольствием потягивали свое виски.

Через несколько дней торпедные стрельбы нам порядком надоели, и мы были рады, что наша лодка взяла курс к поселку Аррокар кормой, оставив наблюдателей на берегу. Когда мы на всех парах неслись по заливу, командир заметил на берегу среди деревьев каменные развалины и решил, что это замечательная

мишень для учебной стрельбы из пулемета. Лодку остановили в 500 ярдах от мишени, вынесли на мостик пулеметы. Точка прицеливания дымовая труба на крыше полуразрушенного здания. Ярко светило солнце. Пулеметчики навели оружие на цель.

- Огонь! - прозвучала команда.

Раздались выстрелы. В сторону леса понеслось несколько верениц красных трассирующих пуль. Из сухих листьев на земле поднялись небольшие клубы пыли. Цель осталась нетронутой. Лицо командира потемнело, и он приказал открыть огонь из 20-миллиметрового "эрликона". Глухие выстрелы эхом отозвались в тишине. От дымовой трубы отвалилось два кирпича, но она устояла. Немного погодя "эрликон" замолк, и стрелки с виноватым видом доложили, что его заклинило. Командир щелкнул пальцами и устремил тоскующий взгляд на 4-дюймовую пушку. Мы ждали, затаив дыхание. Через мгновение раздался приказ:

- Орудийному расчету занять позицию у четырехдюймовки! Зарядить один комплект для учебной боевой стрельбы!

- Дальность 050! Отклонение 0! - поочередно выкрикнули наводчики. Огонь!

Прогрохотал выстрел, от которого задрожали верхушки деревьев. Над лодкой поднялось облако черного дыма. Стена желтой пыли закрыла мишень. Когда пыль осела, мы дружно заулыбались. Дымовая труба исчезла, а вместе с ней и все здание. Над тем местом, где оно стояло, летали встревоженные птицы. С чувством выполненного долга мы продолжили путь.

Через некоторое время пришло письмо от руководителя местного комитета по лесоводству, в котором говорилось о том, что в определенный день и час английская подводная лодка обстреляла и разрушила строение на берегу залива Лох-Лонг, где обычно прятались от непогоды работники лесничества. Тон письма был вежливый, но его содержание сводилось к тому, что дело серьезное и не должно иметь продолжения. Письмо нам принесли утром, в нижней его части оставалось место для заметок. Командир взял карандаш, написал: "Извините" и расписался. На этом инцидент был исчерпан.

В середине ноября мы вернулись в Инчмарнокские воды, где продолжили интенсивные учения. По ночам, когда зажигались маяки, проводили учебные атаки, нанося удары торпедами, пушками, пулеметами и так далее. Мы использовали сигнальные ракеты, радиолокатор, пеленгатор и другие вспомогательные устройства. Погружались на большую глубину, и специалисты с помощью громадного микрофона оценивали громкость работы

каждого механизма нашей лодки. После занятий чаще всего возвращались на плавучую базу в заливе Холи-Лох и шли ночевать в скромную местную гостиницу. Мы знали, что скоро исполнится наше заветное желание - участвовать в боевом патрулировании наших вод.

Не обошлось без инцидента. В один из темных туманных вечеров мы получили приказ занять позицию для учебной боевой стрельбы по надводной цели. Видимость ужасная, и, несмотря на все усилия, невозможно разглядеть цель в темноте. Но мы любим свое оружие и готовы продемонстрировать мастерство. Сначала необходимо выпустить несколько осветительных снарядов и, пока осветительные ракеты будут спускаться на парашюте, произвести залп боевыми снарядами. Осветительные снаряды снабжены взрывателем и должны взрываться высоко в небе над целью. Для стрельбы ствол орудия поднимают под углом 45 градусов к горизонту, что соответствует максимальной дальности стрельбы. Выпустив осветительные снаряды, мы зарядим боевые, уменьшим дальность стрельбы до 1000 ярдов и будем ждать появления цели. Готовимся очень тщательно. Вдали светятся огни городка Солткотс. С мостика виден поднятый ствол пушки, готовой произвести первый залп. Мы основательно продрогли, и все это мероприятие кажется нам слишком сложным. Две другие подводные лодки, которые должны были участвовать в стрельбах вместе с нами, ретировались и теперь уже, наверное, на полпути домой. Мы всматриваемся в темноту и, кажется, замечаем темные очертания судна, буксирующего цель. Так и есть. Открываем огонь.

Все происходит очень быстро. Орудие громко ухает. У осветительных снарядов заряд небольшой, и при выстреле не возникает вспышки. Звук глуховатый. Первые три снаряда ушли в небо, и тут происходит нечто непонятное. Следующий выстрел оглушительно громкий и звонкий. Снаряд со свистом улетает в ночь. Угол подъема ствола по-прежнему 45 градусов, следовательно, этот снаряд улетит на 8000 ярдов. Орудийный расчет застывает от неожиданности. Кто-то по ошибке зарядил пушку учебным, заполненным песком снарядом, и теперь он со свистом несется к берегу. С тревогой смотрим на огни Солткотса. Мигает сигнальная лампа. Стрельбы отменяются. Мы разворачиваемся и, преодолевая приливное течение, полным ходом возвращаемся домой. До того как откроется бар, у нас будет время принять ванну, переодеться и обсудить события прошедшего дня. Такая перспектива нас радует.

Насколько мне известно, тот снаряд так и не долетел до побережья графства Эршир. Но возможно, через много лет его

обнаружат археологи, изучающие следы нашей цивилизации. Интересно, что они подумают.

В середине декабря мы завершили учебу и были признаны "годными для несения боевой патрульной службы". Нам предоставили отпуск. Наша лодка осталась стоять в ледяной воде. Она прошла испытания: ее стальное тело было крепким, а нервы чутко реагировали на наши команды. Пока мы отдыхали в кругу близких, она безмолвно и неподвижно стояла у плавучей базы. Но когда мы вернемся, ее сердце снова забьется и кровь вновь побежит по артериям. В ее темных отсеках зажжется свет, и тишину нарушат наши веселые голоса. Тем временем в разных концах Британской империи отдыхали и набирались сил члены экипажа лодки. Эти моряки, которых я и впредь намерен именовать собирательным словом "мы", на время вспомнили о своей индивидуальности и стали самостоятельными, подобно листьям, сорванным ветром с дерева и разбросанным по разным уголкам сада.

Глава 6

Середина декабря. Целый день шел дождь, но к вечеру небо прояснилось и на севере появилось несколько бледных звезд. Вершины гор все еще закрыты облаками. Река Клайд безмолвно несет свои воды к морю. Вдали виднеются темные очертания больших торговых судов. В этот зимний вечер мы покинули залив Холи-Лох и направились к Северному мысу. Так началось наше первое боевое патрулирование.

В лодке кипела жизнь: в ее стальном корпусе билось шестьдесят молодых сердец. Шестьдесят воспаривших духом, готовых к подвигам молодых людей слаженно делали свое дело.

Все шло по распорядку. Мы отчалили, осторожно прошли мимо стоящих судов, обогнули бакен, резко свернули направо и миновали боновое заграждение. Проплыли мимо города Ротси и Кембрийских гор, мимо островов Айлса-Крейг и Санда. Эти береговые ориентиры и рыболовецкие суда неожиданно показались нам старыми знакомыми. Казалось, каждый буй повторяет последний световой сигнал плавучей базы: "Счастливой охоты".

Сопровождающий нас корвет ушел далеко вперед и постепенно растворился в сгустившихся сумерках - мы видели лишь дрожащее пятно света. Юго-западный ветер свистел среди холмов графства Эршир. Позади нас шла польская субмарина, а за ней еще одна английская подлодка. Мы направлялись в город Леруик, расположенный на одном из Шетландских островов, - собирались пополнить запасы топлива, прежде чем продолжить путь и сменить наши товарищей, патрулировавших воды возле

глубоких норвежских фьордов.

Нам не пришлось заново привыкать к службе и жизни на лодке - мы слушали патефон, ели и спали. На мостике, облеченные в ветрозащитные костюмы и штормовки, ежились и жались друг к другу, словно цыплята.

Наступил день, но почти ничего не изменилось. Разве что стали видны серые с белыми шапками волны. Море билось о нос нашей лодки, заливая его водой, но субмарина упорно двигалась на север, оставив позади остров Малл, город Сторновей и мыс Рат. Мы покинули спокойные воды Гебридских островов и устремились на край земли, к безбрежным холодным водным пространствам. Суда здесь нам не встречались. Ненадолго появились и пропали в предрассветных сумерках Оркнейские острова. Снова мы остались одни.

Шетландские острова. Наша лодка подошла к ним вечером. Дул холодный ветер. Ближе к ночи полил дождь, и вокруг нас сгустилась тьма. Видимость стала минимальной. Мигающий свет маяка был едва заметен.

Мы принялись очень медленно и осторожно приближаться к боковому заграждению. Сопровождавшие нас суда исчезли в темноте. На мостике имелась 6-дюймовая сигнальная лампа Алдиса, но ее луч не мог пробиться сквозь стену дождя, который падал в воду с громким шумом, похожим на тот, что издает вырывающийся на свободу пар.

Неожиданно справа по носу темноту прорезал синеватый свет прожектора корвета, и мы увидели скалы. Казалось, судно движется прямо на каменный утес. Но нам самим нужно было соблюдать осторожность, и мы внимательно смотрели вперед. Кто-то заметил боновое заграждение и буи. Они были слишком близко. Прозвучала команда: "Полный назад!" Лодка вздрогнула. Как назло, дождь усилился. Луч нашей лампы метнулся по направлению к корме и высветил скалы - отчетливые тени, вокруг которых пенились волны.

Думаю, в ту ночь нам повезло. Возможно, Бог внял нашим безмолвным молитвам. Как бы там ни было, мы благополучно прошли боновое заграждение, хотя и задели по дороге и затушили два.сигнальных буя. Но к тому времени у нас все уже было под контролем. Мы тихо проплыли по не защищенной от ветра гавани и бросили якорь неподалеку от берега.

На небольшом рыболовецком судне подъехали розовощекие неуклюжие мужчины. Они привезли нам все необходимое, выслушали жалобы и пожелания. Мы спустились с ними в лодку, и бутылка виски смягчила наши суровые лица. Все с удовольствием потягивали крепкий напиток. Кровь быстрее

побежала по нашим венам, и улыбки на лицах стали более радушными.

Внезапно лодку качнуло от удара. Оказалось, польская субмарина, миновав боковое заграждение, на радостях на всех парах помчалась дальше, задев носом нашу лодку. Ее отбросило назад, и она села на песчаную банку посреди гавани. Третья лодка всю ночь простояла за пределами гавани.

На рассвете я нес якорную вахту и наблюдал восход солнца над Шетландскими островами. Сначала на востоке окрасились в оранжевый цвет гонимые ветром облака. Постепенно из темноты выступили мрачные безлесные острова. Рассвело, и я заметил дым, выходящий из труб над небольшими домами. Неожиданно с запада, оттуда, где было еще темно, появилась стая морских птиц, летящих совершенно бесшумно. Мне показалось, что ветер усилился, но на самом деле такое ощущение возникло потому, что теперь я видел набегающие на берег волны. Восход солнца застал меня врасплох. Его сверкающие лучи взметнулись над холмами, и в одно мгновение мир вокруг преобразился: синие тона сменились зелеными и коричневыми, вода окрасилась в золотистый цвет. Ночь сменилась днем, и я вдруг почувствовал, что сильно устал.

На карте путь из Леруика к мысу Нордкап, что у северной оконечности Норвегии, кажется прямым и ровным. Сотрудники штаба чертили наш маршрут в теплых, хорошо освещенных кабинетах. Во время войны мы стали точкой на карте, небольшим объектом, способным доставить определенное количество взрывчатки в лагерь врага, - этаким современным троянским конем.

Из фокальной точки, находящейся на карте возле города Леруик, отходили в разных направлениях аккуратные пронумерованные линии-маршруты. По этим линиям двигались подводные лодки, осуществляющие блокаду немецких линейных кораблей. Ни шторма, ни стужа не могли помешать методичному перемещению точек по карте. Для того чтобы облегчить себе жизнь, офицеры штаба иногда рисовали над такими точками флажок с номером лодки. Мы изучили по карте наш маршрут и поплыли на север, оставив землю за кормой. В спины нам дул крепкий ветер.

Чувство удовлетворения тем, что мы наконец отплыли, несколько притуплялось сознанием лежащей на мне ответственности. Я отвечал за то, чтобы наша лодка придерживалась намеченного маршрута и двигалась по нему с постоянной скоростью. Малейшее отклонение от курса грозило опасностью: наблюдающие за поверхностью моря

бомбардировщики могли принять нас за неприятельскую лодку и нанести бомбовый удар, поэтому я был предельно собран. Сильный ветер и течения осложняли мою задачу. Когда небо было закрыто тучами, приходилось вести счисление пути. Ходили слухи, что у мыса Нордкап очень сильные приливные течения и что фьорды очень похожи друг на друга. В северных широтах редко пользовались астрономической навигацией, так как по ряду причин в этих местах очень сложно определить точную высоту светила. Это было мое первое плавание в качестве штурмана. Я немного волновался, но все же с таблицей поправок лага и таблицами приливов чувствовал себя более уверенно, чем с секстантом и морским астрономическим ежегодником.

В то время когда наша лодка повернула на восток, направляясь к берегам Норвегии, луна была в третьей четверти. Погода стояла ужасная. Дул штормовой юго-западный ветер. Соленые брызги хлестали по лицу, когда мы несли вахту на мостике. Волны вздымались и обрушивались на нас. Самой лодки не было видно под бурлящим слоем пены, один лишь мостик оставался над водой. После такого дежурства моряки возвращались в лодку промокшими до нитки и сушили одежду в машинном отсеке.

Так мы сражались с морем. Возможно, где-то рядом, преодолевая волны, шла к Атлантическому океану вражеская субмарина, но мы не задумывались об этом. Шторм был общим врагом для всех моряков.

Лодка продолжала двигаться на север. Стало холоднее, ветер стих. К тому времени, когда показались берега Норвегии и покрытые снегом горы, погода улучшилась. Мы тщательно просушили нашу одежду, готовясь к двухнедельному патрулированию внутри Северного полярного круга.

Ночная вахта недалеко от мыса Нордкап. Неделя до Рождества. Мы курсируем возле входа в фьорд примерно в пяти милях от берега. Скорость небольшая, и двигателей почти не слышно. Ветра нет, в тихой воде застыло отражение луны. Чертовски холодно. Без перчаток руки моментально застывают. Втроем молча стоим на мостике с биноклями в руках. К югу от нас зубчатые цепи гор, справа на траверзе вклинивается в сушу и исчезает среди скал узкий фьорд. Где-то там вдали находится враг, его корабли в любой момент могут появиться в поле нашего зрения в виде темных движущихся квадратиков.

Далеко к северу от нас через паковые льды движется к Мурманску британский конвой, чем и объясняется наше присутствие в этих темных водах. Прямо передо мной изогнутый леер мостика, холод которого я ощущаю локтями, чуть дальше -

длинный ствол 4-дюймовой пушки и, наконец, темный широкий нос нашей лодки, мерно покачивающийся между волнами.

На юго-западе над холмами появляется бледная полоса света - луч портового прожектора. Порыскав по темному небу, он исчезает. Я начинаю замерзать, и очень вовремя появляется мой сменщик. Лицо его закутано настолько, что видны только глаза и рот.

Так было каждую ночь. Каждую ночь мы боролись с холодом и видели горы, покрытые снегом. Когда ветер усиливался, моряки промокали насквозь от морских брызг. Временами стояло безветрие. Часто нам казалось, что мы видим крадущиеся вдоль берега суда, но всякий раз тревога была ложной.

Во время полнолуния я несколько раз пытался определять наши координаты по звездам, но результаты были плачевные. Так, однажды у меня получилось, что мы находимся в 50 милях к востоку от нашего фьорда, а когда рассвело, выяснилось, что заплыли далеко восточнее мыса Нордкап.

Шторма начинались внезапно. Лодка погружалась на 100 футов, но и там изрядно болтало. Нелегко управлять лодкой на перископной глубине, и, случалось, мы выскакивали на поверхность, словно поплавок, хотя цистерны быстрого погружения были заполнены водой. Вражеские наблюдатели, вероятно, делали большие глаза, когда с заснеженных утесов видели, как среди серого бушующего моря неожиданно появлялась лодка и вновь исчезала под водой. Думаю, это было единственным светлым пятном в их серых буднях.

Мы сидим за обеденным столом. Ночь на удивление тихая, и наши тарелки и стаканы ведут себя смирно. Отстояв вахту, возвращается помощник командира. Нос его цветом напоминает клешню омара.

- Не перестаю удивляться выносливости человеческого организма, говорит он и начинает раздеваться.

Мы с любопытством наблюдаем за этим невероятным стриптизом. С его одежды капает вода. Он сообщает нам, что небо на юго-востоке вновь просвечивают прожекторы. Наш электрический камин пышет теплом, лампы на столе освещают дымящуюся пищу. Мимо движется фигура в странном одеянии. Это идет на мостик один из сменных наблюдателей. Он явно не торопится. После еды совсем не хочется выходить из тепла в морозную ночь и смотреть на горы со снежными шапками на вершинах. Мы глядим ему вслед и думаем о том, с каким удовольствием будем принимать горячую ванну на борту плавучей базы.

За время нашего патрулирования произошел лишь один

инцидент. За обедом вдруг засигналил ревун. Вахтенный офицер сообщил, что поблизости замечены световые вспышки и лучи прожекторов. Однако противник не появился, и мы решили, что это были какие-то учения.

Эти берега наша лодка покидала тихой лунной ночью. Взяли курс к дому, на запад, и посмотрели назад. В свете лунной дорожки вдруг появился темный длинный объект, который исчез прежде, чем мы успели перевести дух. Эта сцена произвела на всех большое впечатление. Наша смена подошла вовремя. Тихо и без помпы одна подлодка сменила другую, как и было предусмотрено штабом. И это была еще одна небольшая грань войны.

Дорога домой оказалась полна контрастов. Днем светило бледное солнце. Белесое море окатывало нас брызгами, которые быстро застывали и покрывали мостик белым инеем. По ночам мы были судном-призраком - мерцающим светом, зарывающимся в волны и отбрасывающим огромные куски пены, бурлящие и шипящие в кильватерной струе. Когда поднимались волны, нами овладевало нетерпение. Хотелось побыстрее попасть домой и погрузиться в горячую ванну.

Ясный солнечный день. Мы на всех парах несемся по синим водам. Мостик, покрытый слоем льда, представляет собой замечательное зрелище. Из-за льда обхват ствола орудия достиг двух футов. Даже радиоантенна увеличилась в размере в три раза. Я поднимаю глаза на небо, и в голову приходит мысль, что с самолета нас трудно отличить от пенистых гребней волн. Глаза наблюдателей поблескивают из-под вязаных шапок, ресницы покрыты инеем. Несмотря на мороз, день чудесный. Мы счастливы, потому что возвращаемся домой.

Глава 7

Наша лодка отплыла в полночь и направилась к Гибралтарскому проливу. Было очень темно, дул ветер, и моросил дождь. Мы все чрезвычайно рады новому выходу в море, но, боясь что-нибудь забыть, по нескольку раз возвращались в свои каюты на плавучей базе, чтобы убедиться, что ничего не оставили. С нами должна была плыть еще одна лодка.

В половине двенадцатого мы собрались в маленькой кают-компании. Все наши вещи разбросаны на полу. То и дело слышна ругань. Оказывается, куда-то задевалась штормовка помощника командира.

Ближе к полуночи дождь прекратился, и на небе появилось несколько тусклых звезд. Горы хмуро глядят на нас с высоты. Мы стоим на мостике и проверяем компасы. По-прежнему очень темно. Фонари освещают наши безмолвные лица. Начинаем

испытывать ходовые огни. Вспыхивает красный, затем зеленый свет. Лица делаются алыми, потом зеленовато-белыми. Вновь становится темно. Здесь на мостике нет той суеты, которая царит сейчас внизу.

Погода улучшается. Небо на юге почти очистилось от облаков. Доносятся резкие команды офицеров. Справа от нас высится темный борт плавучей базы, через который и перегнулись несколько фигур. Это друзья провожают нас.

Приготовления закончены. В полночь появляется командир лодки. Канаты падают в ледяную воду. Матросы, стоящие на корпусе, о чем-то переговариваются, но мы не можем разобрать их слов. Последний сигнал дает командир флотилии. Мы свободны. Лодка начинает медленное бесшумное движение. Вслед за нами идет другая подлодка. Ее экипаж дружно затянул: "Я вернусь к тебе, когда зацветут яблони".

Наша лодка проходит боновое заграждение. Начинают громко работать двигатели. Над водой появляются два беловатых облачка.

Мы вновь покинули родные берега. Ночь была ясной. Тут и там сверкали огни проплывающих мимо судов. На рассвете лодка вышла из устья реки и повернула на юг. К этому времени все было разложено по местам, и суета прекратилась. Моряки быстро и легко втянулись в рутину надводного перехода. Больше всего радовало то, что Арктика осталась за кормой.

В то время мир облетело известие об успешной высадке десанта в Северной Африке. В британских прибрежных водах появлялось все больше американских флагов. Те суда, которые встретились нам, прошли три тысячи миль через штормы и испытания. Линия фронта проходила неподалеку от нью-йоркской гавани.

Двигаясь на юг, мы много думали и говорили о войне. Неожиданно эта тема стала интересной. Теперь война для нас была не тем, о чем писали в газетах или небрежно говорили в столовой плавучей базы. События в Северной Африке ускорили биение наших сердец. Продолжая оставаться зрителями, мы чувствовали, что скоро придет наш черед выйти на сцену. Как сказал командир штурманской боевой части флотилии: "Гибралтар. Второй поворот налево".

Наш переход проходил спокойно и без происшествий, но мы не расслаблялись, помня о береговой охране и Королевских ВВС. Служащие там зоркие парни, которые осуществляли воздушный противолодочный дозор, едва ли знали, что ВМС Великобритании обладают судами, внешне похожими на подводные лодки. Поэтому, заметив в небе одного из этих горячих "гудзонов", мы

немедленно погружались. Даже по ночам не позволяли себе ослабить бдительность. Нас мог обнаружить луч прожектора, а вслед за ним полетели бы бомбы. Как бы мы ни иронизировали по поводу возможностей этих самолетов и количества подводных лодок, которые они якобы потопили, нам совсем не хотелось, чтобы наш небольшой запас вин был уничтожен английским тринитротолуолом.

Так, воюя с помощью карандашей и географических атласов, мы все ближе подходили к Гибралтарскому проливу. По мере нашего продвижения на юг солнце грело все сильнее, и мы уже физически ощущали, что Арктика удаляется. Нам все больше нравилось стоять на мостике, облокотившись на леер. Появилась вера, что высшие силы благосклонны к нам.

Первая встреча с землей была успешной и несколько неожиданной. Мыс Сан-Висенти возник на горизонте, когда мы медленно перемещались по теплым водам. Вскоре в дымке тумана показались горы Андалусии. Если встреча с Португалией была несомненным навигационным успехом, то берега Испании навевали другие мысли. Испания открыто встала на сторону врага, и мы смотрели на эти горы со смешанными чувствами. Нам еще предстояло встретиться с испанскими кораблями и выяснить, чего они стоят.

Когда на траверзе появился мыс Спартель, мы поняли, что приближаемся к Средиземному морю. Но впереди нас ждали немалые трудности. Сильные течения подхватили лодку и понесли, так что до Средиземного моря мы добрались, двигаясь зигзагообразно и прикладывая большие усилия, чтобы не налететь на берег Африки. Я понял, почему командиров немецких подлодок награждали Железным крестом за то, что они проходили эти воды в подводном положении. Это было рискованное" предприятие.

В Гибралтарском проливе мы почувствовали дыхание войны. Свидетельство тому такой эпизод. На горизонте появляется мыс Европа. Южнее по залитым солнцем водам движется в направлении Алжира большой конвой. Встречные суда с помощью сигнальных ламп спрашивают нас, кто мы и куда идем, затем отправляются дальше выполнять свои задачи. Мы проходим мимо расположившихся боевым строем кораблей. Из стволов их орудий вырываются желтые языки пламени - идет учебная стрельба по неизвестной нам цели. Звуки выстрелов доносятся до нас спустя некоторое время. Мимо в направлении гавани гордо проплывают несколько эсминцев. Какой-то амбициозный тральщик решил выступить в роли нашего эскорта. Пытаемся приспособиться к его скорости, но это непросто - рулевой явно не обращает на нас

внимания.

Остров Гибралтар все ближе. Сначала показался порт, за ним - зеленые холмы с разбросанными на западных склонах белыми домиками.

Пост наблюдения и связи сигнализирует нам мощной синей лампой. Нам передают сообщение от адмирала флота и указывают, куда причалить. Мы сигналим ответ, осторожно двигаясь за нашим чересчур независимым ведущим. В бухте много судов. Танкеры, кажущиеся то перегруженными, то недогруженными, десантные катера, крейсерские яхты, торговые суда, суда Красного Креста, испанские суда, удивляющие своей окраской мирного времени, - все они стоят покачиваясь на легком ветру и поблескивая в лучах заходящего солнца.

Наша лодка медленно приближается ко входу в гавань. Словно недовольные тем, что их приглушили, двигатели сердито фыркают и дымят. Мы проходим боновое заграждение и включаем электродвигатели.

Вокруг видим следствие событий в Северной Африке - корпуса кораблей без носа, без кормы, без того и другого, корабли с разбитыми мостиками. Некоторые суда с виду не поврежденные, но за их блестящими на солнце бортами - развороченные машинные отделения. В сухих доках много таких кораблей.

Мы пришвартовались возле другой подводной лодки. На борт поднялся офицер, который снабдил нас полезной информацией о местных условиях и традициях. Солнце закатилось, и воздух стал холодным. Достали вино и стаканы. За ночь незнакомцы стали друзьями. Нам нравился наш новый флот. Холодный и мрачный север остался позади. В то время как мы сдвигали стаканы, армия пробивала себе дорогу в тунисской ночи. Темноту в бухте разгоняли лучи прожекторов. Патрулирующие гавань дизельные катера через равные интервалы опускали в воду глубинные бомбы. Война была рядом.

Глава 8

Подводная война в Средиземном море сильно отличалась от войны в Арктике. Одной из главных причин этого отличия была полупрозрачность воды. Итальянцы методично и умело проводили противолодочные мероприятия. Мы имели дело с очень сильным противником, обладающим самым современным оружием, за исключением разве что реактивного снаряда, который в то время использовали только немцы. Однако у итальянских подводников тоже хватало проблем: их уже начали тревожить наши эсминцы, привлеченные из Атлантического океана для охраны морского пути в Северную Африку.

Интенсивность боевых действий повсюду возрастала. Что бы мы ни говорили об итальянском ВМФ, их эсминцы тоже добивались успехов. Небольшие итальянские сторожевые корабли до последнего дня прилежно курсировали между Мессиной и Бизертой. У нас не было повода смеяться над этими неутомимыми тружениками.

На острове Гибралтар под испанским солнцем мы выпивали и вечерами маялись от безделья. Иногда днем проводили учения, но после заката нас всегда можно было найти в одном из баров на берегу. Партнерш по танцам постоянно не хватало. Несколько женщин из вспомогательной службы ВМФ посещали лишь те мероприятия, которые проводились в клубе-столовой, притулившейся на вершине утеса. Мы чувствовали себя не очень уверенно в этом заведении и после нескольких безуспешных попыток конкурировать с четырьмя сотнями других мужчин обратили свое внимание на винные лавки. У Гибралтара было одно важное преимущество - теплый климат. Для нас это была благодать.

Испанки строили глазки членам экипажа, а те сохраняли силу, бодрость духа и способность по достоинству оценить сомнительные прелести этих смуглых созданий.

Однако время отдыха подходило к концу, пришла пора браться за дело. Нас направили в район города Аликанте для поиска и преследования судов, пытающихся прорваться через блокаду. Эти суда представляли собой большую опасность, но обнаружить их было нелегко. Предполагалось, что мы наберемся опыта патрулирования в теплых водах во время коротких ночей.

Немцы пересекли границу на юге Франции. Некоторые судовладельцы решили заработать капитал на налаживании сообщения между блокадными испанскими портами Валенсией, Аликанте и Палермо и французскими Марселем и Тулоном. У Средиземного флота не хватало судов для борьбы с этим злом, и на востоке активно действовали самолеты Королевских ВВС. Нам предстояло две недели охотиться в испанских территориальных водах за этими дерзкими суденышками.

Мы вышли в море ночью. История повторялась - когда-то адмирал Нельсон на "Вангарде" под покровом ночи отходил от Гибралтара, направляясь в Тулон, где намеревался отыскать Наполеона. Эти тихие воды были хорошо знакомы английским морякам. Здесь они участвовали во многих морских сражениях. Часто побеждали, иногда удача была на стороне противника. За многие годы почти ничего не изменилось: казалось, время не властно над этими бухтами и заливами.

Слева на траверзе высились горы Сьерра-Невада. Ночь была

теплой. Оставив за кормой испанские рыболовецкие суда, которые ежедневно заходили в гавань и, по сути дела, были немецкими соглядатаями, мы сменили курс и двинулись на север, навстречу Полярной звезде. Мимо, сверкая огнями, словно метеор, пронесся большой испанский лайнер. С берега как своим, так и врагам мигали добродушные маяки. Точки на карте обретали очертания реальных объектов местности. Время шло: стрелки на наших часах непрестанно отсчитывали секунды и минуты.

Послеполуденная вахта. Я и еще шесть сонных мужчин в небрежных позах сидим на центральном посту. Сейчас время сиесты, когда все отдыхают. Тусклые лампы освещают помещение неприятным оранжевым светом. Царит полная тишина. Через окуляр перископа я вижу день, которому мы не можем радоваться вместе с морскими птицами. Море очень спокойное, видны даже водоросли, плавающие по его поверхности. Впереди до самых облаков вздымаются высокие горы. Вдали трепещут на ветру несколько белых парусов. Мне нестерпимо хочется вдохнуть свежий воздух, насыщенный запахом моря и близкого берега. Глядя на это, не очень приятно ощущать носом запах мазута и пота. По ночам мы имеем возможность вдыхать запахи моря, но мало что видим.

Во время моей вахты мы подходим к гавани Аликанте. На холмах цвета грязи стоит желто-белый город. За коричневыми шлюзовыми воротами видны мачты и трубы судов, темные и отчетливые на голубом фоне. Весело играя на солнце цветными парусами и поднимая носовые волны, мимо проходит рыболовная флотилия. Пейзаж теряет часть своей прелести, когда она исчезает на востоке.

В течение следующих десяти дней мы продолжали свое дежурство: словно гигантский Любопытный Том, глазели на проделки испанцев, живущих в прибрежной полосе. Вскоре освоили распорядок работы порта. Рыбаки выходили в море на рассвете и возвращались после полудня. Грузовики увозили их законную добычу вверх по дорогам, исчезающим среди высоких холмов.

По ночам было веселее. Моряки соскучились по работе и отнеслись к стоящей перед ними задаче со всей серьезностью. Все происходящее имело некий зловещий оттенок. Часто мы замечали темные очертания неосвещенных торговых судов, но они проходили близко от берега и исчезали за молом. На рассвете расположение мачт и труб стоящих судов всегда оказывалось иным, чем ночью, но у нас не было повода атаковать суда, которые двигались в темноте.

На волноломе горели сигнальные огни, и, когда лодка всплывала, на стальных пластинах корпуса играли яркие блики. Однажды мы прошли рядом с небольшой рыбацкой лодкой. Рыбак явно заметил нас, но ничем не выдал своего удивления. Бросив в нашу сторону горящий окурок, он налег на весла и уплыл.

Несмотря на ясные дни, звездные ночи и чудный пейзаж, члены нашего экипажа не теряли времени даром и продолжали учиться. Выбирали в качестве ложных целей ни в чем не повинные торговые суда и наносили по ним ложный торпедный удар. У нас установился распорядок службы, которого наш экипаж пунктуально придерживался. Теперь мы были уверены в качестве нашей боевой подготовки и горды этим. Проверив нашу лодку в деле, выявили все ее качества. У нее не было от нас секретов. Она стала послушным исполнителем нашей воли. В то же время мы относились к ней с большим уважением.

Через какое-то время нас вызвали по радио и дали приказ идти к Алжиру. Этот приказ стал первым свидетельством того, что нас считают готовыми к участию в тяжелой войне, которая разворачивалась в Средиземном море. Мы совершили приятную морскую прогулку у берегов Испании и получили полезный опыт. Кое в чем нам не повезло. Другие подлодки, патрулировавшие у этого побережья, обнаружили и уничтожили несколько судов, пытавшихся прорвать блокаду. Звуки взрывов торпед и глубинных бомб разносятся далеко в этих теплых тихих водах. Время от времени мы слышали странные раскаты - эхо войны достигало нас в морских глубинах. Эти зловещие звуки не позволяли забыть, что наша лодка была начинена многими тоннами высокомощной взрывчатки, и души наши трепетали от осознания важности нашей миссии. Уставшие от долгой учебы, ожиданий и разочарований, мы рвались в бой и готовы были наброситься на любое судно проклятой Оси{1}. У нас были сила и задор. Единственное, чего нам не хватало, это вражеской цели.

Глава 9

В Средиземном море, как всегда, тихо. Наконец мы достигли Алжира. Нам не нужно больше прятаться и всматриваться в темноту в поисках судов, которые можно законным образом разнести в щепки. Наши лица обращены к городу. Кафедральный собор Нотр-Дам-де-Африк сияет таинственным светом. Жаркое солнце. Тихое море. Зеленые берега, исчезающие в оранжевой дымке. Грязно-серые горы уходят вершинами в голубую высь, достигая белых облаков, которые медленно плывут на юго-восток. Мы чувствуем некоторое смущение. Восток окутывает нас золотым облаком, и присутствие здесь нашей лодки кажется нелепостью.

Приближаемся к гавани и уже можем различить городские кварталы. Французские карты, которые нам дали, оказались не совсем точными. Из мерцающей размытой белизны неожиданно выплывают здания казино и отелей. Уже хорошо виден вход в гавань. Справа по борту нас на большой скорости обходит дизельный катер, от него во все стороны летят клочья пены. Он пристраивается спереди, и мы с облегчением понимаем, что катер собирается вести нас в порт.

Город Алжир довольно красив. На склонах холмов видны белые особняки, окруженные зелеными садами. На широких улицах - роскошные машины и красивые француженки в ярких платьях. Но мы не торопимся с оценками, зная, что за этим внешним великолепием царит нищета и политический хаос. С весельем и богатством соседствуют горе и голод. Над старой гаванью, где по-прежнему стоит форт, охраняющий мавританские здания Эль-Дезира, склонилась громадная фигура пророка Мухаммеда. Идет разгрузка огромного лайнера. Высокий кран отбрасывает на зеленую воду длинную тень.

Наша осторожность в суждениях вскоре оправдывается. Мы проходим мимо затопленного грузового судна, и нам открывается обратная, убогая сторона города. Немецко-итальянской комиссии по перемирию не хватило ни времени, ни смелости на то, чтобы уничтожить портовые сооружения и электрическую станцию. Все сохранилось в целости, но люди на берегу испытывают крайнюю нужду. Говорят, местные девушки сделают вам что угодно за кусок мыла. Не хватает хлеба и угля. Ответственность за такое положение несут главным образом местные чиновники, закрывающие глаза на черный рынок в угоду собственным интересам.

Алжир взяли без крупных наземных боев. Французы были несколько удивлены и явно сконфужены. Многие из них считались богатыми людьми, симпатизировали фашистам и не доверяли де Голлю. Коммунисты были сконфужены решимостью союзников договориться с Дарланом и Виши. Арабы остались довольны, потому что им дали много денег, и всех жителей Запада считали одинаково глупыми.

В Алжире в то время находились верховный главнокомандующий со своим штабом и много журналистов, которые не скупились на похвалы в адрес союзников. Всем этим шоу руководили из одного отеля. Старшие офицеры работали в спальнях, младшие сидели в покрытых белым кафелем ванных. Из Дели и Каира с напряженным вниманием следили за этими удивительными событиями.

Мы пришвартовались у дальнего мола, носом к буям, кормой

к берегу, и принялись готовиться к выходу в город. И здесь война напоминала о себе: мимо нас тянули на буксире суда с пробитыми и искореженными бортами. Рядом становились на якорь корабли с самолетами и танками на палубах. Разгрузочные работы начинались утром под яркими лучами солнца и продолжались ночью в синем свете импортных дуговых ламп. Вокруг причалов толпились сотни арабов. Они вручную передвигали огромные ящики, машины и самолеты. Военные контролировали доки, водоналивные и буксирные суда. Мы, затаив дыхание, наблюдали за искусной работой специальных подразделений. Чувствовалась хорошая подготовка, исключающая возможность неприятных неожиданностей.

В Алжире почти не было воинских частей. Войска находились на фронте и в лагерях отдыха за городом. Американцы оставались в Оране и Касабланке.

Развлечений на берегу было маловато. Мы ходили на Джеймса Кагни, хотя он перешел на французский язык, и в кино, когда начали крутить американские фильмы. В городе имелись клуб с неважным кабаре и несколько ресторанов, где подавали блюда, непременным компонентом которых почему-то была цветная капуста. Чтобы поесть в городе, нужно было начинать трапезу в половине седьмого, иначе приходилось по два часа ждать у стойки. В процессе ожидания у нас пропадал аппетит, и проблема решалась сама собой. Некоторые из алжирских вин были довольно неплохими, и мы смаковали их, когда наши собственные запасы заканчивались. Вначале у нас не было возможности выезжать за город, но позднее американцы подарили пару джипов, и мы разъезжали когда и куда вздумается.

Отель "Алетти", где разместились военные и журналисты, был известен самыми дорогими женщинами - 5000 франков за ночь. У длинной стойки бара мы иногда встречали школьных друзей и узнавали лица, которые не видели многие годы. Это были незабываемые встречи. К сожалению, ресторан гостиницы закрывался слишком рано, и мы шли продолжать кутеж в других заведениях. Кабаре находилось в захудалом кафе, где нас потчевали суррогатом шампанского, который поднимал настроение, но ухудшал пищеварение. Ночная жизнь завершалась в кафе "Оазис", где наши желудки окончательно выходили из строя. Возможно, те, кто хорошо знал город, проводили время лучше, но мы так и не нашли заведений, куда стоило бы ходить регулярно.

Черно-белые контрасты нашей жизни особенно обозначились в Алжире. Пока мы готовились к следующему патрулированию, другие подводные лодки приходили и уходили. Уходили на три

недели к берегам Европы. Тем временем жизнь в белом городе шла своим чередом.

Алжир дышал историей. Высокие здания и бульвары, похожие на парижские, не могли скрыть влияния различных рас и религий. Итальянцы, мальтийцы, испанцы и французы смешались здесь с арабами, евреями, кабилами и неграми. Этот французский город возвышается над белыми скалами, которые когда-то защищали старую мавританскую крепость. В конце длинной, окаймленной деревьями улицы высилась белоснежная турецкая мечеть, а неподалеку расположилась синагога.

В поисках новой империи французы не сумели преодолеть влияние прошлого. Внимание привлекали не шикарные магазины и вереницы машин, а старый город. Касба{2} умеет хранить свои тайны. Между Востоком и Западом существует труднопреодолимый духовный барьер. В самом центре этого современного города жизнь продолжает течь по старинке. Даже война не смогла нарушить ее ход. Мы не входили в касбу, хотя Томас Кук в мирное время занимался тем, что водил туристов по улочкам и переулкам старого города. Те несколько моряков, которые последовали за арабками и углубились в касбу ночью, так и не вернулись на свои корабли. Все очарование Алжира было сосредоточено в тихих закоулках старого города. Что там происходило? Мы могли только гадать, качать головами и удивляться безмолвному величию Востока.

Тем временем начали вырисовываться контуры войны на море. Эсминцы, крейсера и другие военные корабли следовали вдоль побережья за армией, которая двигалась по дорогам Египта и Алжира. Эскорты сопровождали конвои в Гибралтарском проливе и провожали их до портов выгрузки - Алжира, Бона, Орана. Тральщики бороздили спорную зону у побережья Туниса. То же самое можно было наблюдать в районе Триполи. В это время на холмах Северной Африки шли ожесточенные наземные бои.

Наша задача оказалась несложной. Мы курсировали вдоль береговой линии между мысом Спартивенто и испанской границей и перехватывали все вражеские суда, которые пытались пересечь Средиземное море.

Зона действий была довольно большой. У штаба ВМС едва хватало подлодок, чтобы охватить южное побережье Франции, Корсику, Сардинию, запад Италии и Адриатику. Александер хотел, чтобы Роммель получал меньше горючего для своих танков. Дополнительные морские коммуникации имели для немцев большое значение, так как их железнодорожная сеть была перегружена. Действия английских подводных лодок носили

тактический и в то же время стратегический характер.

Нам было интересно, каким будет следующее задание. Тем временем Алжир начали бомбить, и его яркие ночные огни несколько померкли.

Час назад зашло солнце. Небо потемнело, и город представляет собой скопление огней. Стоит удивительная тишина. Тихо настолько, что с палубы плавучей базы слышно, как разговаривают люди в другом конце гавани. Издалека доносится красивая мелодия вальса. Мы устроили танцевальный вечер - пары медленно кружат в кают-компании. В вестибюле разговоры, смех, сигаретный дым и блеск женских вечерних нарядов. Чуть выше, на палубе, устремили в небо стволы две наши 4-дюймовые пушки.

В темной воде гавани отражаются отблески огней. Напротив плавучей базы стоят два крейсера. Вдалеке идет разгрузка торговых судов, слышны скрипы и стоны грузовой стрелы. Примерно в 200 ярдах от нас у мола видны пустые, забытые подводные лодки.

В кают-компании жарко. Атмосфера праздника наполнила тихую ночь. Девушки счастливы оттого, что впервые танцуют на борту судна с тех пор, как военные моряки прибыли в порт. Пусть где-то там вдали крадутся вражеские подлодки, пусть враги смотрят в бинокли с тунисских холмов. Этот вечер принадлежит нам, и мы наслаждаемся музыкой, заглушающей рокот войны.

Я уже собирался выпить пятый коктейль, когда в небе появились вражеские самолеты. Пока мы готовились к встрече гостей, "юнкерсы" в Сардинии разогревали свои двигатели. В то время как наши моряки неумело кружили девушек в танце, эти самолеты поднялись в небо, повернули на юг и теперь пролетали над нашими головами.

При первом взрыве мы застыли от неожиданности и устремили взгляды в открытые иллюминаторы. Над берегом поднялся столб пламени, воздух наполнился едким сладковатым запахом. Вслед за этим все пришло в движение. Раздался сигнал: "Боевая тревога!" Из громкоговорителей послышался спокойный голос диктора. Девушки были напуганы, но сохраняли молчание. Тишину ночи разорвали звуки взрывов и стрельбы. На палубе заговорили наши 4-дюймовые пушки. Над крейсерами появились яркие вспышки - это вела огонь зенитная артиллерия. Со всех стоящих в гавани судов в небо устремились потоки красных трассирующих пуль, рассекающих темноту. Взрывы зенитных снарядов освещали небо. Это был самый грандиозный фейерверк из всех, которые я когда-либо видел.

Я поднялся на палубу, чтобы увидеть в действии новую

ракетную батарею. Над нашими головами пронесся свистящий шквал пламени, и мы инстинктивно пригнулись. Небо на востоке озарилось частыми вспышками. Это одна за другой взрывались шестьдесят выпущенных ракет. В бухту упало несколько горящих обломков.

В тот момент нам трудно было оценить возможные последствия воздушной атаки. Шесть самолетов подлетели с севера, со стороны холмов, и сбросили в гавань авиационные торпеды. Одна из них угодила в бок торгового судна, стоявшего рядом с плавучим доком. Причал, на котором наши гости оставили свои машины, разнесло в щепки. Ответным огнем с берега было сбито три самолета за три минуты. Хорошая стрельба - 50 процентов попадания.

Я побежал по молу туда, где стояли подлодки. Из громкоговорителей раздалась резкая команда: "Обратить внимание на людей, бегущих по молу. Не упускать их из виду". Иногда во время налета на берег высаживались вражеские диверсанты. Положение мое было достаточно опасным. Время от времени на меня падал синий свет прожекторов. Тогда я махал рукой и пытался улыбаться, чтобы во мне узнали своего. Все закончилось благополучно. Я достиг подводной лодки как раз в тот момент, когда к гавани подходила вторая группа самолетов. Остановился возле вахтенного на мостике и дал приказ открыть огонь из пулеметов. Это был наш первый бой, наше первое участие в боевых действиях.

На берегу пылали пожары, горело и одно судно. Стемнело, и неожиданно стало очень тихо. Я не вернулся на плавучую базу и встречал рассвет на мостике.

Второй воздушный налет застал нас врасплох, когда мы смотрели "Белоснежку и семь гномов" в местном кинотеатре. Зенитная артиллерия открыла мощный заградительный огонь, и фильм сразу прекратился. Мы сидели среди разочарованных зрителей, проклинали немцев и делали вид, что бомбежка нас ничуть не пугает, а лишь немного раздражает. Алжирцы же, напротив, не скрывали своего возбуждения. Они повскакивали с мест и громко требовали продолжения фильма. Однако их призыв не был услышан, и мы толпой вышли на улицу, где едва не задохнулись в клубах дыма, которые испускали высокоэффективные дымовые машины. Эти ужасные чудовища были расставлены по всему фронту и работали весьма исправно.

Ущерб, нанесенный воздушными налетами, оказался не очень велик. Грузовое судно, которое подбили возле сухого дока, бесславно затонуло, и из него принялись откачивать воду. Процесс продолжался три месяца, так что мы успели привыкнуть

к этой картине.

В то время как немцы бомбили Алжир, французы ругались, арабы удивленно качали головами, а наш экипаж готовился к новому патрулированию. Погода улучшилась. Мы считали, что пришла пора снова выйти в море.

Однажды командующий флотом увидел из окна гостиницы, как мы со скучающим видом расхаживаем по молу, и приказал немедленно направляться в район между Марселем и итальянской границей. Этот приказ обрадовал нас. В тех водах не дуло крепких ветров и ходило много вражеских кораблей. Мы упаковали свои шорты и штормовки и, окрыленные надеждой, стали готовиться к отплытию.

Начало третьего патрульного плавания стало для нас первым реальным приближением к центру военных действий. Если мы будем всего лишь просто появляться в разных местах, это отвлечет вражеские противолодочные силы от наиболее важных участков возле итальянского побережья. Наше появление у берегов Прованса поможет нашим друзьям, которые действовали восточнее.

Тихий вечер. Мы расстаемся с Алжиром и не очень сожалеем об этом. С северо-востока дует свежий ветерок. Звучат короткие приказы. Салютуем плавучей базе. Французский буксир издает прощальный гудок. Артиллеристы, стоящие на молу, провожают нас взглядом. Мы покидаем гавань. Купол кафедрального собора переливается золотом в лучах заходящего солнца. Эскортный корабль, сопровождающий нестройную группу торговых судов, гудком желает нам счастливого плавания.

Берег скрылся вдали. Тьма сгустилась, и на юго-востоке видны вспышки орудийных выстрелов. Очередной воздушный налет. Мы улыбаемся и плывем дальше, глубоко вдыхая свежий воздух. Море смывает последний слой алжирской пыли со стальной обшивки корпуса лодки.

Глава 10

Командир лодки принял решение подойти к берегу у мыса Камарат и провел на карте длинную линию, показывающую наш курс. Мы были воодушевлены и счастливы. Днем над синим морем светило яркое солнце. Ночи были теплыми, и, чтобы подняться на мостик, не нужно было закутываться в теплые тряпки. Жизнь казалась замечательной, будущее - прекрасным.

Однажды вечером, когда члены экипажа вели ожесточенный спор относительно бракоразводных законов и просматривали копии отчетов о заседаниях английского парламента, кто-то вошел и сказал, что виден французский берег. Наша подлодка слишком отклонилась к западу и, когда наступила ночь, всплыла,

скорректировала курс и направилась в сторону Ниццы и границы с Италией. Взошла луна. Наконец мы были там, где должны были быть. Месяцы учебы и ожиданий остались позади.

Немцы хорошо организовали светомаскировку. Только одинокие маяки мигали на берегу. Не было ярких огней, которые ожидали увидеть. Темнота означала, что враг на берегу не дремлет. Окна затемнили даже в небольших домиках на склонах холмов.

На рассвете мы подошли к Монако. Как только появились первые лучи солнца, погрузились и медленно двинулись в направлении берега. Наш перископ зигзагами двигался по поверхности воды. Первое утреннее наблюдение в перископ было всегда самым волнующим. Темнота отступала, появлялись предметы, очертаниями похожие на корабли. Мы продолжали идти к берегу, и с каждой минутой все лучше были видны город и порт. Стоящие на якоре суда мы обнаруживали в первые два часа после рассвета. Невысокая мачта, струя дыма, едва заметная дымовая труба, самолет-наблюдатель, парящий высоко в небе, именно эти объекты были целью наших поисков.

В Монако было спокойно. В порту стояло несколько яхт. Чуть дальше, на каменистом мысе, разместилась береговая батарея. Особой активности заметно не было, поэтому мы повернули на запад и поплыли вдоль берега. На пляже немецкие моряки и солдаты, отдыхающие после службы, с блаженным видом лежали на песке. Всякий раз, когда я так же лежал на пляжах Северной Африки в компании одетых в купальники подружек из вспомогательной службы, не мог удержаться от мысли, что за нами внимательно наблюдают с подкравшейся к берегу и рискующей нарваться на мину вражеской подводной лодки.

В тот день мы ничего не обнаружили. Ночью видимость ухудшилась. Море оставалось спокойным, но звезды и горизонт исчезли в дымке. Было очень тихо. Я напрягал слух, надеясь услышать доносящиеся с берега звуки машин или поездов, но напрасно.

Около полуночи помощник командира заметил за кормой темные очертания вражеского эсминца, но конвой был закрыт густой пеленой тумана. Мы погрузились. Эсминец покружил над нами немного и ушел на восток. Через час мы всплыли и направились в сторону Ниццы. Робкая луна окрашивала туманную ночь в синий цвет.

На следующее утро недалеко от Ниццы наше орудие сделало первый выстрел в сторону врага. В полумиле от берега мы заметили небольшую самоходную баржу. Она ходила под французским флагом и казалась вполне безобидной, но трюмы ее

были полны, а в наши обязанности входило останавливать любой морской транспорт. Конечно, первая наша цель могла быть и побольше, по на безрыбье и рак рыба. Мы объявили боевую тревогу, открыли торпедный погреб и всплыли на поверхность под ослепляющие лучи солнца.

Баржа маленькая, и попасть в нее нелегко. Несколько 4-дюймовых снарядов прошли мимо и, отскочив от воды, полетели в сторону города. Отдыхающие на пляже, словно встревоженные муравьи, стали разбегаться в разные стороны. Этот день в Ницце начинался весело.

В конце концов мы попали в баржу. Один из снарядов разворотил ее корпус и свалил мачту. Члены экипажа забегали, спустили на воду шлюпку и попрыгали в нее. В этот момент из ствола стоящего на мысе орудия появился дымок, и через мгновение неподалеку от нас упал первый снаряд.

Мы почему-то были уверены, что расчеты береговых батарей укомплектованы неопытными итальянскими резервистами, и довольно точная стрельба этого орудия оказалась для нас неприятной неожиданностью. Его снаряды ложились все ближе к нам, и от греха подальше мы погрузились. Взрывы над нами продолжались еще некоторое время.

Это было первое уничтоженное нами судно. Маленькая баржа затонула на глазах у противника. Едва ли мы нанесли большой ущерб немецким складам снабжения, но теперь сюда, скорее всего, направят сторожевые корабли и противолодочный воздушный дозор, что ослабит позиции врага в Тирренском море и потребует увеличения числа гражданских служащих в портах и на авиационных базах французского побережья.

Судя по всему, самолеты не были посланы на наши поиски. Мы продолжали двигаться вдоль берега на запад, оставаясь на перископной глубине.

В эту ночь я ощутил приятный запах растущих на берегу сосен. Тучи рассеялись, на небесном своде замерцали звезды. На эти звезды были устремлены глаза людей, живущих на холмах и в долинах побережья, мимо которого мы проплывали. На фермах и виноградниках Прованса крестьяне с недоверием смотрели в лицо своего несовершенного мира и искали взглядом что-либо более стабильное. В неизменном величии звезд они находили надежду на будущее и верили, что после темной ночи наступит светлое утро. Каждый человек, устремляющий взгляд к небу с этих живописных холмов, будь он французом, немцем или итальянцем, прислушивался к биению своего сердца и задавался вопросом, не загасят ли окончательно безумные людские страсти огонь жизни на земле. Возможно, ответ на этот вопрос он находил

в неизменном рисунке созвездий и понимал, что его собственный приход в этот мир и уход из него - всего лишь крошечное пятнышко на бесконечном полотне времени.

Мы тоже, случалось, поднимали глаза к звездному небу и задавали себе вопросы, на которые трудно было ответить.

Земля медленно поворачивалась на своей оси. Новый день перебрался через горы Малой Азии, согрел долины Северной Италии и застал нас движущимися на запад неподалеку от Тулона. Прежде чем взошло солнце, мы погрузились в золотистое море и поплыли под водой.

В районе Тулона мы впервые обнаружили танкер. Он находился за пределами досягаемости огня и спокойно зашел в гавань, провожаемый сердитым взглядом нашего вахтенного офицера. Преодолев соблазн следовать за танкером через минные поля, мы решили отпустить его с миром и взяли курс на Марсель. Море оставалось спокойным. Высоко в небе над холмами плыли пушистые облака.

К Марселю подошли ночью. Темный берег освещали только огни лоцманского судна. Мы медленно последовали за этим судном, в любую минуту ожидая появления сторожевого катера.

Казалось, немцы не контролировали это побережье. Сторожевые катера так и не появились, и когда на рассвете мы погрузились и стали наблюдать за окрестностями в перископ, то так никого и не заметили. Примерно в 10 часов из порта, дымя трубами, вышло торговое судно. Судя по всему, оно направлялось на запад, и мы стали готовиться к торпедной атаке. Судно шло близко от берега. Мы лихорадочно крутили наши приборы, еще не осознавая, что впервые занимаемся настоящим делом. Командир лодки, с интересом наблюдавший за происходящим в перископ, сообщил, что судно идет без сопровождения. Мы почувствовали облегчение.

В половине одиннадцатого мы выпустили три торпеды, которые направились совсем не туда, куда нужно, и навсегда исчезли в голубой дали. Мы с недовольными лицами принялись проверять наши расчеты.

Эта неудача не поколебала решимости наказать нарушителя. Быстро всплыв, наша лодка погналась за лакомой добычей. Двигатели вибрировали, нос лодки с шумом разрезал воду. Орудийный расчет занял позицию у орудия. Мы внимательно наблюдали за высокими мачтами судна, вознамерившегося прорвать блокаду.

Принадлежность судна больше не была для нас секретом. Название, изображенное на его носу большими буквами, говорило о том, что формально оно является нейтральным

судном, плавающим под испанским флагом. Однако нейтральные суда ходили в этих водах на свой страх и риск. Британское адмиралтейство позволяло некоторым судам свободно проходить мимо этих берегов, при условии что они будут заблаговременно сообщать о перевозимых грузах и времени отплытия. В соответствии с международными соглашениями для таких судов были установлены специальные маршруты. Наша цель, однако, плыла совершенно другим курсом и к тому же находилась в черном списке за торговые связи с врагом. Мы зарядили орудие. Гильза снаряда блестела в лучах солнца.

Атаки подводных лодок всегда происходили по-разному. Один из способов состоял в том, чтобы всплыть на поверхность вблизи противника и нанести ошеломляющий удар всеми имеющимися средствами. Этот способ весьма эффективен, когда цель вооружена или быстроходна. Но, имея дело с невооруженным торговым судном, можно позволить себе некоторую нерасторопность. Мы могли всплыть на большом расстоянии от врага, не спеша сократить его и открыть огонь с дальней дистанции, спокойно корректируя стрельбу. Но никогда нельзя было предугадать, как поведет себя цель.

Наши испанцы вели себя образцово. Мы открыли огонь по судну-нарушителю, когда приблизились к нему на три мили, и два раза в него попали. Судно закачалось, но продолжало двигаться вперед. Мы вновь открыли стрельбу, и на его борту появились признаки замешательства. Оказалось, что первые десять минут на судне не догадывались о нашем присутствии и думали, что их обстреливает немецкая береговая батарея. Для капитана, собиравшегося прорывать блокаду, артиллерийский огонь был неприятной неожиданностью, но он продолжал следовать своим курсом в надежде, что стал жертвой дурацкого розыгрыша. Когда же капитан наконец осознал ошеломляющий факт, что его преследует подводная лодка, он немедленно приказал остановить судно.

Это судно необходимо было потопить. До вражеского берега недалеко, и едва ли оттуда с безразличием наблюдали за всем происходящим. Пока испанцы торопливо спускали на воду шлюпки, мы маневрировали, собираясь занять позицию для торпедной атаки.

Наша лодка остановилась примерно в 300 ярдах от судна, и, когда его покинул последний член экипажа, мы развернулись и пустили торпеды. Первая пошла вперед, но неожиданно решила свернуть вправо и унеслась в сторону берега. Пока испанцы с сердитыми лицами махали нам кулаками со своей шлюпки, вторая разнесла в щепки борт их судна. Мы с удовольствием

наблюдали, как оно пошло ко дну.

Взрыв торпеды несколько усмирил оставшихся без судна моряков, но, когда наша лодка приблизилась к ним, они вновь распалились, всем своим видом демонстрируя враждебность.

Мы остановились возле них и просили капитана подняться к нам. Тот шагнул к спущенному нами трапу, но его опередил маленький юркий мужчина, который, как оказалось, был кочегаром. Когда капитан судна наконец поднялся на наш мостик, мы поплыли на юг. Маленький кочегар с возбужденным видом мотал головой и с ухмылкой поглядывал на своих бывших товарищей по плаванию, которые с обреченным видом принялись грести к берегу.

После обеда немцы в качестве контрмеры выслали на наши поиски несколько древних гидросамолетов. Когда самолеты приблизились, мы погрузились и стали наблюдать, как они кружат над морем. Каждый раз, когда они подлетали слишком близко, мы опускали перископ и поднимали его, как только они удалялись. Мы не смогли бы вести эту игру, если бы имели дело с более совершенными самолетами и более опытными летчиками и наблюдателями. Кажется, они устали от этих пряток первыми. Последний самолет улетел на север, когда мы пили чай.

Тем временем наши испанские гости осваивались в новой обстановке. Капитана допросили в кают-компании, а маленький кочегар округлившимися глазами рассматривал два наших внушительных дизеля. Видно было, что им не очень нравится находиться на патрульной подводной лодке, но они старались вести себя дружелюбно по отношению к нам. Капитан, испанец, казалось, осознал наконец, что сам подвергал риску судно и экипаж. Он бормотал что-то о превратностях войны, просил нас, чтобы мы связались с его женой, и интересовался, не знаком ли я с некоторыми его друзьями из Англии. Мы вели себя как подобает гостеприимным хозяевам. Нашли для капитана новую зубную щетку и другие предметы обихода.

В эту ночь погода, как назло, испортилась. С северо-запада набежали темные тучи, и море взыграло не на шутку. Кажется, мы повстречались со знаменитым средиземноморским мистралем{3}. Появились проблемы с навигацией. Звезды скрылись за тучами, горизонт почти неразличим. Маяки на занятой врагом территории были затемнены. Мы решили направиться к слабо освещенному испанскому побережью и переждать там непогоду.

Четыре дня наша лодка болталась у бедных испанских берегов, и вода заливала открытый мостик. Когда все это начало нам надоедать, командир заявил, что ни одного дня больше не потерпит присутствия на борту хмурых чужаков.

Внимательно изучив карту, мы решили рискнуть подойти к Паламосу и оставить наших гостей на их родине. В любом случае этот шаг должен был смутить компанию Бачи, которая продолжала гонять суда в занятые немцами порты, несмотря на многократные предупреждения союзников. Мы полагали, что в будущем у мистера Бачи возникнут трудности с комплектованием экипажей для судов.

На пятый день ветер стих, и к полудню Средиземное море вновь обрело свойственное ему спокойствие.

Не знаю, чем был знаменит город Паламос до гражданской войны, но, осмотрев порт через окуляры биноклей, мы пришли к выводу, что режим Франко не собирается решать здесь проблему обеспечения населения новым жильем. Город лежал в руинах. Из земли торчали мрачные обугленные балки. Большинство домов превратилось в груды камней.

Признаться, я всегда питал слабость к генералу Франко. Считал его человеком, старающимся вытащить Испанию из ужасной летаргии и нищеты, и был весьма удивлен, когда он начал бессмысленную идеалистическую борьбу. Вид Паламоса окончательно изменил мое мнение о нем. Я понял, что у Франко нет перспектив в этой стране.

В порту было тихо. У берега покачивались на волнах небольшое каботажное судно и шхуна. Почему -то все местные жители были в черном. Они стояли, устало прислонившись к полуразрушенным стенам, и смотрели на море. Чуть поодаль на чахлом поле паслась тощая, тоже черная корова.

Я склонен думать, что наше появление стало первым интересным событием с тех пор, как пять лет назад в этих местах закончилась гражданская война. Когда мы подошли к гавани и стали двигаться параллельно волнолому, заметившие нас люди в черном зашевелились, протерли глаза и двинулись к каменному причалу. Теперь их стало больше, некоторые бежали к нам по склону холма.

Мы остановились в сотне ярдов от причала, и как по команде движущаяся толпа тоже остановилась. Она разделилась на группы, которые взирали на нас с молчаливым укором. Напряжение возрастало. Мне эта сцена напомнила эпизод из одного фантастического комикса.

Разумеется, наша лодка не имела никаких опознавательных знаков. У нас не было флага и номера. Длинный, зловещий корпус лодки занял чуть ли не половину гавани, и эти люди, которые еще пять лет назад стреляли в своих братьев во имя каких-то призрачных идеалов, вероятно, были в смятении. Откуда им было знать, что еще выкинуло их ничтожное правительство.

Может, в стране опять идет война?

В конце концов они решили это выяснить. Из-за шхуны показалась небольшая белая моторная лодка и направилась к нам. Мы высадили в нее их соплеменников и, не сказав ни слова, уплыли в открытое море. Земля за нами скрылась в сгущающихся сумерках.

Впечатления от этого дня у нас были самые мрачные. Неужели через пять лет после окончания нашей войны весь мир все еще будет оставаться в руинах? Как могли эти люди впасть в кому безразличия? Мы смотрели в сторону оставшихся за кормой величественных холмов и задавали себе вопрос: "Неужели когда-то мы тоже будем вот так стоять среди развалин и смотреть на море глазами, полными разочарования и безысходности?"

Результатом нашей работы стало полное прекращение судоходства вдоль всего испанского побережья. Немцы остались без апельсинов, а их секретные агенты, как, кстати, и наши, стали испытывать трудности с перемещением.

Случай с заходом в порт Паламоса был любопытным, но имел второстепенное значение. Надо было продолжать работу и наблюдать за портами. Через два дня неподалеку от Марселя мы потопили направлявшееся на юг итальянское грузовое судно.

Большинство из нас спали, когда прозвучал сигнал тревоги. Мы повскакивали с коек и стали торопливо надевать обувь, не понимая, что происходит. Несколько минут стояла ужасная суматоха. Шестьдесят человек как угорелые носились по лодке, каждый торопился занять свой боевой пост. Мы находились в неведении относительно предстоящих действий. Погружаемся на глубину 300 футов, чтобы уйти от трала эсминца, или, наоборот, всплываем, чтобы потопить какое-нибудь жалкое каботажное судно?

Однако на центральном посту все было спокойно. Командир расхаживал взад и вперед и тихо о чем-то беседовал сам с собой. Главный механик листал альбом с фотографиями для распознавания судов. Я с растерянным видом глядел на прибор управления торпедной стрельбой.

Мы находились на глубине 30 футов. Нормальная глубина. Рулевые-горизонтальщики спокойно и уверенно, словно катили на машине в Брайтон, крутили рули и вели лодку на нужной глубине и под нужным углом.

- Какое-то торговое судно, - пробормотал командир. - Сопровождения пока не видно. Водоизмещение около трех тысяч. Поднять перископ.

Мощный перископ пополз вверх. Мы с напряженным вниманием следили за происходящим.

- Двигатель поршневой, - сообщил гидрофонист. - Восемьдесят оборотов. Около восьми узлов. Нормально.

- Да, - сказал командир, глядя в окуляр перископа. - Сопровождения нет. Пеленг: двадцать градусов правого и десять левого борта. Расстояние четырнадцать. Попробуем пощупать его кормовым торпедным аппаратом. Флаг итальянский. Хорошо. Опустить перископ.

Мы медленно повернули влево, взяли курс для атаки и привели в готовность кормовой торпедный аппарат. Командир неуверенно листал страницы со списками итальянских торговых судов. Мы бесшумно, на малой скорости приближались к цели, которая спокойно продолжала рассекать волны под солнечными лучами. Эти волнующие минуты тянулись ужасно медленно.

Все происходило в тишине. Я крутил маленькие ручки на приборе управления торпедной стрельбой. Все остальные на главном посту тоже делали свое дело. Командир взглянул на часы. Гидрофонист, прижимая наушники руками, прислушивался к звукам работы двигателя цели.

Как странно, мы воюем с врагом, которого не видим. Неужели на этой войне все так воюют? Неужели рука летчика тянется к бутерброду сразу после того, как он сбросил на землю бомбу весом в 4000 фунтов? И как может офицер-артиллерист жевать резинку в тот момент, когда посланный им снаряд разрывает в клочья японцев в Тихом океане? Пожалуй, на подводной лодке удаленность от противника ощущается особенно сильно.

Командир жестом приказал поднять перископ, и напряжение немного спало. По крайней мере что-то начало происходить. Он тщательно протер окуляр и посмотрел в него долгим взглядом.

- Вот он, красавчик, - произнес командир. - Шестьдесят градусов слева по носу. Какой курс? Девяносто. Хорошо. Кажется, около восьми узлов. Пеленг сто сорок левого борта. Расстояние сорок. Какой угол у нашего перископа? Будьте наготове.

Мы расслабились. Большая часть работы уже сделана. Нам были известны курс судна, его скорость и расстояние. Как только оно попадет в наш прицел, к нему устремятся торпеды.

Итальянцы. Это было наше первое действительно вражеское судно. Не думаю, что кто-нибудь из нас имел что-то против итальянцев. Мы посмеивались над их армией. Но разве она не нанесла Франции предательский удар в спину? Так ведь и Польша, воспользовавшись случаем, отхватила кусок Чехословакии. Мы не очень хорошо разбирались в политике, но знали, что врага нужно уничтожать.

Из состояния задумчивости меня вывел голос командира:

- Десятой огонь!

Лодку тряхнуло. Торпеда с большим зарядом взрывчатки понеслась сквозь синюю воду со скоростью 40 миль в час.

- Одиннадцатой огонь!

Вновь сотрясение и пауза.

- Девятой огонь!

Если наши расчеты были правильными, вражеское судно и торпеды в определенный момент сойдутся в одной точке. Мы ждали. Командир опустил перископ и спокойно произнес:

- Думаю, мы их сделали.

Я взглянул на секундомер. Первая торпеда должна попасть в цель через минуту и двадцать секунд после запуска. Секундная стрелка неспешно ползла по циферблату. Неужели мы промахнулись?

И тут раздался взрыв. Мы скорее не услышали, а почувствовали его своим нутром - сказалось ожидание. И каким приятным было это чувство!

Командир посмотрел в перископ и объявил, что судно тонет, а экипаж уже сидит в шлюпках. Быстро они сориентировались. Через какое-то время раздался еще один взрыв. Еще одна наша торпеда взорвалась на берегу в трех милях от цели. Мы продолжали идти своим курсом, наблюдая за тонущим судном, и ждали, когда оно скроется под водой, но этого не произошло. Нос судна продолжал торчать из спокойной зеленой воды. Корма уперлась в дно - мелководье.

Такое положение дел нас устроить не могло. Это судно представляло опасность для других английских подводных лодок, и мы должны были завершить свою работу. Мы повернули, приблизились к судну, всплыли в полумиле от него, и орудийный расчет занял позиции у 4-дюймовой пушки. После четырех выстрелов прямой наводкой носовой трюм заполнился водой, и судно медленно исчезло из виду. Я посмотрел на часы. Прошел ровно час и сорок минут после объявления тревоги.

На обратном пути произошел неприятный инцидент. "Хейнкель", посланный немцами на наши поиски, появился с солнечной стороны, когда мы делились впечатлениями о проделанной работе. К счастью, бомб на нем не было, но он успел обстрелять нас из пулемета. Стук пуль по корпусу был слышен, когда мы быстро погружались. Этим все и кончилось. Насколько мне известно, нас не пытались преследовать патрульные катера, и на следующий день мы возобновили охоту в районе Тулона.

Ночи у этого побережья были чудесные. Ветер приносил аромат сосен, над темнеющими холмами мерцали яркие звезды. В лица нам дул прохладный ветерок, море оставалось спокойным, видимость - великолепной. Патрулировать у этих живописных берегов одно удовольствие, но при этом мы никогда не расслаблялись и всегда были начеку, помня, что враг может

появиться на горизонте в любую минуту. В этом состояли особенность и прелесть нашей службы.

До возвращения в Алжир мы успели подбить в районе Тулона буксирное судно, тянувшее пару барж. Это мероприятие было довольно скучным. Запомнился раздосадованный капитан буксира, одиноко сидящий на обломке своего судна. Когда наша лодка проплывала мимо, он не выказал бурных эмоций, только крикнул на французском:

- Вы довольны, господа?

Мы покидали этого несчастного с тяжелым чувством.

Лодка взяла курс на юг, на нашу базу, и все сразу заговорили о предстоящем отпуске. На столе кают-компании появились горы бумаг, и закипела канцелярская работа. Помощник командира записывал что-то в журнале вооружений, командир торпедной боевой части заполнял бланки сведениями об атаках, я же определял координаты и прочерчивал наш курс на карте.

Во время нашего возвращения ничего особенного не произошло. Мы вошли в гавань Алжира вовремя и отметили это событие обильным возлиянием.

Глава 11

Алжир остался позади. Машина катила по дороге, поднимая над придорожными виноградниками облака густой пыли. Мы с командиром торпедной боевой части направлялись в деревню Сиди-Ферух, где наша флотилия приобрела небольшой белый дом у моря для отдыха моряков. Из окна машины открывался залитый солнцем пейзаж. Стоящие вдалеке от дороги дома с белыми стенами и красными крышами были наполовину скрыты высокими кипарисами. По обеим сторонам дороги на многие мили тянулись чахлые виноградники.

Мы непринужденно беседовали с общительным и добродушным водителем-американцем, который, как оказалось, у себя на родине был гангстером. Он этим очень гордился и с большим удовольствием рассказывал о своих подвигах во времена "сухого закона". Машина остановилась у полуразвалившейся придорожной закусочной, где радушная хозяйка подала нам рюмки, наполненные сладким бренди. Водитель расплатился, прежде чем мы успели достать деньги.

- Оставьте их у себя, - сказал он. - У вас, англичан, маленькая зарплата.

Сиди-Ферух для Алжира был тем же, чем Фринтон для Англии. Здесь находились загородные виллы самых богатых французских семей. На пляжах имелись даже кабинки для переодевания. Место было очень живописным. Белоснежные дома, стоящие у самого пляжа, покрытого песком, поражали своей

красотой.

Мы подъехали к нашему новому жилищу, когда наступило время ленча, выскочили из машины и обежали дом, опьяненные свежим воздухом и свободой. Интерьер его был довольно простым. Две спальни примыкали к круглому залу, который мы использовали в качестве столовой. Зал соединен проходом с небольшой террасой, выходящей на море. Обслуживающий персонал состоял из молодой француженки, выполнявшей обязанности кухарки и горничной, и моряка, чьи функции остались для нас загадкой. Но самым главным и самым замечательным для нас оказалось то, что здесь мы не были ограничены правилами устава, принадлежали сами себе и у наших ног лежало сверкающее Средиземное море.

Не теряя времени даром, мы подставили солнцу обнаженные белые тела. Теплая морская вода умиротворяла, свежий ветерок дул нам в лицо, когда мы шагали по песчаному пляжу. Над морем зажигались звезды, и мы откупорили бутылки с алжирским вином. За ужином молодая француженка рассказала о находящейся неподалеку небольшой гостинице, где можно закусить, выпить и познакомиться с военными. На исходе этого чудного дня мы вышли из дому, чтобы прогуляться и поближе познакомиться с деревней.

География нашей прогулки была довольно простой. Песчаная дорога сворачивала направо и шла вдоль пляжа, мимо белых домов. Чуть севернее от нее отходила тропинка, ведущая к старому форту. Южнее она огибала дома и исчезала среди кактусов и чахлых кустарников. На этот берег высадились британские войска для участия в операции "Факел" и захвате Алжира. В прошлом его использовали для высадки турецкие и французские захватчики.

Старый форт интересовал нас по двум причинам. Во-первых, из него не вели стрельбу по нашим солдатам, когда они высадились здесь несколько месяцев назад. Во-вторых, он снова находился в руках французов, и нам любопытно было увидеть воочию, каков моральный дух французской армии.

Когда мы пришли в форт, он показался нам заброшенным. Над темной башней лениво колыхался французский триколор. Возле главных ворот с перекинутой через плечо винтовкой и сигаретой в зубах стоял часовой, зуав{4}. Этот часовой и все остальные, которых мы видели, с небрежным видом прогуливались вдоль укрепления, курили, сплевывали, потягивали из фляжек вино и оживленно беседовали друг с другом. Караульная служба была для них временем активной общественной деятельности. В свободное время они напивались в

жалком кабачке до чертиков и почти всегда пускали в ход штыки, полученные в соответствии с законом о ленд-лизе. Я не заметил вблизи форта ни одного офицера и решил, что все они прячутся где-то за толстыми степами, ожидая, куда подует политический ветер.

Гостиница, о которой нам рассказала француженка, находилась в лесу примерно в трех милях от нашего дома и представляла собой маленькое здание с красной щипцовой крышей. В ресторане перед стойкой стояло семь столов. Повар - беженец из Парижа - готовил великолепно. Там мы встретили английских офицеров из Алжира и несколько мужчин в темных костюмах, перешептывающихся с таинственным видом в дальнем углу. За окном среди сосновых веток гудел ночной ветер. Появилась группа студентов, собирающихся отметить какой-то праздник. Нарядные девицы влекли своей красотой и свежестью. Хозяин гостиницы, его супруга и их маленькая дочь улыбались, кланялись и просили нас бережнее обращаться с бокалами.

Дочери хозяев было около десяти лет. Ее образ навсегда врезался в мою память. Даже в разгар самого шумного гулянья она смело несла нам вино и еду, весело вертелась под рукой майора, подмигивала лейтенанту и всем улыбалась. Иногда ее ставили прямо на стойку, и она с сердитым видом дирижировала нашим нестройным хором. Без этой девочки гостиница потеряла бы половину своей привлекательности.

В ту ночь мы решили пойти домой напрямик через лес. Под высокими деревьями были разбросаны остатки вооружения французской армии: небольшие танки, старые грузовики, громоздкие бронемашины. Часовые почему-то решили, что нас интересует эта рухлядь, и стали угрожать из-за кустов выставленными вперед штыками. Не обращая на них внимания, мы зашагали дальше, и тогда они выпустили из автомата очередь поверх наших голов. В конце концов мы поняли, что будет быстрее, если идти по дороге.

Вскоре мы завели знакомство с беженцами из Франции. Они останавливались, чтобы побеседовать с нами на пляже, иногда мы катали их детей в желтой резиновой шлюпке, принадлежавшей прежде немецким ВВС. Эти морские прогулки сделали нас популярными. Нас начали приглашать в гости, где мы молча пили свой чай, а французы беспрестанно спорили о политике.

Жители деревни Сиди-Ферух были чрезвычайно учтивыми и кроткими людьми. Иногда, когда нам нечего было делать, мы втыкали в песок у края воды бутылку и начинали поочередно палить в нее из пистолетов. Прохожие вежливо останавливались и безропотно ждали, пока мы жестом не показывали им, что

закончили и можно пройти. Время от времени на берегу появлялась огромная толпа обнаженных загорелых солдат: они с громкими криками бежали к морю и бросались в воду. Французы взирали на это действо с полным безразличием, и солдаты, накупавшись, возвращались в лес, где находился их лагерь.

На шестой день нашего отдыха утром приехала машина, и шофер подал записку, из которой следовало, что после ленча нам нужно возвращаться на плавучую базу. Мы в последний раз окунулись в море, попрощались с друзьями и впервые за эти пять чудесных дней оделись по форме. Машина выехала, и деревня быстро скрылась из виду. Двигавшаяся по дороге небольшая процессия расступилась, чтобы пропустить нас. Оглянувшись, мы поняли, что это арабские похороны - с деревянного настила свисали две тонкие смуглые ноги. Шофер прибавил газу, и машина понеслась по дороге, которая вела в город, на базу и на войну.

Глава 12

Для итальянцев западное побережье Италии было их побережьем и прикрытием для конвоев, направляющихся в Бизерту. Для нас эта земля была правой стороной треугольника. Основанием его служил северный берег Сицилии, вершиной - остров Эльба. Левой стороной треугольника были острова Сардиния и Корсика. Внутри этого треугольника лежало Тирренское море, где разворачивалась грандиозная подводная война. Офицеры штаба любили повторять: "Вы не пойдете в треугольник. Вы еще не были в треугольнике. Посмотрим, что будет, когда вы попадаете в треугольник!" И тому подобное. Это была их любимая тема. Нам оставалось только ждать, и, когда в мае задули веселые ветра, наша лодка вышла в море, свернула направо и взяла курс на Кальяри.

Через три дня мы познали жизнь.

Близился полдень. На рассвете мы заметили большое торговое судно, но не смогли приблизиться к нему, потому что его охранял эсминец.

Два часа шли за ним на поверхности и в конце концов решили настичь его после наступления темноты, атаковать и на следующее утро вернуться в свою зону.

За кормой видна чистая водная гладь. Все впереди - враг, ветер, волны, солнце. С мостика я вижу большое судно класса "Овен", идущее со скоростью 12 узлов. Эсминец идет параллельным курсом, заметны только его темный мостик и мачта.

Ярко светит солнце, и они не замечают нас, хотя нам наша лодка кажется очень большой и грозной. Погода не на нашей

стороне. Разыгрался ветер, и море вздыбилось. Мы пытаемся преследовать врага, но у нас это плохо получается. Двигатели работают на полную мощность, лодка зарывается носом в волны, осыпая мостик и нас на нем тысячами брызг, в каждой из которых светится радуга.

Где-то на юго-востоке находится остров Устика. Вокруг раскинулось бескрайнее море. Наши взгляды обращены к горизонту. Мы ждем самолета, который, мы надеемся, рано или поздно появится. Командир стоит с мрачным видом, прислонившись к стойке перископа. Большое торговое судно быстро уходит на территорию, где мы находиться не должны. Там - зона ответственности другой субмарины, которая обязана позаботиться о том, чтобы груз, состоящий из танков и пушек, не дошел до получателя. Сегодня явно не наш день.

И через два часа картина остается прежней. Мы смотрим в бинокли, и нам кажется, что враг совсем близко. Он продолжает упорно идти своим курсом, направляясь в Мессину или в Палермо. Я поднимаю глаза к нему. Интересно, наблюдают ли за этой сценой духи, витающие над морем? Видят ли они это итальянское судно и нас, идущих сзади? А может быть, они видят английские подводные лодки, занимающие позиции под водой? Прежде чем это судно войдет в порт, оно минует пять или шесть наших лодок, ему придется уйти от воздушного дозора и выдержать ночную бомбардировку в районе Бизерты. Этому судну должно очень повезти, чтобы его груз оказался на переднем крае.

Я спускаюсь на завтрак. На столе чистая белая скатерть. Слегка поблескивают банки с пивом. Кто-то просматривает нашу небольшую коллекцию граммофонных пластинок. В четырех милях от нас итальянцы, должно быть, тоже завтракают. Возможно, скатерть у них не такая белая, как наша, но они такие же цивилизованные люди, как мы. Их сухое кьянти, должно быть, сейчас ярко-красное от полуденного солнца. Четыре мили отделяют их судно от неминуемой гибели. Я ем, читаю газету, несколько экземпляров которой мы захватили в дорогу, и размышляю о странностях войны. Англичане здесь, итальянцы там. В наших торпедных аппаратах - единственной вещи, способной нас соединить, - готовы к запуску торпеды. На эсминце ждут своего часа глубинные бомбы. Сцена готова к большому действу.

Вскоре после ленча появляется самолет. Он снижается над судами, кружит над ними и выпускает три ярко-красные ракеты. Нам пора уходить. Мы погружаемся и берем курс на север, надеясь, что наши друзья не упустят врага и что уже завтра танки будут покоиться на морском дне.

Первый день, проведенный в этом треугольнике, показал нам, что в этих водах есть чем поживиться. Ночью мы всплыли и медленно вернулись в свою зону ответственности.

В 600 милях отсюда на плавучей базе телеграфист, дымя сигаретой, отстукивал на своем аппарате вереницы цифр, которые затем плыли по воздуху, взлетали к звездам и опускались к морю, где рассекал волны темный корпус нашей лодки.

Мы расшифровали их и посмотрели на карту. Наше новое место назначения находилось между островами Эльба и Корсика, недалеко от крошечного островка Монтекристо. Перспектива патрулирования в прибрежном районе обрадовала нас. Нам всегда нравилось наблюдать, как выходят в море рыболовные суда, смотреть на дым, выходящий из труб над коттеджами, и любоваться залитыми солнцем горными склонами.

Послеполуденная вахта. Сидя за прокладочным столом, размышляю и пишу эти строки. Передо мной карта. Когда я последний раз определял координаты лодки, мы находились в десяти милях к югу от острова Монтекристо. Ровно через пять с половиной минут нужно посмотреть в перископ. Я уже успел полюбоваться пейзажем. Острова сверкают под яркими лучами солнца. На западе возвышаются горы Корсики с синеватыми склонами и заснеженными вершинами, уходящими за облака. Вокруг море и тишина. Ничто не нарушает утренней безмятежности. Даже птицы отдыхают, покачиваясь на покрытой мелкой рябью от легкого ветерка воде.

Встаю из-за стола и подхожу к перископу. Солнечный свет ослепляет меня, когда заглядываю в окуляр. Море тянется до горизонта. Сначала я убеждаюсь, что поблизости нет самолетов, потом включаю большее увеличение и начинаю неторопливо изучать море, землю и небо. Почти сразу в юго-западном направлении замечаю ряд мачт. Они кажутся тонкими палочками на фоне желтого неба. Я отдаю приказ, и лодка поднимается примерно на два фута. Теперь объектив перископа находится выше, и хорошо видны шесть небольших выстроившихся в ряд судов. Они приближаются к нам. Все это так смахивает на противолодочную охоту, что я не выдерживаю и вызываю командира. Все суда с механическим приводом. Гидрофонист сообщает, что слышит звуки работающих вдали дизелей. Спокойная атмосфера на центральном посту мгновенно улетучивается, сменяясь напряженным ожиданием.

Приходит командир, смотрит в перископ и приказывает обесшумить лодку, то есть выключить все вентиляторы и воздушные компрессоры. Мы наблюдаем и ждем. Проходит полчаса. С виду суда рыболовные, но мы по-прежнему проявляем

осторожность. Вскоре оказываемся прямо под ними, совсем близко от их коричневых днищ. Вроде бы суда занимаются мирным делом, но их расположение кажется подозрительным. Они вполне могут быть оборудованы шумопеленгаторами и сигнальными устройствами, чтобы при необходимости вызвать эсминец. Могут входить в состав какого-нибудь нового соединения, обладающего секретным оружием разрушительной мощи.

Мы ждем, что суда уйдут, но они принимаются кружить над нами. Матросы на палубах возятся с сетями и веревками. Ситуация становится абсурдной.

Через некоторое время я замечаю, что одно из судов преследует нас. Куда бы мы ни направились, его тупой нос следует за нами. Командир смотрит в перископ:

- Ну, если этот малый через десять минут не отстанет от нас, я всплыву и обстреляю его.

Десять минут пролетают быстро. Командир вновь смотрит в окуляр перископа, улыбается и отдает приказ погрузиться. С судов начали бросать сети - это действительно рыбаки. Всю остальную часть дня мы проводим неподалеку от рыболовных судов. Такое соседство нас вполне устраивает, и, когда вечером, закончив работу, рыбаки медленно уходят на запад и исчезают в сумерках, мы немного сожалеем, что пришлось с ними расстаться. С наступлением темноты всплываем и видим огни рыболовных судов в окружении мерцающих звезд.

Нейтральные суда, направлявшиеся из Генуи в 'Гибралтарский пролив, должны были уведомлять английское адмиралтейство о своих намерениях и огибать Корсику с севера при включенном освещении. Мы находились довольно далеко от пути, предоставленного таким судам. Принимались самые серьезные меры для того, чтобы исключить возможность ошибки с нашей стороны. Нам сообщали, где находятся эти суда, их скорость, форму, размеры и так далее. Суда, соблюдавшие правила, установленные в их же интересах, не попадали в передряги. Тех, кто пытался эти правила нарушать, ждала незавидная участь. Находились капитаны, желавшие заработать на доставке грузов итальянцам и пытавшиеся вести свои суда к Корсике. Помню один такой случай.

Была теплая тихая ночь. Мы уже начали скучать на вершине знаменитого треугольника и чувствовали себя обманутыми. Не было яростных атак, о которых мечтали, мы не пускали торпеды в конвои, нас не забрасывали глубинными бомбами эсминцы. Ничего такого не было. Только вид Эльбы и Монтекристо развлекал нас, но и острова эти нам надоели, когда мы высказали

все, что знали о Наполеоне и Дюма.

Мы шли на север на одном двигателе, от второго в это время заряжали батареи. Земля уже давно скрылась в вечерней дымке, даже свет ее огней не достигал нас, и от этого мы чувствовали себя очень одиноко. Было около девяти часов. Склонившись над стенкой мостика, я неотрывно смотрел вперед. В кают-компании, где работало радио, сейчас, должно быть, раздавался громкий бой Биг-Бена, но на мостике мне не были слышны эти дорогие сердцу звуки. Тихая ночь настраивала на лирический лад, но я старался не отвлекаться и отгонял несвоевременные мысли.

Примерно без пяти десять, за пять минут до окончания моей вахты, слева по носу мы заметили свечение. В других обстоятельствах мы, скорее всего, продолжили бы путь, предположив, что это светятся огни какого-нибудь рыбацкого судна, но тогда мы так истосковались по настоящей работе, что решили на всякий случай проверить это. Повернули на запад и на полной скорости понеслись сквозь тьму. Прозвучал сигнал тревоги, все спокойно заняли свои посты. Желтый свет продолжал мерцать вдали. Наша лодка, подобно ночной бабочке, кружа и подрагивая, стремительно приближалась к нему. Постепенно свет становился все ярче, пока неожиданно не разделился на части, превратившись в носовые, мачтовые и кормовые огни каботажного судна водоизмещением 1500 тонн. Хорошо был виден освещенный флаг судна. Мы не поверили своим глазам. То ли итальянцы сошли с ума, то ли война в Средиземном море закончилась. Но ничто не указывало на правильность этих предположений. Мы замедлили ход, орудийный расчет занял позицию у орудия.

Торпеды в те времена стоили около тысячи фунтов за штуку, а 4-дюймовый снаряд - около пяти фунтов. Поэтому последовал приказ: "Орудие к бою!" Темный ствол повернулся в сторону ярких огней.

В подобных случаях меня всегда очень удивляло то, что нас не замечали. Лодка наша казалась мне огромной, к тому же мы производили много шума. Однако на каботажном судне люди чувствовали себя в полной безопасности. Оно продолжало приближаться к нам, сверкая огнями, словно карнавальная машина, из труб его валил дым. Теперь судно было так близко, что нам был виден его нос, покачивающийся на волнах.

Репутация этого треугольника была такова, что мы не стали искушать судьбу. Некоторые подлодки подходили близко к небольшим каботажным судам, всплывали, чтобы обстрелять, и тут же сами оказывались накрытыми огнем, а потом их еще забрасывали глубинными бомбами. Итальянцы изобрели очень

эффективное противолодочное судно "Квебек", которое доставило немало неприятностей нашим друзьям. Поэтому мы не стали медлить и открыли огонь прямой наводкой, как только судно подошло к нам на тысячу ярдов.

Первый же снаряд попал в машинное отделение, и к небу взметнулись языки пламени. Снаряды вонзались в судно каждые восемь секунд. Бой превратился в избиение. Гигантское пламя разорвало ночь, в воздухе поползли клубы черного дыма. От яркого огня корпус нашей лодки сделался красноватым. После того как тридцать снарядов со свистом ушли в цель, командир решил, что дело сделано, и дал приказ прекратить огонь. Мы повернулись и на всех парах помчались на юг. Горящее судно могли заметить с эсминцев за много миль от него. Скоро сюда налетят самолеты противолодочного дозора. Все будут искать нас. Лодка продолжала нестись вперед. Слева по борту уже начинал брезжить рассвет, справа высились темные горы. Неожиданно за кормой стало темно. Горящее судно с громким шипением скрылось под водой. Скоро волны рассеют и скроют наш кильватерный след. Ничто не будет указывать на то, что здесь погибло судно, кроме, может быть, нескольких небольших досок, которые утром прибьет к корсиканскому берегу.

Мы узнали все о потопленном судне, только когда вернулись в свою гавань. Оно оказалось нейтральным каботажным судном, и вместе с ним погибли тринадцать моряков. Мораль этой истории такова: если нейтральные суда хотят прорвать нашу блокаду, они должны делать это без бортовых огней или хотя бы без флагов одной из воюющих сторон. Окончание этой истории печальное, но справедливое.

Через несколько дней примерно в шести милях от корсиканского побережья мы обстреляли и потопили небольшой итальянский танкер. В самом этом эпизоде не было ничего особенного, но вслед за ним произошло событие, поразившее нас своей загадочностью. Больше с нами никогда не случалось ничего подобного.

Сразу после потопления танкера мы погрузились и вдоль берега направились на юг, внимательно наблюдая за небом, где в любую минуту могли появиться самолеты. Около пяти часов, когда солнце скрылось за горной вершиной, с севера на большой скорости пришел огромный эсминец. Некоторое время он покружил недалеко от нас и исчез в темноте. В наушниках гидрофона было слышно, как корабль удалялся. Горизонт был чистый. Через час стемнело настолько, что в перископ ничего разглядеть больше не удавалось. Всплывали мы только при полной темноте, поэтому решили опуститься на сто футов и

немного подождать.

Патрульная подводная лодка могла всплывать только тогда, когда ее командир был уверен, что на поверхности нет других судов. Так как перископ в темноте бесполезен, приходилось полагаться на данные гидрофона. Окончательное решение о всплытии командир принимал тогда, когда гидрофонист давал добро. В эту ночь он вслушивался в звуки в своих наушниках особенно внимательно.

Где-то неподалеку эсминец, хотя он и скрылся из виду, мы не имели права рисковать.

В конце концов командир приказал всплывать. Те из нас, кто не был занят, не теряя времени, принялись разыскивать свои сигареты. Под водой курить было запрещено, и мы успели соскучиться по табачному дыму. Все шло как обычно. В цистерны с шумом стал поступать воздух, заработали двигатели, и командир исчез в нижнем люке. Мы ждали выкрика, означающего, что верхний люк открыт. Обычно за ним следовал приказ: "Можно курить!"

Вместо этого тишину разорвал громовой сигнал ревуна. Сигареты выпали из наших рук. Открылись клапаны вентиляции цистерн, и лодка камнем пошла вниз. Мы замерли. Появился командир. Волосы его были мокрыми от морских брызг. Он с рассеянным видом стал смотреть на показания глубиномера. Наконец приказал:

- Стоп машина! Приготовиться к атаке глубинными бомбами!

Фигуры моряков двигались в полной тишине. Прошло пять минут. Ничего не произошло. Десять минут. Двадцать. Полчаса. Командир выглядел озадаченным. Гидрофонист сообщил, что слышит какие-то очень слабые звуки справа по борту. Обычно такие звуки издает судно, движущееся очень медленно или лежащее в дрейфе.

Этим все и кончилось. Только командир знал, каким опасным было наше положение. Он открыл люк, поднялся на мостик, вдохнул свежий воздух и замер. В каких-то тысяче ярдов слева на траверзе покачивался на волнах эсминец. Он стоял неподвижно, его темные очертания таили в себе угрозу. Командир нырнул в люк и нажал на ревун. Громкий сигнал разнесся на многие мили вокруг. Как ни странно, никто не отреагировал на этот звук. Через час эсминец удалился, и, когда мы всплыли, увидели вокруг чистый горизонт. С этого момента мое мнение об итальянских противолодочных средствах резко изменилось. Можно лишь гадать о том, почему тот эсминец не стал атаковать нас. Возможно, у него кончились боеприпасы и глубинные бомбы. Возможно, он участвовал в испытаниях. А может быть, это был

всего лишь корабль-призрак без экипажа, дрейфующий в спокойном море и пугающий неосторожных подводников. Но какова бы ни была причина столь странного поведения этого корабля, мы все были глубоко ему благодарны. Обед накрыли вовремя, и пиво в тот день казалось особенно вкусным.

Луна стоит прямо над головой. Совершенно безветренная ночь. Справа на траверзе вдалеке видны темные очертания гор Сардинии. Мы направляемся домой.

На мостике очень тихо. Здесь, вдали от путей итальянских конвоев, можно позволить себе немного расслабиться. Мы глядим на звездное небо и наслаждаемся тихой средиземноморской ночью. Тот, кто плавал в такие часы, знает, как шелестит вода, соскальзывающая с носа лодки, каким громким в ночной тиши кажется звук работающего двигателя. Кто плавал в такую ночь, должен помнить удивительное чувство полной удовлетворенности жизнью, которую ты выбрал.

Идет смена вахтенных. Трое наблюдателей хриплыми голосами докладывают обстановку и спускаются вниз на обед. Появляются новые вахтенные. Мне не нужно оборачиваться, чтобы убедиться в этом, я ощущаю их присутствие по запаху. Это очень специфический запах: от них пахнет мазутом, едой, потом и пудрой, защищающей кожу от болезней.

Ведем наблюдение за своими секторами. В такую ночь очень трудно отыскать горизонт. Его запросто можно перепутать с длинными полосами, образующимися в туманной дымке от лунного света. Восходящие и заходящие звезды, приближающиеся к поверхности моря, лишь усложняют нашу задачу. Поэтому мы очень внимательно смотрим в свои бинокли.

Дежурство тянется медленно. Наши мысли значительно опережают нашу лодку: мы уже думаем о том, что будем делать во время нового отпуска. Из отверстия латунной переговорной трубы доносится слабый запах приготовленной пищи, и я вдруг понимаю, что чертовски голоден.

Время, когда мы направляемся на патрулирование и возвращаемся обратно, возможно, самое опасное из всего нашего трехнедельного пребывания в море. В такие дни расслабляешься и совсем не ожидаешь появления торпедных катеров или самолетов. Хотя мы понимаем, что в интересах нашей безопасности нам всегда нужно быть начеку, иногда теряем бдительность. Наблюдатели выпускают из рук бинокли и просто стоят на мостике, опираясь на поручень. Рулевой может позволить лодке отклониться от заданного курса. Когда я думаю не о цели, а о чем-то другом, то легко не замечаю темные очертания вражеского корабля. И в этом заключается опасность.

Сегодняшней ночью я стараюсь внимательно смотреть вперед. Неожиданно на лунной дорожке мелькает какая-то тень, и моей сонливости как не бывало. Я изо всех сил напрягаю зрение. Да, там точно что-то есть, какой-то квадратный предмет. Носовой волны не видно. Нет никаких огней. Может быть, это еще одна наша лодка, возвращающаяся с задания. Но нет! Размеры этого предмета слишком большие. Волнение мое нарастает.

Через мгновение внизу звучит сигнал тревоги, и лодка резко разворачивается. Командир уже на мостике. Он интересуется пеленгом и напряженно вглядывается в темноту. Лодка описывает полный круг, и неизвестное судно оказывается слева по носу. Наша задача - опознать его. Следует приказ:

- Остановить оба двигателя!

Дрейфуем в тишине. На главном посту гидрофонист пытается уловить звуки, которые помогут определить, с кем мы имеем дело. Но он ничего не слышит. Мы включаем электродвигатели и медленно выходим на курс атаки. Поступают данные радиолокатора. Расстояние две тысячи. Поворачиваем направо и медленно идем к судну. В темноте замечаем, что оно идет без сопровождения. Тени на стоячей воде мешают нам как следует разглядеть его. Похоже, это каботажное судно. Нет, скорее небольшой танкер.

Расстояние 1000 ярдов.

Неожиданно перед нашими взорами предстают три высокие мачты, и мы обнаруживаем цель. Теперь ее хорошо видно. Шхуна водоизмещением около 1000 тонн направляется на юг. Она движется бесшумно на вспомогательном двигателе, оставляя светящийся след под кормовым подзором. Командир приказывает:

- Приготовиться к запуску двух торпед. Внимательно наблюдать за морем. Могут появиться торпедные катера. И не смотрите все время на эту чертову цель. Это вам не кино.

Мы уже совсем близко от цели, и она кажется нам легкой добычей. Говорим шепотом, словно опасаясь, что на судне нас могут услышать. Шхуна, похожая на призрак, продолжает идти вперед, не обращая на нас никакого внимания.

- Первой пуск!

С мостика мы видим, как торпеда устремилась вперед, оставляя светящийся след. Линия прицеливания проходила прямо перед грациозным носом шхуны. Корпус судна миновал эту линию, и через мгновение пути шхуны и торпеды пересеклись. Это самый напряженный момент. Прямо в середину корпуса! Секунды до взрыва кажутся бесконечными, но, когда он происходит, огромная ослепляющая вспышка освещает море на

много миль вокруг. В небо устремляется гигантское облако дыма. Боеприпасы!

Ничком падаем на мостик. Осколки со свистом проносятся над нами, стучат по корпусу лодки. Второй и третий взрывы сотрясают море. Когда мы поднимаемся, от шхуны остается лишь несколько покачивающихся на воде обгоревших обломков. Экипаж шхуны погиб во время сна.

Спустя полчаса наша лодка продолжает путь домой. Завтра в каком-нибудь порту не дождутся еще одного судна, и обстоятельства его гибели останутся неизвестными до конца войны.

Глава 13

Английские субмарины наносили массированные удары по путям снабжения армии Роммеля по всему Средиземному морю. Одна флотилия базировалась на Мальте, а другая в Бейруте. Эти подлодки курсировали между Бари и проливом Дарданеллы, куда долетало эхо войны в Средиземном море. Вражеские танкеры, направляющиеся из Стамбула в Пирей, проходили мимо островов Эгейского моря. Некоторые суда везли груз на остров Родос, другие держали курс на Митилинн, Лерос и Салоники. Здесь действовало несколько английских подводных лодок. Время от времени они всплывали, демонстрируя себя немецким и итальянским судам. Даже в этих далеких водах вражеские транспорты не чувствовали себя в безопасности.

Мы вернулись в Алжир, и после нескольких дней отдыха нам приказали идти к Мальте для патрулирования в Эгейском море. Еще через три недели мы должны будем следовать к Бейруту.

Рейс на Мальту протекал спокойно. Правда, когда мы проплывали мимо Сицилии, над водой на фоне темных холмов появился какой-то подозрительный предмет, который сразу исчез. Мы немедленно погрузились и прислушались. Через некоторое время раздался слабый взрыв. И все. Что это было - так и осталось загадкой. Возможно, это была вражеская подводная лодка, которая выстрелила в нас и погрузилась. Или сбитый гидросамолет. А может быть, вахтенному офицеру просто что-то привиделось. Как бы то ни было, мы подошли к Мальте вслед за тральщиком по длинному каналу и пришвартовались под жаркими лучами солнца у причала, где вода была зеленой, как нефрит.

Два дня, в течение которых мы находились на острове, прошли очень быстро. Большинство моряков хотели скорее уехать оттуда. Нам не нравилось, как готовили в здешней столовой. Прежде никогда не приходилось подниматься по каменистому склону, чтобы принять ванну. Возможно, нам не хватало

выносливости, но все мы стремились оказаться в легендарном Эгейском море.

На Мальте было скучно. Ее больше не бомбили и не обстреливали. Однажды в чистом небе показалось несколько немецких истребителей. Они описали круг над островом и улетели, прежде чем наши летчики успели понять, что происходит. Воздух наполнился воем сирен, но ни одной бомбы не упало на остров. В это время с мальтийских аэродромов взлетали наши самолеты, собирающиеся бомбить Сицилию и саму Италию. По дороге они сбрасывали осветительные бомбы над вражескими конвоями, чтобы их могли обнаружить наши подлодки.

Мы покидали Мальту после полудня. Ярко светило солнце, заливая остров золотистым светом, перемешанным с темно-синими тенями. За пределами гавани море имело кобальтовый оттенок. Легкий ветер, прилетевший с холмов Италии, покрывал его поверхность рябью. Нам пришлось на несколько минут погрузиться, когда на горизонте показались вражеские самолеты-разведчики, но затем мы спокойно продолжили свой путь.

События, происходящие в восточной части Средиземного моря, тогда не привлекали большого внимания. Немцы, как и англичане, увязли в Тунисе. Вражеский гарнизон в Греции воевал с партизанами в горах, в то время как те немногие, кого послали на острова Эгейского моря, нежились под лучами солнца и наслаждались жизнью, прекрасно уживаясь с местным населением. Наша задача была простой. Мы должны были патрулировать по всему Эгейскому морю и создавать для немцев как можно больше проблем. Пусть они думают, что наше командование намерено проводить в этом регионе крупную морскую операцию.

Наступила ночь, потом утро. Небо улыбнулось нам, и водная зыбь засверкала в лучах восходящего солнца. Впереди было Эгейское море.

Глава 14

В Эгейское море можно войти двумя путями - восточнее острова Крит и западнее этого острова. Мы медленно обогнули его с запада, погрузились на триста футов, чтобы не задеть минные заграждения, и двинулись вперед вслепую. На рассвете гор почему-то не было видно, и мы засомневались, что движемся в правильном направлении. Тем не менее все прошло благополучно, наша лодка умудрилась не сесть на мель. В полдень над нами со свистом проехал быстроходный сторожевой катер, а когда вечером мы всплыли, то обнаружили, что находимся в пяти милях от северо-восточной оконечности Крита.

Над позициями врага в заливе Суда метались лучи прожекторов. В полночь взошла луна, окрасившая землю бледно-синим цветом. Впереди над заросшими кустарником берегами высились белые утесы, похожие на боевые галеоны.

Полным ходом миновали острова Икария и Аморгос и взяли курс на север.

Ночь проходит спокойно, и на рассвете мы оказываемся неподалеку от крошечного островка Користиани. Море тихое-тихое. Погружаемся и идем на перископной глубине. После полудня из туманной дымки появляются острова Тера и Анафи. Мы обходим их с юга и направляемся к острову Сирина. Поверхность этих островов покрыта известняком, деревьев не видно. В перископ я вижу белый маяк на острове Анафи. Издалека он похож на парус.

Примерно в четыре часа слева по носу мы замечаем остров Сирина. Медленно обходим его и приближаемся к острову Анафи. Видны белые домики, стоящие на вершине скалы. Кажется, они в любую минуту могут сорваться в море.

До сих пор мы не встретили в этих водах ни одного судна, хотя лучи прожекторов свидетельствуют о том, что враг не дремлет.

Через три дня миновали остров Андрос и подошли к острову Эвбея. Погрузились и медленно на электродвигателях приблизились к берегу. В середине дня мы заметили две идущие под всеми парусами шхуны. Они двигались с северо-запада с попутным береговым бризом. Мы всплыли в тысяче ярдов от первой цели и сделали в ее сторону два выстрела 4-дюймовой пушкой, чтобы посмотреть на реакцию экипажа. Восемь человек немедленно спрыгнули в шлюпку и понеслись к берегу, энергично работая веслами. После этого мы возобновили обстрел судна.

Эти шхуны оказались на удивление устойчивыми. Нам понадобилось тридцать выстрелов, чтобы уничтожить первую. К тому времени, когда первая цель исчезла под водой, экипаж второй уже улепетывал в своей шлюпке в сторону берега. Вероятно, это были греки, действующие под контролем немцев, хотя на шхунах и висели небольшие красные вымпелы.

На этом этапе войны мы вели себя благодушно и всегда позволяли себе пару неточных выстрелов, чтобы экипаж атакуемых судов мог спастись. Надо признать, делали это они весьма искусно. Позднее коварные немцы придумали штуковину, которую мы называли каиком-ловушкой{5}. Такой каик представлял собой безобидного вида шхуну, на которой скрывали 3-дюймовую пушку, шесть пулеметов "максим" и несколько глубинных бомб. Появление таких каиков-сюрпризов вынудило

нас атаковать суда быстро и неожиданно. В результате греки часто не успевали спустить на воду шлюпки, и мы оставляли их барахтающимися в воде недалеко от берега.

Вторая шхуна перевозила бочки с нефтью. После первого же нашего выстрела ее охватило пламя, и мы, удовлетворенные, начали уходить в открытое море. В дыму едва не столкнулись со шлюпкой, в которой находились спасшиеся члены экипажа.

Они гребли веслами с безразличным видом, как будто такие происшествия случались с ними ежедневно. В то время продовольственная ситуация в Греции была тяжелейшей, поэтому на прощание бросили им несколько банок сливочного масла, мяса и супа.

В течение следующей недели мы кружили по северной части Эгейского моря, повторяя путь капитана Кука: прошли под горой Афон, обогнули острова Скирос и Лемнос, заходили в Салоникский залив.

Работы было немного. В тени знаменитого Олимпа мы потопили два каика-ловушки. Прилетевший неизвестно откуда гидросамолет помешал нам настичь третье судно. Он сбросил две бомбы, которые упали далеко от нас, и еще некоторое время кружил над нами, демонстрируя свое бессилие. Проходя мимо полуострова Кассандра, мы обстреляли находящийся там завод по производству смол. Там впервые услышали звук, который прозвали "стуком Муссолини".

Этот звук хорошо был слышен в наушниках гидрофониста. Издавал его прибор обнаружения подводных лодок. Он очень напоминал стук пишущей машинки. Должно быть, это был весьма эффективный прибор, потому что каждый раз, когда мы слышали его характерное постукивание, обязательно появлялись самолет или сторожевой катер, которые начинали поиск. У полуострова Кассандра прилетели два старых гидросамолета. Мы заметили их, когда сменяли вахту перед завтраком. Они долго кружили над морем и ушли на север с наступлением темноты.

Немцы не были глупцами. Они знали наши любимые цели и размещали вокруг них пушки, мины и тому подобное. В таких обстоятельствах нашим главным козырем была внезапность. Услышав где-нибудь "стук Муссолини", мы немедленно на полном ходу уносились в темноту, а утром появлялись в другом конце Эгейского моря.

Своими действиями мы расстроили систему снабжения немцев в этом регионе. На судах, потопленных нами, они доставляли в расположенные на этих островах гарнизоны продовольствие, топливо и личный состав. Поэтому мы стали головной болью для командира их военно-морской базы. Почту и

старших офицеров доставляли по воздуху. Каждый день из Родоса в Афины летели самолеты. Мы завидовали этим офицерам. Уже через час они будут пить вино в своей столовой, а вечером отправятся развлекаться с молодыми гречанками.

Часто наша лодка всплывала днем и бороздила поверхность моря под яркими лучами солнца. Острова утопали в густой зелени, среди которой виднелись аккуратные белые домики. Мы открыто курсировали между островами и, прежде чем враг успевал что-то предпринять, успевали уйти и спрятаться возле какой-нибудь заброшенной якорной стоянки.

Был июнь, и погода баловала нас. Когда срок нашего патрулирования подходил к концу, мы отправились на юг и провели несколько дней у побережья Родоса, где потопили пару итальянских шхун. По ночам видели маяк, приветливо мигавший нам с турецкого берега.

Все наши действия во время этого плавания были для немцев не более чем булавочными уколами, но надо сказать, уколы эти временами оказывались весьма болезненными.

Глава 15

Первое, что бросилось нам в глаза в Бейруте, - цветы, французы и фруктовые рынки. Именно в этой последовательности. За белым городом поднимались к небу сирийские горы. Гавань имела тот же вид, что и всегда. У старой пристани покачивались на воде шхуны и каики. Портовые грузчики-арабы с ленивым видом затаскивали грузы в глубокие трюмы. Под белыми тентами на покатых ютах сидели капитаны-левантинцы в белых одеждах. Их черные глаза взирали на этот мир равнодушным взглядом, толстые губы были сомкнуты вокруг длинных трубок. Шхуны, приходящие с севера - с Кипра или Алеппо, - перед молом разворачивались против ветра и ждали маленький дизельный буксир, который тянул их к причалу.

С моря хорошо были видны цветы, которые свисали с высоких кипарисов, покрывали стены, в изобилии росли на берегу. Они заставили нас с первого взгляда и навсегда влюбиться в этот город.

Над зданием, стоящим в самом центре города, развевался французский триколор. Мы хорошо относились к французам, но этот флаг показался нам не очень добрым предзнаменованием. Чисто с практической точки зрения трудно будет работать из порта, который контролируют французы. Мусульмане поглядывали на нас косо, поскольку немецкая пропаганда обещала им великое панисламское государство, которое будет простираться на огромной территории и включать национальные меньшинства Югославии и Турции, проживающие в Европе.

Чудный план.

Бейрут оказался небезопасным местом. Пожалуй, там находилось больше вражеских агентов, чем в любой другой части земного шара. В городе не была решена проблема беженцев. На его улицах можно было встретить поляков, греков, румын, армян, чехов и арабов, и у всех, кроме арабов, было полно денег. На склоне холма, спускающегося к городу, находился британский армейский штаб и комитет, занимавшийся вопросами размещения военнослужащих.

В огромных особняках среди прохлады гор проживало несколько итальянских семей. Французы их не трогали. Британское военное начальство тоже не обращало на них внимания. Итальянцы жили тихо и проявляли агрессивность только когда их притесняли. Больше всех было французов. Среди них выделялась любопытная компания офицеров Иностранного легиона, главным образом проходимцев, и несколько сенегальских отрядов, которые в основном были заняты тем, что гудели из своих охотничьих рогов. Местные призывники представляли собой необученную толпу отпетых авантюристов. На службу во французскую армию они пошли, руководствуясь своими скрытыми, чаще всего корыстными мотивами.

В целом Бейрут той поры чем-то напоминал Руританию из романов Э. Хоупа. И если начальников штабов такое положение дел сильно пугало, то нас, напротив, радовало, так как открывало огромные возможности для приятного времяпрепровождения. Сам по себе город был очень богатый. Многие богачи приезжали сюда на отдых. Члены итальянской комиссии по перемирию во время своего кратковременного пребывания здесь сыпали деньгами. В городе довольно спокойно. Правда, в любую минуту можно было ожидать провокаций со стороны диверсантов. Нам известно, например, что в Родосе у итальянцев была специальная школа для подготовки смертников, которые сами направляли торпеды на цель и взрывались вместе с ними. Каждая из наших четырех подводных лодок окружалась специальной сетью для предотвращения возможных атак людей-торпед. Причал освещался мощными дуговыми лампами. В темное время суток в гавани патрулировал сторожевой катер. Все подходы к лодкам охраняли часовые с автоматами. Даже нам после захода солнца трудно было попасть на лодку.

Небольшой английский штаб на военно-морской базе контролировал передвижение шхун, торговые перевозки и несколько небольших эскортных кораблей. Мы были отдельным подразделением. В его состав входили греческая плавучая база подводных лодок, две греческие и пять английских подлодок. У

нас были свой особняк и свои казармы. Компания подобралась очень веселая.

Я никогда не видел таких красивых казарм, как те, в которых жили наши матросы. Когда войска впервые вошли в Бейрут, они выгнали французов из этих зданий и несколько дней наводили порядок. Прочистили канализацию, уничтожили в комнатах вшей и разбили вдоль дорожек клумбы. Казармы были соединены с огромным рестораном, где моряков обслуживали молодые француженки и ливанки. В центре комплекса находились просторные спальные помещения. У каждого моряка были своя койка, противомоскитная сетка, запирающиеся шкафчики и все, что он мог пожелать.

Распорядок нашей службы в гавани во многом определялся местным климатом. Мы жили за городом, и в порт нас возили на машинах, принадлежавших военно-морской базе. В девять утра выходили из столовой и неслись на службу. Водители-арабы все без исключения были лихачами, но мы с ними ладили. В начале десятого приходили на лодку и трудились примерно до половины двенадцатого. К этому времени жара становилась невыносимой, и мы шли в небольшое швейцарское кафе, где съедали огромные порции мороженого. На лодке оставались офицер и дежурная вахта, которых сменяли на следующее утро.

Покончив с мороженым, мы перебирались в столовую и до ленча успевали принять по нескольку бокалов "Джона Коллинза"{6}. Нашими любимыми послеполуденными занятиями были сон и плавание.

Обычно мы старались не упустить ни того ни другого. До трех мы спали, потом ловили машину и ехали на военный пляж, представлявший собой небольшой участок берега, отгороженный от внешнего мира. Место было чудное: естественная бухта, окруженная высокими скалами. Здесь находились кабинки для переодевания и трамплины для прыжков в воду. Пляж был не очень большой, но во время плавания мы всегда мечтали о такой синей воде и золотом песке.

На этом пляже загорали только офицеры союзных вооруженных сил, их жены и дети. Ливанцы обходили его стороной, объясняя это тем, что место для купания очень опасное или вода слишком теплая. Однако находились богатые ливанки французского происхождения, готовые заплатить десять фунтов за то, чтобы поплескаться в море рядом с нами.

Эти француженки были очаровательны. С гибкими загорелыми телами и распущенными развевающимися на ветру волосами, они бежали по песку и смело бросались в море, составляя яркий контраст нескольким представительницам

женской вспомогательной службы ВМФ с их белой кожей, закрытыми купальниками и резиновыми шапочками на голове.

Иногда мы знакомились с самыми привлекательными из этих девушек, но обычно все заканчивалось беседами со строгими мамашами в широком семейном кругу о девальвации франка. В Ливане молодых девушек всегда сопровождали пожилые компаньонки.

Нам пришлось обратить свои взоры на девушек из вспомогательной службы ВМФ. В результате они чудесно проводили с нами время. Ни на одной другой базе союзнических сил ночная жизнь не была столь насыщенной, как в Бейруте.

Наша столовая была просторным, светлым и веселым заведением. Возвращение подводных лодок из патрульного плавания давало повод для шумных вечеринок. У нас всегда было много гостей. Политическая ситуация требовала проявления одинакового радушия к арабам, туркам и французам. Почти каждую ночь у маленькой стойки нашего бара толпились люди в причудливых одеждах.

Ночи проходили примерно так. В шесть вечера, когда открывался бар, мы были уже там. Слегка подкреплялись, чтобы быть в форме, выходили на улицу и ловили такси. Таксисты-арабы медленно разъезжали по дорогам в поисках клиентов на своих старых "фордах" с потертым верхом и огромным резиновым клаксоном, на который они нажимали почти постоянно. Правила передвижения просты: жмешь на клаксон, и если дорога не свободна, то ты здесь ни при чем.

Принцип езды на такси был довольно оригинальный. По дороге в город таксист прихватывал столько людей, сколько вмещал салон. Пассажиры набивались как сельди в бочку, и мы зачастую оказывались стиснутыми между веселыми арабами и надменными ливанцами. Оказавшись в городе, среди ярких огней, мы начинали думать, куда заглянем. Обычно планов не строили, но первое же заведение, куда мы заходили, определяло дальнейшее течение ночи. Например, если мы шли в гостиницу "Нормандия", чтобы выпить коктейль с джином, то непременно встречались там со старшими армейскими офицерами и с наиболее уважаемыми французскими семьями. Если направлялись в гостиницу Святого Георгия, то пили там пиво и танцевали под звездами на открытой площадке, которая выходила на море. Здесь мы встречались с коллегами-подводниками, очаровательными женщинами, английскими бизнесменами и чванливыми типами из Каира и школы политики.

Обычно мы сидели в небольшом баре под названием

"Челнок", где были напитки на любой вкус. Там играл на аккордеоне старый чех, русские девушки демонстрировали свои восхитительные ножки и в стельку напивались офицеры-отпускники из Ирака. В этом баре мы часто сталкивались с офицерами французской армии, форма которых была обшита галунами. Они уводили нас в свои космополитические столовые, где мы вместе пели песни разных народов.

Нам очень нравилось бывать в ресторане "Карлтон". Отменная кухня, хорошие вина, для желающих потанцевать играл небольшой оркестр. В отличие от большинства заведений Среднего Востока представление для публики было коротким, но довольно качественным. Там не было навязчивых женщин, которые садились бы вам на колени и всю ночь заказывали самые дорогие напитки. Никто не напивался. Это место любили посещать молодые англичанки.

Добраться ночью до дома всегда было проблемой. Комендантский час начинался в полночь, и очень немногие таксисты имели разрешение на ночной проезд. Мы шли на пляж, окунались в теплую воду, что, кстати, ночью было запрещено, обсыхали и отправлялись в кафе "Мимоза", где до рассвета подавали яичницу с грудинкой.

В это кафе часто заглядывали офицеры. Мы стучали в дверь, нас впускали, и мы оказывались в нереальном мире, где девушки вели себя скромно и сдержанно. За этим внешним целомудрием сразу не разглядишь их истинные намерения.

В Бейруте Восток и Запад сочетались самым невероятным образом. Таксисты-арабы, которые водили новые автомобили, непременно надевали безупречные костюмы из белой ткани в тонкую полоску. На холмах вокруг города стояли монастыри и школы христианской секты маронитов. Арабские лидеры учились в Оксфорде, а молодые ливанки разъезжали в "паккардах" со здоровенными телохранителями. Деньги текли рекой. Магазины были завалены европейскими товарами. В них продавали дешевые чешские предметы домашнего обихода, немецкие фотоаппараты, японские термосы и старые восточные металлические безделушки, привезенные из Бирмингема. В районе, где проживали австралийские солдаты, можно было, как утверждали, приобрести все, начиная от патронов и кончая пушкой. Создавалось впечатление, что австралийцы выставили на продажу половину своих армейских ресурсов.

Этот удивительный и красивый город предоставлял возможности для отдыха и развлечений, каких не было ни в одном другом месте Среднего Востока. Что бы мы ни думали о местных ценах и еврейских рынках, здесь мы получали все, за что

платили. И, только поднявшись на холмы, мы заметили подлинное очарование Ливана и культуры его народа.

Мы сидим в небольшом русском кафе в конце улицы, спускающейся от жилого района к гавани. За окном ночь. Очень тихо. Идет комендантский час, и в кафе, кроме нас, лишь несколько подвыпивших арабов. Всего вдоль стен стоит около десятка столов, и большинство их пустует. Хозяин посматривает на нас своими черными глазами. Он только что вышел из тюрьмы, где провел шесть месяцев за пустячный проступок, который оскорбил французов. Его красивая молодая жена бренчит на каком-то струнном инструменте. Атмосфера непринужденная и приятная.

Мы поднимаем рюмки с водкой и произносим тост в честь хозяина. Он кивает нам с саркастическим видом. Французы, что посадили его, тоже пили за его здоровье. Через какое-то время посетителей становится больше и обстановка в кафе оживляется. Мы присоединяемся к пестрой компании за соседним столиком. Здесь, в этом небольшом уютном помещении, чувства и переживания мужчин и женщин можно прочитать на их лицах. Один лишь французский офицер с непроницаемым видом закусывает за столиком у окна.

В углу стоит пианино. Саркастичный хозяин кафе аккуратно садится и начинает играть. Мы замолкаем и вслушиваемся в красивую мелодию. Несколько русских девушек затягивают песню. Закончив ее, они громко сдвигают бокалы. Над столами вьется синеватый сигаретный дым.

Перед нами предстает мужчина в белой одежде, и мы с трудом узнаем в нем начальника морского патруля. В кафе вдруг становится очень тихо. Пианист поднимает брови, руки его застывают над клавишами. Слова начальника патруля доходят до нас не сразу.

- Объявлена повышенная боевая готовность, - говорит он. - Вам необходимо прибыть на лодку. Машина ждет.

Холодный воздух обжигает нас, словно стальное лезвие. В машине очень темно. Посетители кафе машут нам с освещенного крыльца. Мы отъезжаем. Что нас ждет впереди?

Машина несется по плохо освещенным улицам Бейрута. Шофер хранит молчание. Других машин не видно, но время от времени на тротуарах мелькают темные фигуры военных патрулей.

У входа в гавань машина останавливается, и мы, протрезвевшие, уставшие и злые, вываливаемся из нее. В темноте натыкаемся на автоматный ствол. Часовой объясняет нам, что в районе порта нашли какие-то подозрительные предметы -

итальянский водолазный костюм или что-то в этом роде. Нам все становится понятно.

Наши лодки по-прежнему стоят у причала. В ярком свете дуговых ламп они похожи на гигантских слизней. Ночную тьму над водой разрезает синий луч прожектора. Он постоянно движется, высвечивая каждый отдаленный уголок гавани.

Перед молом у входа в гавань курсируют два дизельных катера. С них моряки опускают в воду небольшие мины. Работа довольно монотонная, но эти заряды способны перебить хребет любому итальянцу, который попытается пролезть сквозь сети.

На борту нашей лодки дежурный офицер держит ситуацию под контролем. Одной рукой он нежно поглаживает пулемет. Зубы его сверкают в темноте, когда он произносит:

- Боже! От вас несет, как от винной лавки!

Чуть ниже, наклонившись вперед, стоят вахтенные и внимательно вглядываются в поверхность воды. Возле каждого лежит мощный заряд. Любой объект, который попытается приблизиться к нашей сети, будет немедленно взорван. Позади нас Бейрут. Город спит, но в маленьком кафе сейчас поют песни русские девушки. С моря дует прохладный ветерок. Мы ежимся, стоя на холодном мостике. Где-то вдалеке в море мигает одинокий огонек, и мы утешаем себя тем, что находимся в гавани.

Через несколько часов небо над сирийскими горами начинает светлеть. Перед рассветом становится холоднее. Ствол пулемета обжигает мою ладонь словно кусок льда. В открытом люке боевой рубки виден мягкий свет главного поста, который манит нас своим теплом. Неожиданно из темноты раздается громкий голос:

- Отбой! Пулеметчики, разойтись. Заряды оставить на палубе. Отбой.

Мы вздыхаем с облегчением, и из наших ртов вырывается облачко пара.

Внизу, в кают-компании, жарко. На часах половина пятого. Мы вдруг осознаем, что страшно устали. Кто-то предлагает немного выпить перед сном. Звякают бокалы, из потайного места появляется бутылка виски. Вчетвером садимся за стол, с усталой задумчивостью потягиваем виски и смотрим на приклеенные к абажуру фотографии красоток. Это маленькое, похожее на железнодорожное купе помещение - наш дом. Дежурный офицер трет глаза:

- Сейчас лягу и просплю все свободное время. Мы ухмыляемся, потому что сами говорили так много раз. Он почувствует себя значительно лучше, после того как примет холодный душ и позавтракает. Потом его можно будет увидеть

плещущимся в прохладной воде на военном пляже или танцующим в "Карлтоне". Никому и в голову не придет, что он двадцать четыре часа отдежурил в душной лодке и три часа неподвижно стоял, положив палец на спусковой крючок пулемета.

На рассвете мы выбираемся из лодки. Солнца еще не видно, но уже скоро золотой шар появится из-за гор. Это лучшее время дня. Вызываем машину. По пути домой кто-то предлагает искупаться. Водитель везет нас какой-то новой дорогой и высаживает возле песчаного пляжа. Мы раздеваемся догола и за несколько минут смываем с себя всю накопившуюся усталость и грязь. Полные сил и оптимизма, едем в столовую на завтрак и оживленно обсуждаем наши дальнейшие планы.

Мысленно возвращаясь к тем дням, я не могу с уверенностью сказать, что было главной целью нашей жизни. У нас не было принято задумываться о целях войны. По-моему, именно в этом состояло основное различие в поведении военных и штатских. Гражданским людям не свойственно было отвечать ударом на удар, и они никогда не переходили в наступление. В итоге у них появлялись разочарование, гнев и ненависть. Мы же всегда наносили удар первыми, и, если попадали в опасное положение, только в результате ответных действий противника. У нас не возникало какой-то особенной ненависти к немецким подводникам, потому что мы понимали, что они ведут такую же войну, так же радуются успехам и переживают неудачи.

В те памятные дни 1943 года военные действия на море все еще были на удивление честными. Наши жизни зависели от результата состязания интеллекта нашего командира и командира итальянского или немецкого эсминца. Даже тогда, когда мы крались на большой глубине, а на поверхности нас разыскивал враг, мы мыслили такими категориями, как "хорошая контратака, плохая контратака" или "плохой материал".

Эти меры и контрмеры были похожи на ходы в шахматной партии. Мы могли по достоинству оценить точку зрения немцев и старались видеть на ход вперед. В конце концов научились предвидеть, как отреагирует противник на наши новые замыслы.

При всем этом мы гордились своими кадрами и знали, что у нас превосходный экипаж. Страна предоставила нам подводную лодку, которая обошлась ей в 350 тысяч фунтов стерлингов. Все мы, шестьдесят человек, должны были сплотиться и нанести максимальный ущерб врагу. Наш экипаж никогда не вступал в бой с лозунгом "Победа или смерть". Это всегда был хорошо продуманный и отработанный маневр против объекта под названием "цель". Причем реальные боевые действия мало чем отличались от учебной практики - наши действия и мысли были

одинаковыми. Это был весьма совершенный способ ведения войны. Правда, позднее, когда мы встретились с японцами, многое изменилось.

На берегу наши моряки старались не думать о войне. Во флотилии царил дух соревнования, и мы как самое дорогое сокровище хранили наш "Веселый Роджер"{7}. Любили возвращаться домой после успешного патрулирования. Число потопленных фашистских судов и уничтоженных фашистов не имело большого значения по сравнению с той радостью, что мы испытывали, возвращаясь в гавань с развевающимся на ветру "Веселым Роджером", на котором прибавилось несколько полос.

В море экипаж подлодки становился единым целым. Офицеры и матросы ели одну и ту же пищу и жили примерно в одинаковых условиях. Мы ходили в одинаковой форме, знали привычки и причуды друг друга. В сущности, были одинаковыми. Это помогало легче переносить тяготы войны. Отсутствие классовых различий и необходимость положиться друг на друга в трудную минуту помогали нам понять идею демократии, за которую мы боролись.

В Бейруте и его окрестностях огромное богатство соседствовало с ужасной нищетой. Здесь мы встречали фашистов, коммунистов и реакционеров, но во время отдыха между патрульными плаваниями нам по большому счету было все равно, какие у людей взгляды, если с ними было приятно проводить время. Разумеется, мы чувствовали несправедливость французского правления и сторонились денежных мешков, которые жили в огромных горных виллах. Но как бы хорошо ни было на берегу, наши моряки всегда помнили дату следующего выхода в море и о том, что в конце концов нам придется отправиться на Дальний Восток. В разгар войны было бы неразумно придавать большое значение политическим взглядам граждан страны, в которой ты гостишь.

Наша лодка снимается с бочки около восьми вечера. Солнце висит над горизонтом. Воздух уже прохладный. Когда мы выходим в открытое море, над белыми зданиями города всплывает лунный серп. Огни на вершинах гор мешаются с мерцающими звездами. Из открытой двери стоящей на молу небольшой караульной будки вырывается свет. В проеме виден силуэт мужчины, наблюдающего за нашим отплытием.

В тот момент, когда я писал эти строки, я не знал, завидовать этому мужчине или жалеть его. В конце концов действительно почувствовал к нему жалость. Ведь это ему, а не мне предстояло остаться и жить в духоте и суматохе города.

С крейсерской скоростью в 12 узлов мы направились на запад

мимо патрулирующих гавань траулеров в бескрайние просторы восточного бассейна Средиземного моря. Рано утром с Балкан налетел сильный ветер, который обогнул Олимп, поднял волны в Эгейском море и встретился нам, когда наша лодка проходила мимо Кипра. Мы прошли с подветренной стороны острова Крит и вошли в Эгейское море. Для меня этот момент и был настоящим началом патрулирования. Ясным прохладным утром лодка погрузилась под воду.

За туманной дымкой скрывались вражеские берега.

В Эгейском море лучшим временем для нас было раннее утро. Жаркие дни мы проводили под водой. Наблюдение в перископ не доставляло нам никакого удовольствия. Ночью было не так жарко, но темнота скрывала много интересного. Поэтому оставались только эти быстротечные минуты рассвета, когда над горизонтом взлетали лучи солнца, а серый мир окрашивался в розовый цвет.

В первую ночь в Эгейском море луна стояла высоко. Вражеский берег на западе прятался в темноте. Наверху на мостике было тепло и спокойно, а внизу, во чреве лодки, в это время матросы занимались своими делами: ели, читали, писали письма. Мир для нас ограничивался полем зрения наших биноклей. То, что было дальше, нас мало интересовало. Поиск и ожидание - вот что было нашей задачей.

По ночам можно было ожидать всяких сюрпризов. В любой момент могли появиться бесшумные шхуны или патрулирующие у островов сторожевые катера. Иногда в свете луны возникали белые квадратики парусов 10-тонных каиков.

Само море тоже давало пищу для размышлений. Оно всегда было рядом с нами. Мы были почти что его частью. Море осыпало нас брызгами в непогоду и обрушивалось своей тяжестью во время шторма. Мы прятались от врагов в морских темных глубинах, но, чтобы чувствовать там себя в безопасности, необходимо было изучить нрав и повадки моря. Для моря мало что значат наши энергетические установки и тщательно рассчитанные плавучести. Если не быть настороже, оно в любой момент может увлечь подводную лодку в бездну и раздавить ее стальной корпус, словно яичную скорлупу. Поэтому к морю всегда нужно относиться с уважением. Оно может быть и лучшим другом, и самым опасным врагом.

Еще одно чудное утро. Высоко в небе плывут белые облака, ветер растягивает их в длинные полосы. Розовые скалы острова Скиафос отражают солнечный свет и сами, в свою очередь, отражаются в тихой воде. Свет луны блекнет. В это утро рассвет застал нас врасплох. Наши взоры были устремлены на запад,

когда на горизонте вспыхнули красные отблески. Оглянувшись, мы увидели зарю.

Вражеские суда, выходящие из северных портов, таких, как Салоники или Стамбул, и направлявшиеся на юг, старались не выходить в открытое море и двигались вдоль берегов. Так, в пирейскую гавань они добирались мимо западного побережья острова Эвбея и далее через пролив Трикири или через Доро, что находился немного южнее. Наши агенты в Стамбуле информировали нас о вероятных маршрутах судов. Когда они шли через Доро, у нас особых проблем не возникало. Трудности начинались, когда суда направлялись через пролив Трикири. Вход в этот узкий пролив перекрывали минные поля и боковое заграждение. Чтобы подойти к этому проливу с востока, нужно было обогнуть с юга несколько островов и добраться до небольшого залива, который соединялся с проливом Трикири. Это и был наш любимый маршрут. Вражеские суда, идущие из Салоник, двигались вдоль берега и заходили в этот залив с севера. Там мы их и поджидали. Для противолодочных операций места здесь было слишком мало и, чтобы добраться до открытого моря, нужно преодолеть узкое водное пространство длиной двадцать миль. Обычно наша лодка не входила в пролив Трикири, а кружила за боном в надежде перехватить вражеские суда, когда они войдут в залив с севера.

В тот день мы вошли в пролив и после полуночи захватили два каика. Оставили на них подрывные заряды и стали заниматься экипажами. Часть людей решили отправиться с нами, чтобы присоединиться к греческим вооруженным силам в Каире. Тех, кто пожелал вернуться к женам, мы посадили в шлюпку, дав им на прощание кучу пищевых консервов.

На рассвете, покинув пролив с другого конца, мы погрузились и стали вести разведку. Обычно наше патрулирование проходило на небольшом участке вдоль бокового заграждения от края минного поля до буя в конце пролива. За день над нами проходили сотни шхун, рыболовных и небольших парусных судов. У вахтенного офицера работы было предостаточно. Ему часто приходилось менять курс и увеличивать скорость, чтобы избежать столкновения с днищем какого-нибудь крупного судна. Пространства для маневра мало, и необходимо было постоянно вести наблюдение. Некоторые небольшие суда двигались очень быстро и сильно дрейфовали под ветер. Чтобы не столкнуться с ними, мы часто погружались ниже перископной глубины. По-моему, некоторые из рыбаков не раз замечали наш торчащий из воды перископ.

Каждый день в половине пятого пролив пересекал парусный

паром, на борту которого обычно находились женщины и дети. При небольшом волнении на поверхности мы могли спокойно наблюдать за пассажирами, не опасаясь быть обнаруженными. Почему-то девушки в окуляре перископа всегда казались очень красивыми.

По ночам мы обычно уходили на десять миль в сторону открытого моря и заряжали батареи. На рассвете возвращались к проливу и занимали позицию под небольшим белым маяком у южного края залива. Я уверен, что мужчина, который работал на этом маяке, многое знал о нас. Днем мы часто замечали, как тот смотрит в сторону залива, и если он вставал рано, то обязательно замечал нашу лодку. Возможно, он был на нашей стороне.

На третье утро лодка, как обычно, вошла в залив в половине пятого. В десять минут шестого командир заметил торговое судно водоизмещением 3000 тонн, которое шло с севера. Его сопровождали два эсминца.

Атаку мы провели образцово. Развернулись, заняли позицию и произвели залп шестью торпедами в тот момент, когда первый эсминец входил в пролив. Расстояние составляло всего лишь тысячу ярдов, и, если бы все торпеды попали в цель, торговое судно очень скоро пошло бы ко дну. Однако первая торпеда прошла мимо, а вторая угодила в носовую часть судна. Раздался мощный взрыв. Что стало с остальными торпедами, мы не знали. Больше взрывов слышно не было.

Эсминцы сразу начали поиски, но не решились подойти к минному полю, возле которого находилась наша лодка, а ушли в сторону открытого моря. Мы же на полной скорости погрузились на двести футов, прошли под кормой нашей цели и затем выключили все двигатели, чтобы снизить шумы. Эсминцы нерешительно продолжали над нами поиск. Они так и не сбросили ни одной глубинной бомбы.

К шести часам нам надоело отсиживаться на дне. Мы решили всплыть и оглядеться. Поднялись до перископной глубины. Командир сообщил, что торговое судно все еще стоит и рядом с ним находится тральщик. Эсминцы в это время на большой скорости уходили в сторону пролива, видимо, торопились на завтрак. Должно быть, враги решили, что судно наскочило на мину. Во всяком случае, позднее, при обсуждении их действий, нами было сделано такое заключение.

Мы в отчаянной спешке перезарядили торпедные аппараты и на полной скорости стали приближаться к судну. Однако в тот момент, когда наша лодка вошла в пределы досягаемости огня, судно медленно, с большим дифферентом на нос стало уходить по внутреннему фарватеру. Рядом с ним шло буксирное судно,

впереди - тральщик. Ужасное утро.

Оставаться в районе пролива Трикири больше не имело смысла, поэтому наша лодка медленно направилась на восток. Весь вечер и значительную часть ночи мы пытались выяснить причину неудавшейся атаки. Смоделировали всю ситуацию, изучили карту, шаг за шагом с помощью инструментов и тригонометрических формул повторили весь процесс атаки. В конце концов пришли к выводу, что судно было бы уничтожено, если бы все торпеды двигались правильно. Зная скорость торпед, расстояние до судна и точное время запуска, можно вычислить, какая из торпед попала в судно. Как мы и предполагали, цель поразила вторая торпеда. Все остальные прошли ниже цели.

Устав от цифр и расчетов, мы поднялись на мостик и вдохнули свежий воздух. Луны не было видно из-за окутавшей горизонт дымки. Однако звезды освещали небо своим холодным мерцанием. Лодка медленно двигалась вперед на одном двигателе, в тишине был отчетливо слышен его низкий рокот. Приходилось постоянно менять направление и двигаться зигзагами на случай, если этот звук привлечет внимание вражеской подлодки или сторожевого катера. Земли не было видно, но где-то впереди находился остров Лемнос, а сзади в туманной дымке остался крошечный остров Скирос, где похоронен английский поэт Руперт Брук.

Командир поднялся на мостик и стал рядом со мной.

- Плохой день, - сказал он. - Может быть, результат был бы другим, если бы мы стреляли из пушки. Я не могу винить персонал базы или наших людей. Эти торпеды изготавливают... - Он назвал две фирмы, известные своими бытовыми приборами. - Что тут поделаешь.

Несколько минут мы хранили молчание. Я собирался задать ему вопрос, и, почувствовав это, командир сказал:

- Завтра вечером я намерен атаковать итальянскую базу в Кастро. Конкретный план разработаем утром. Спокойной ночи.

Итальянский комендант острова Лемнос - бывший военно-морской офицер. Эгейское море в то время фактически отрезали от Адриатики, и дел у него было немного. Те конвои, что проходили мимо острова, сопровождали эсминцы и самолеты. Эскортных кораблей часто было больше, чем грузовых судов. Мало кто из них становился здесь на якорь. Остров Лемнос оставался очень спокойным местом, потому что почти не подвергался нападениям с воздуха или суши. Южнее Лемноса дорогу на север охраняли гарнизоны островов Родос и Крит. Кроме итальянской базы подводных лодок, что находилась на острове Лерос, других подразделений, способных вести

наступательные действия, в этом районе не было.

Однако комендант все же имел в руках кое-какие козыри. В Салониках немецкое управление по движению судов наложило запрет на передвижение каиков в этом районе в дневное время и приказало оборудовать и укрепить для них специальные якорные стоянки. Бухта Мудрос не подходила для этой цели, так как была слишком большой и открытой. О ее уязвимости свидетельствовал остов разрушенного корабля, лежащий у берега неподалеку от входа в бухту. Оглядев местность, комендант Лемноса обнаружил подходящее место в небольшом порту города Кастро, что на западе острова. Вход в гавань был узкий, к тому же имелся каменный причал. Порт был вполне современный и располагался в живописной, хорошо защищенной местности, поэтому итальянцы разместили в нем свой местный штаб ВМФ, который оснастили радиостанцией. На скалы, нависающие над гаванью, установили пушки. Небольшие траулеры и рыболовные суда вооружили пулеметами и глубинными бомбами. У берега постоянно патрулировали каики, оснащенные гидрофонами.

Комендант со своим штабом реквизировали несколько роскошных белых вилл в пригороде и зажили в них в свое удовольствие. Их главной головной болью была нарастающая активность британских подводных лодок. Не проходило и дня без сообщений о потопленном, поврежденном или не прибывшем в срок судне. Эти сообщения приходили с островов Андрос, Митилинн и Эвбея, с наблюдательных пунктов в Эгейском море и с самолетов. "Замечена подводная лодка... Атаковали подводную лодку в районе... Подводная лодка обстреливает склады возле..." Подобные известия приходили все чаще и чаще. Легкая жизнь коменданта кончилась.

Итальянцы вооружили каики, поставили минные поля, в воздух в любой момент готовы были подняться небольшие гидросамолеты. Они ускорили поставку торпедных катеров, установили пушки вокруг наиболее важных береговых объектов. Проходы в северную часть Эгейского моря либо были заминированы, либо тщательно охранялись. Но все эти меры были малодейственными. Сообщения об атаках подлодок продолжали поступать.

В порту Кастро теперь всегда было много судов. Каики и шхуны водоизмещением от 30 до 400 тонн входили в гавань на рассвете, становились на якорь, а с наступлением темноты уплывали к следующему месту стоянки. Иногда они шли караваном. Но такой способ передвижения труден для парусных судов, поэтому некоторые из них отставали и терялись. Итальянцы время от времени находили такие пропавшие шхуны,

одиноко дрейфующие в открытом море без своего греческого экипажа, который исчезал навсегда. Лишь через несколько месяцев кто-то из команды возвращался сюда на греческой подводной лодке, которая привозила почту и припасы партизанам.

Мрачно размышляя над всем этим, комендант острова Лемнос смотрел с холма на раскинувшуюся внизу гавань, переполненную судами. На примыкающих с двух сторон к гавани высоких скалах стояли батареи 4-дюймовых пушек. Ниже, неподалеку от пляжа, располагались армейские орудия, стрелявшие снарядами весом 12 фунтов. В какой-то тысяче ярдов от берега возле узкого входа в гавань курсировал взад и вперед патрульный катер. Он уже несколько недель патрулировал в этих водах, и экипаж успел утратить первоначальную бдительность.

У причала стояли три большие шхуны и много маленьких каиков. Всего в гавани находилось около сорока грузовых и несколько рыболовных судов. Их трюмы были заполнены зерном из Салоник, нефтью, углем, продуктами, одеждой и боеприпасами.

Солнце уходило за горы. С моря потянуло прохладой. Комендант уже хотел войти в дом, когда в гавани раздались два мощных взрыва и в воздух поднялся огромный фонтан воды. Затем наступила мертвая тишина.

Что это? Диверсия? Самолеты? Подводные лодки? Комендант застыл на месте. В лучах заходящего солнца он увидел, что три самые большие шхуны тонут. Шесть стоявших рядом каиков разорвало в клочья. На пристани полыхал пожар. К небу поднимались черные клубы дыма - горела нефть, вытекающая из пробитых бочек. Комендант на секунду отвел глаза от этого ужаса и окинул взглядом золотистые от закатного солнца воды гавани. Прямо под южными скалами он увидел длинный черный корпус всплывающей подводной лодки. Она бесшумно поднималась на поверхность, отбрасывая в стороны каскады окрашенной солнечными лучами воды. Медленно и грациозно лодка поплыла по направлению к городу, потом развернулась, и из ствола орудия на ее борту появилась черная струйка дыма.

Итальянские артиллеристы на вершине скалы были в полной растерянности. Стволы их орудий не опускались до необходимого угла, и они не знали, что делать. Некоторые принялись стрелять по английской лодке из винтовок, но эти выстрелы не могли причинить ей большого вреда. С несущегося на большой скорости патрульного катера открыли пулеметный огонь: пули калибра 0,303 забарабанили по корпусу лодки. Ответ не заставил себя долго ждать - стаи красных трассирующих пуль полетели в

итальянцев. Их пулемет замолк, и катер на большой скорости стал уходить в сторону берега.

На причале в это время творилось что-то невообразимое. Фугасные снаряды вонзались в суда и склады. Пожар становился все сильнее. Огонь после взрывов двух торпед перекинулся на уцелевшие шхуны, и они превратились в горящие факелы. Тем временем мощный пулеметный огонь не позволял итальянским артиллеристам начать стрельбу из 152-миллиметровых орудий.

Итальянцы вели стрельбу из легкого стрелкового оружия, но этот огонь был хаотичный, и пули их проносились мимо маневрирующей на большой скорости подводной лодки. Между тем с нее продолжали вести огонь из всех видов оружия. На небе алел закат, а в воде бухты отражалось огромное пламя пожаров. Густой дым поднимался над холмами, ветер подхватывал его и уносил дальше на запад.

В конце концов подводная лодка прекратила стрельбу и зигзагами, увиливая от снарядов, стала уходить в сторону открытого моря. Еще через пять минут она скрылась в ночи.

Для итальянцев этот день был страшным. Мы же, напротив, воодушевились, хотя и понимали, что большая часть погибших в результате нашей вылазки греки. Но за каких-то десять минут было уничтожено около двадцати пяти крупных каиков и несколько малых судов. Из нашего экипажа только один матрос получил ранение в ногу.

Наш экипаж осуществил атаку строго в соответствии с планом. Разведка проинформировала нас об оборонительных сооружениях гавани. Весь день перед нападением мы провели у входа в гавань, изучая расположение батарей и личного состава противника. План был следующим: перед закатом наша лодка должна приблизиться к гавани, погрузиться и пустить две торпеды в сторону скопившихся у причала судов. Эти взрывы отвлекли внимание противника, а мы тем временем должны были обойти небольшую мель у входа в гавань, всплыть под скалой, обстрелять портовые сооружения и уйти на север через другой выход.

Мы подсчитали, что противнику понадобится около пяти минут на то, чтобы обнаружить нас, еще пять минут на занятие позиции у орудий и еще две минуты на то, чтобы произвести выстрел. Таким образом, в нашем распоряжении было двенадцать минут. Так как скорострельность нашей пушки составляла восемь выстрелов в минуту, нам приказали выпустить ровно сто снарядов.

Наш 20-миллиметровый пулемет "Эрликон" обстреливал патрульный катер и небольшие цели на берегу. Мы заранее

сделали наброски целей нашей пушки и установили их очередность, так что приказ "Сменить цель" во время боя не нужно было повторять дважды.

В том случае, если бы нам оказали ожесточенное сопротивление, мы должны были полным ходом идти в сторону северных скал и затем держаться близко к берегу, пока не выйдем из поля зрения врага. После этого лодка погрузилась бы. Мы специально выбрали для этой операции вечернее время, так как наступающая ночь помогла бы нам скрыться, прежде чем успели бы прилететь самолеты.

Все прошло гладко. Хотя пули несколько раз стучали по корпусу нашей лодки, только один человек был ранен. Врач перебинтовал ему ногу и вместо снотворного налил изрядную порцию рома. Правда, позднее нам пришлось расстаться с ним, и выздоравливал он уже в больнице.

Таким образом, главным нашим козырем в этой памятной операции была внезапность. Мы понимали, что наше внезапное появление ошеломит врага, приведет к хаосу и растерянности в его стане, что и случилось. Нечто подобное произошло на одном из островов Вест-Индии, где подводные лодки противника застали врасплох американцев.

Насколько мне известно, в ту ночь нас никто не преследовал. Мы в течение двух часов уходили на большой скорости, потом взяли курс на Салоники, замедлили движение и стали заряжать батареи. Если враг и послал вдогонку за нами гидросамолеты, то они нас не нашли. Когда стемнело, мы заметили далеко в темном тебе беспорядочно движущиеся огни.

Здесь в неприятельских водах, вдали от родных берегов, в тесном стальном доме находился небольшой коллектив британцев. Мы жили так, как живут мужчины во всем мире. Писали письма, проигрывали граммофонные пластинки, в девять часов слушали новости Би-би-си и после обеда передавали по кругу отвратительные бирманские сигары. Раз в день, перед сном, выпивали бокал эля, беседовали на разные темы, строили планы на очередной отпуск и восхищенно поглядывали на журнальные фотографии красоток. Более нормальный мужской коллектив и придумать трудно.

Некоторые считают, что долговременное пребывание большого количества людей в замкнутом пространстве непременно должно приводить к раздражению и конфликтам. Но ничего подобного я не припоминаю. Конечно, все мы были разные со своими особенностями и недостатками, но в сложных ситуациях нас всегда выручали осознание общей цели и чувство юмора.

Глава 16

Оперативные донесения были обычно краткими и бесстрастными. В сообщениях о боевых действиях отсутствовали не только имена участвовавших в них людей, но также сведения географического характера, что представлялось мне неправильным. С приходом американцев боевые сводки превратились в череду цифр, указывающих чистый вес взрывчатого вещества, израсходованного на один квадратный ярд. Мы по-прежнему оставались небольшим подразделением, ведущим партизанскую войну. У нас не было авиационной поддержки и чаще всего экипаж действовал самостоятельно. Многие британские подлодки проводили боевые действия вместе с войсками, высадившимися на острове Сицилия, причем две из них погибли. Мы же вели свою маленькую войну на этих греческих островах.

Салоникский залив. Его бурные воды заставили нас пережить немало приятностей. Берега на востоке покрыты невысокими холмами, за которыми земля ухабистая и неровная. Вдали высится гора Афон. Иногда ее резкие линии сливаются с синевой неба, и чем больше на них смотришь, тем меньше видишь.

Летом этот залив очень спокойный. Его гладкая зеленоватая поверхность напоминает мне воду устья Темзы, какой она бывает в ранние утренние часы. Здесь самая северная точка нашей маленькой войны, если, конечно, мы не сойдем на берег, чтобы присоединиться к партизанам.

На нашу карту страшно взглянуть. Бравые ребята из штаба главнокомандующего Средиземноморского флота всю ее изрисовали минными полями. В небольших приложениях к специальному секретному изданию под названием "Вумфа" их карандашные записи информируют нас о нахождении обнаружителей подводных лодок и патрульных катеров. Здесь столько-то противолодочных судов, там столько-то самолетов. Эти парни, сидящие в Каире и Хайфе, вероятно, думают, что мы ведем невероятно тяжелую войну. Нам было неизвестно, откуда они берут свою информацию. Часть ее, разумеется, поступала от наших подводных лодок, и от нас в том числе. Мы, конечно, сталкивались с вражескими самолетами и патрульными катерами и слышали стук их обнаружителей, но обычно это происходило после того, как мы обнаруживали себя. Наш экипаж никогда не поддавался панике преждевременно и всегда надеялся на лучшее.

Итак, наша лодка идет на север по Салоникскому заливу, и, если верить информации штабистов, здесь нас на каждом шагу подстерегает опасность и неминуемая смерть. Однако после того как мы оглядываемся вокруг и видим эти пустынные берега и

спокойное море, нам становится ясно, что более безопасное место трудно представить. Почему-то этот край земли никак не вяжется с войной.

Мы плывем вдоль восточного побережья. Знойное полуденное солнце припекает тощую землю. Небольшие рыболовные суда кажутся застывшими на неподвижной воде. Их мачты отбрасывают на ее поверхность длинные тени. Рыбаки забрасывают в море сети, им нужно как-то кормить свои семьи. Вахту несет наш приятель югослав. Это крупный бородатый мужчина, который относится к жизни с изрядной долей юмора. У него интересная биография. Кажется, он был командиром артиллерийской боевой части в испанских республиканских ВМС, представлял в Гамбурге какое-то правительство, командовал югославской подводной лодкой и много чем еще занимался. В настоящий момент это наш гость. Экипаж относится к нему с уважением и симпатией. Для вахтенного он выглядит очень оригинально: ботинки, белый свитер, два пистолета, большой нож, автомат и фотоаппарат. Его синие брюки подпоясаны старым галстуком учащегося Итонского колледжа и, как он утверждает, этот галстук был символом анархистов в некоторых районах Испании.

Тихий воскресный день. Из кают-компании слышно, как югослав периодически поднимает и опускает перископ, чтобы знать, что делается наверху. Нам понятен смысл его действий. Сперва он убедится, что поблизости нет самолетов, потом прибавит увеличение и будет внимательно оглядывать округу. Перед его взором предстанет залитый солнцем пейзаж. Впереди простирается широкое водное пространство, по которому можно добраться до Салоник. Именно с этой стороны, вероятно, следует ждать появления какой-нибудь цели. Он поворачивает перископ, и из горячей дымки медленно появляется восточный берег. С траверза этот берег довольно близко. На нем деревья, дорога, по которой едет машина, у самого края берега - рыболовные суда. Югослав с интересом следит за медленно двигающейся машиной. Возможно, в ней сидят какие-нибудь высокие немецкие чины. А может, сам Тито. Кто знает?

Внимательный взгляд югослава продолжает обследовать водную поверхность. Позади траверза совсем близко появляются рыболовные суда. На макушке черноволосого рыбака красуется ярко-синий берет. Другой, прислонившись к мачте, закуривает трубку. На лице нашего вахтенного появляется ухмылка. Ему тоже захотелось курить.

Гидрофонист, который до этого момента казался спящим, вдруг прижимает руками наушники и через некоторое время

поворачивается и говорит:

- Прямо за кормой что-то есть. Похоже на высокооборотный бензиновый двигатель. Звуки очень слабые.

Вахтенный офицер резко поворачивается и всматривается в даль:

- Ничего там нет.

В этих водах двигатели вражеских судов можно было услышать за десять миль. Иногда небольшие дизельные рыболовные суда становились причиной переполоха. Однако на этот раз звук становится все громче. Командир идет на главный пост, внимательно смотрит в окуляр перископа и подтверждает, что ничего не видно. Любопытно. Мы внимательно следим за развитием событий. Через какое-то время командир снова смотрит в перископ и удовлетворенно кивает. Глядим на него с нетерпением. Его невозмутимое лицо начинает нас раздражать.

У гидрофониста очень взволнованный вид. Звук в его наушниках становится оглушительным. Командир быстро отдает приказ, и перископ резко опускается. До нас доносятся слова:

- Торпедный катер. Скорость тринадцать узлов. Должен пройти далеко от нас. Полагаю, одна из новых итальянских штуковин.

Звук резко усиливается и затихает. Напряжение спадает. Нас охватывает разочарование. Югослав что-то недовольно бурчит себе под нос. Очарование воскресного дня нарушено.

Спустя полчаса на фоне желтой береговой линии появляется мачта. Она принадлежит каику, медленно идущему на север с попутным ветерком. Мы слегка меняем курс и следуем за ним. Из дымки показалось еще несколько мачт и постепенно перед нами открывается замечательная картина. Впереди вход в небольшой пролив, соединяющий Салоникский залив с заливом Кассандра. Чуть севернее этого пролива небольшой причал и несколько складов. У причала стоят пять каиков.

Место уединенное. Отходящая от складов дорога исчезает среди кустарниковых зарослей. У дороги выстроились в ряд несколько грузовиков цвета хаки. Похоже, склады военные. Мы медленно приближаемся к берегу и всматриваемся внимательнее. Несколько моряков расхаживают взад и вперед под солнечными лучами. К причалу подходит еще один каик, матросы ловко убирают паруса и швартуют судно. Закончив, дружно выходят на берег. Вокруг тишина и покой.

- В секретном издании есть что-нибудь об этом? - спрашивает командир.

Мы листаем "Вумфу". Вот оно. Эксперты информируют нас, что на восточном побережье Салоникского залива есть порт под

названием Новая Плайя, где крупные суда загружают фосфаты. С удивлением смотрим на маленький причал и стоящие каики. Его на карте нет. Не отмечены на ней и некоторые другие встретившиеся нам места стоянки судов. В какой-то степени мы чувствуем себя первооткрывателями.

Даже тщательно разработанная операция может провалиться. Наша атака на этот таинственный порт закончилась неудачей. Помня о том, какая паника началась в порту Кастро после взрывов двух наших торпед, мы решили действовать по той же схеме. Трудность заключалась в том, что причал был сделан из деревянных столбов. Командир считал, что если лодка станет под острым углом к этим столбам, то вероятность промаха будет очень маленькой. Торпеда в любом случае взорвется после попадания в берег, уничтожит наземную часть причальных сооружений, отрезав экипажи от судов, и, если повезет, разрушит склады. Можно даже торпедировать грузовики.

К осуществлению плана экипаж приступил немедленно. Пустили торпеду, всплыли и принялись палить из пушки.

К сожалению, все сложилось не так, как мы ожидали. Топеда выскочила на берег, но не взорвалась, а выгорела с ужасным шумом. Первые несколько снарядов попали в ближайший каик, в котором была то ли нефть, то ли черная патока. В результате весь район целей закрылся густым облаком черного дыма. Сквозь эту завесу мы заметили лишь два разрыва. Куда попали остальные наши снаряды, можно только гадать. Несколько из них срикошетировали и взорвались в миле от берега. По нам открыли огонь из пулемета. В этом бою мы потерпели полное фиаско. Единственный, кто мог записать бой себе в актив, был наш пулеметчик, который изрешетил своим "эрликоном" все грузовики.

Командир, хранивший до сих пор молчание, дал приказ отходить, и лодка понеслась вдоль берега. Неожиданно появилась небольшая деревня, у южной окраины которой начинался канал, соединяющий два залива. Местечко было довольно живописное: белые домики с красными крышами стояли под высокими кипарисами.

Мы подоспели как раз вовремя. Недалеко от берега расположилась группа из восьми соединенных тросом каиков. Впереди был небольшой паровой буксир. Видимо, после заката он должен был отбуксировать их в открытое море. Мы атаковали: прошлись вдоль всей цепочки и вколотили в каждое судно по два-три снаряда. Последним был буксир. Он выпустил облако пара, перевернулся и затонул. Когда наша лодка покидала то место, из желтой воды торчали восемь мачт.

Эта маленькая победа несколько смягчила тяжелое чувство после предыдущей неудачи, но ее едва ли можно было назвать триумфом военно-морского искусства. С другой стороны, в результате этой операции были уничтожены тысячи тонн предназначавшихся для врага грузов, и это мы, несомненно, могли поставить себе в заслугу. Но никто из нас не собирался останавливаться на достигнутом.

По возвращении в Бейрут мы первым делом решили подыскать горную гостиницу, где можно было бы хорошо отдохнуть и развлечься. Послали в разведку нашего романтика Майкла. Он на некоторое время исчез, а когда появился, заявил, что нашел отличное место над названием "Гранд-отель", что находился в Айн-Софаре. Мы устроили ему допрос с пристрастием, которому могли позавидовать гестаповцы. Благожелательные ли там люди? Какие там девушки: белые, смуглые или черные? Напитки палестинские или южноафриканские? Всю ли еду там делают из козлятины? И так далее.

Майкл отвечал с ухмылкой. По его словам, люди нас там примут как родных. Девушки белые и очень хорошенькие. Вне всякого сомнения, они нас полюбят. Бренди там кипрское, очень приятное на вкус. Политические пристрастия? О, ему кажется, что люди в гостинице одинаково хорошо относятся ко всем политическим партиям. Что до еды, то она великолепная. И танцевальный зал отличный. В ответах Майкла сквозил восторг. Он был неисправимым романтиком.

Вечером мы вызвали машину и отправились в эту гостиницу. Дорога сперва шла прямо через душный пригород, потом стала извиваться среди холмов. Чем выше она поднималась, тем прохладнее становилось. Позади солнце опускалось за горизонт. Водитель-араб бормотал что-то насчет голодания, и в конце концов выяснилось, что он целый день ничего не ел, так как соблюдал пост. Пришлось отпустить его домой, когда он высадил нас неподалеку от гостиницы. Машина уехала, поднимая облако пыли, а мы проводили ее печальными взглядами.

В гостинице было тепло, людно и шумно. От множества голосов стоял гул: люди разговаривали на разных языках, с разными акцентами и интонациями. Они явно были чем-то взволнованы. Тощая старуха, производившая уборку в туалете, сообщила нам, что только что стали известны результаты выборов. Как оказалось, победу одержали националисты, которых поддерживала Британия. Старая карга сплюнула и ожесточенно заработала своей шваброй. Мы отправились на поиски более приятных собеседников.

Других британцев, кроме нас и нескольких офицеров-отпускников из 9-й армии, в гостинице не было. На нас была бросающаяся в глаза белая форма. Майкл встретился со своей подружкой, которая, увидев, что нас трое, быстро позвала еще двух девушек. У стойки бара Майкл кратко рассказал нам о местных нравах и наметил план действий. Выпив немного с нами, девушки отправятся обедать со своими родителями. Мы будем есть медленно и позволим нашим партнершам войти в танцевальный зал первыми. К нашему приходу в зале уже будет накрыт стол, и мы с девушками вволю повеселимся. Таким образом можно будет избежать встречи с их родителями.

Стойка бара была изогнутой на американский манер. Красивые молодые француженки поглаживали высокие бокалы своими длинными пальцами. Мы выпили по глотку сладкого рома для аппетита и перешли на бренди. Вокруг говорили о выборах. Дородные смуглые мужчины в красных фесках басили и стучали по столу кулаком. Возбужденные маленькие французы протестующе визжали. Ливанские аристократы сияли от радости. Египтяне улыбались во весь рот и рассуждали о независимости своей страны. Никто не говорил тихо. Все выражали свое мнение криками, словно продавцы вечерних газет.

Блюда были замечательными, вино - превосходным, настроение приподнятым. В другом конце зала наши подружки беседовали с родителями, не обращая на нас внимания. В гостинице мы не почувствовали недостатка и нормирования. Война была в этом месте лишь темой для разговора. Беженцы из Старого Света убивали здесь время, а мы оказались посторонними. После второй бутылки вина нас это перестало смущать.

Танцевальный зал гостиницы поразил своим восточным великолепием. Там танцевали чернобородые арабы в длинных халатах, разговаривавшие с оксфордским акцентом. Очевидно, в зале много знаменитостей. Наше внимание привлек мужчина, сильно напоминающий Ноэла Коуарда{8}. Впоследствии выяснилось, что это и есть самый настоящий Ноэл Коуард, но данное известие почему-то огорчило нас.

Появились наши девушки и небрежно указали на стол, из-за которого, вероятно, долго спорили. Заиграла музыка. Вечер продолжался.

Моя партнерша, ливанка итальянского происхождения, была настоящей красоткой. На английском она разговаривала лучше меня и знала еще массу языков. Девушка оказалась очень разносторонней личностью и, несомненно, имела бы успех в Голливуде, "Аскоте"{9} или где-нибудь в провинции. Подружка

Майкла тоже была довольно миловидной, хотя он полагал, что она слишком смуглая. Смуглая, ну и что! Зато эти девицы могли говорить о музыке и живописи, о географии и ботанике. Они пели все, что угодно: от "Летит время" до "Аве Мария". С ними можно было разговаривать на латинском, древнегреческом и современном греческом языке. Я совершенно убежден в том, что они умели хорошо готовить и штопать носки. Жаль только, что внимательные взгляды их матерей, наблюдавших издалека, не позволили нам познакомиться с ними поближе.

Оркестр прекратил играть рано, но, как всегда, нашелся человек, который смог сесть за пианино. Любопытно, что этим человеком оказалась англичанка, гувернантка хорошенькой египтянки Майкла. Она была далеко уже не молодой, но наши любимые мелодии исполнила в довольно бойком темпе. Вечер продолжался, пока администратор не сообщил нам, что наступило воскресенье. Мы распрощались со всеми в ярко освещенном вестибюле, вышли на дорогу и попытались поймать попутную машину. Однако наши усилия не увенчались успехом. Мы явно выбрали неудачный день для выезда в загородную местность. Машины проносились мимо. Некоторые из них едва не сбили нас. Почему-то водители боялись останавливаться. Причиной этого страха могли быть беспорядки, вызванные оглашением результатов выборов.

В два часа мы отправились пешком вниз по горной дороге. Ночь была прохладной, но безветренной. На небосводе горели яркие звезды. Дорогу нам освещали огни стоящих на склонах вилл. Первые четыре мили отшагали довольно бодро, по потом устали и решили во что бы то ни стало остановить какую-нибудь машину. На наше счастье, на дороге появился старенький автобус, мы решительно перегородили ему путь, и, как ни странно, он остановился. Из салона доносились гортанные крики и пение арабов. Внутри автобуса яблоку негде было упасть. Мы уселись на заднюю наружную багажную полку и криком велели водителю ехать. Арабы разразились смехом, и старенький автобус покатил вниз, благодаря главным образом силе тяжести.

Арабы опять начали петь. Это была какая-то особенная песня: в отличие от большинства восточных песен у нее была запоминающаяся мелодия. Кто-то спереди руководил пением, в котором ощущалась какая-то первобытная сила. В этот момент стало понятно, что это не простой рейсовый автобус и что эти люди направляются в город с какой-то определенной целью. Окна автобуса были открыты. Мужчины, сидевшие сзади, время от времени протягивали свои большие темные руки, чтобы пожать наши маленькие и белые. Мы отвечали на рукопожатия, но

прилагали большие усилия, чтобы удержать равновесие и не упасть на дорогу. Из других окон торчали длинные палки, старые ружья и длинные ножи. Верблюды подошли бы этим парням гораздо больше, чем автобус.

Мы продолжали путь с тяжелым чувством. Скоро автобус доедет до города Алле, и там, вероятно, начнется стрельба. Однако наши новые друзья оказались предусмотрительнее, чем мы ожидали. Как только показались огни города, они остановили автобус и жестами велели нам сойти. У них был свой план, в который мы не вписывались. Они хотели уберечь нас от неприятностей.

До города мы добрались пешком. Вокруг темно, улицы почти не освещены. Нам стало ясно, что попасть ночью в Бейрут мы не сможем, поэтому решили отыскать военно-морской госпиталь и, если позволят, заночевать там. Днем найти его не составило бы труда, но в темноте задача усложнялась. Мы остановились, сели на корточки и стали думать, что делать дальше.

Напротив нас на холме у дороги стояла большая вилла, из которой доносились громкие звуки веселья. Во всех окнах горел свет, слышались голоса. Было около трех часов утра, но вечеринка все еще продолжалась. Мы устало поднялись и уже хотели продолжить поиски ночлега, когда из-за угла появился наш знакомый старенький автобус и остановился у освещенной виллы. Дальнейшее происходило быстро. Арабы высыпали из салона, бросились к дому и исчезли. Послышался стук открываемых дверей и звон стекла. Кто-то с верхнего этажа заметил нашу белую форму, когда мы приблизились к дому, и выпустил в нас обойму из пистолета. Мы попадали на землю, а когда поднялись, все было кончено. Наступила тишина. Видимо, наши свирепые друзья взяли верх.

Свет в доме погас. Решив выяснить, что происходит внутри, мы стали подниматься по темной подъездной дороге. Возможно, в доме сейчас совершаются убийства и кто-то истекает кровью. Однако подойти к дому нам так и не удалось. Арабы поставили в кустах часовых, которые неожиданно выросли перед нами и принялись размахивать палками. Их зубы сверкали в темноте. Нам пришлось отступить.

После долгих поисков мы вышли к морскому госпиталю, ввалились в первую попавшуюся палату, разделись и залезли в пустые кровати под противомоскитные сетки. Три кровати в комнате были заняты, но спящие не проснулись.

Утром меня разбудило солнце, светившее в окно. Было еще рано, и наши соседи спали. С койки, стоящей рядом с моей, доносилось ровное дыхание спящего. Я повернул голову и к

своему ужасу увидел на подушке соседней кровати золотистые косы. Мы провели ночь в комнате, где спали военнослужащие женской вспомогательной службы ВМС!

Глава 17

Наступил день, когда наш экипаж снова был готов к боевому патрулированию, которое, возможно, станет для нас последним в Средиземном море. Военные, разведчики и офицеры штаба ВМС как будто ждали этого момента и накинулись на нас, как назойливые мухи. Всем им что-то было нужно, и мы не могли никому отказать.

Случилось так, что нас представили сотрудникам отдела военной разведки и отдела боевых операций - ВР и БО. Эти два отдела имели мало общего и работали самостоятельно. Нам показалось, они считают друг друга конкурентами. Это несколько осложняло ситуацию.

Офицер ВР, американец греческого происхождения, явился на борт нашей лодки в форме капитана американской армии и в сопровождении двух элегантных мужчин в серых фланелевых костюмах, которых, как оказалось, мы должны были доставить к берегам Греции. В их парусиновых сумках лежали две аккуратно сложенные надувные резиновые лодки и несколько сухих пайков. Американец показал нам маленькую карту побережья Греции.

- Вот это место, - сказал он. - Оно помечено значком Х.

Двое сотрудников БО пришли с капитаном английской армии. Этих двоих нужно было подбросить до острова Родос. Капитан заверил нас, что они мужественные партизаны, которые едут для того, чтобы отомстить за своих погибших товарищей. Мы сказали, что с удовольствием выполним его просьбу и что им неплохо бы встретиться и переговорить с сотрудниками ВР, которые тоже будут на борту нашей лодки. Однако обе стороны наотрез отказались встречаться друг с другом. Американцы заявили, что англичане заигрывают с десятками партий и группировок и им нельзя доверять. Мы сделали вид, что согласны с ними, и пообещали, что они не увидят друг друга в течение всего плавания. Сотрудники отдела боевых операций были здоровенными ребятами. Один из них потом утверждал, что голыми руками убил шестнадцать немцев. Они с большим энтузиазмом пустились в это плавание. Позднее выяснилось, что на Родосе их с нетерпением ждали любимые жены. Шерше ля фам!

Разумеется, нам трудно было сдержать обещание, и вскоре после того, как лодка вышла в море, эти две компании встретились. Мы опасались, что начнется потасовка, но ничего такого не произошло. Они учтиво представились друг Другу и

завели спокойную беседу на греческом языке.

Сначала наша лодка подошла к острову Родос. Ночь была тихая, светила полная лупа. Вдалеке темнели берега острова. Лишь в глубине, на холмах светили редкие огни. Когда крепыши из отдела БО заметили эти огни с мостика, они с трудом сдержали свои чувства, потому что были в двух шагах от дома. Мы определили наше местоположение и начали готовить надувные лодки к спуску на воду. Легкий туман позволял надеяться на то, что немцы не заметят подлодку со своего укрепленного берегового узла.

По плану высадка должна была пройти в три этапа. Сначала необходимо было убедиться в том, что мы подошли к острову в нужном месте. Затем немного удалиться от берега, открыть люки и вытащить надувные лодки на бридждек. И наконец, надуть лодки, вновь приблизиться к берегу и спустить их на воду. Третий этап был наиболее опасным, так как с открытым люком лодка в случае опасности не смогла бы быстро погрузиться.

Парни из БО зачем-то выкрасили свою надувную лодку в ярко-желтый цвет. Мы умоляли их не делать этого. Командир пытался объяснить им, что в желтый цвет красят только спасательные шлюпки, чтобы их было хорошо видно, и что такой цвет едва ли годится для рыцарей плаща и кинжала, но они были непреклонны. Оказалось, этот цвет выбран ими для того, чтобы военные разведчики, не дай бог, не спутали их надувную шлюпку со своей. Парни из ВР, в свою очередь, заявили, что они и близко не подойдут к желтой шлюпке. Как бы там ни было, шлюпка осталась желтой.

Все шло хорошо, пока мы не открыли люк и не достали шлюпку из торпедного отсека. Неожиданно по системе радиовещания поступил приказ: "Пулеметчикам занять позицию у "эрликона". Вскоре после этого послышался гул самолетных двигателей. Как часто случалось, тревога оказалась ложной. "Юнкерс-88" покружил над берегом, сбросил две осветительные бомбы и исчез за холмами. Моряки облегченно вздохнули и вытащили шлюпку на палубу, где новозеландец Гарри и двое его помощников принялись надувать ее с помощью баллонов с воздухом. Мы с мостика внимательно следили за происходящим. Поначалу ничто не предвещало беды. Шлюпка быстро надулась и достигла нужных размеров. Однако воздух продолжал поступать, и она становилась все больше и больше. Вскоре шлюпка стала такой огромной, что от ее ярко-желтого цвета заныли глаза. Командир чертыхнулся. Через мгновение раздался оглушительный взрыв, эхом пронесшийся над островом, и шлюпка исчезла. Матросы склонились над тем, что от нее осталось. В конце концов Гарри выпрямился, подошел к мостику и с убитым видом прошептал:

- Шлюпка взорвалась, сэр.

У парней из БО была только одна шлюпка, и теоретически они оказались отрезанными от своего острова, но тут командир решил взять политическое будущее Греции в свои руки и приказал надуть запасную шлюпку военных разведчиков. Пришлось все начинать сначала. На этот раз мы отказались от баллонов и надували шлюпку с помощью регулируемого потока сжатого воздуха, который подавался наверх через трубку. Все

прошло как нельзя лучше, и вскоре дюжие ребята из БО спустились в резиновый круг и принялись грести к берегу. Моряки провожали их взглядом, пока они не исчезли в темноте.

После этого мы переключили внимание на место, обозначенное на карте как Х, где должны были сойти агенты ВР. Нам было запрещено начинать охоту за вражескими судами, прежде чем эти две группы благополучно не высадятся на берег, поэтому нужно было торопиться. У побережья острова Эвбея погода стала портиться. С моря подул сильный ветер, небо затянулось тучами. Стемнело. Командир решил немного подождать, чтобы можно было точно определить местонахождение лодки. Когда солнце взошло, вдали показался берег. К вечеру ветер стих, однако волнение на море осталось. Командир нервничал. Он не был уверен, что молодые холеные греки из ВР смогут благополучно добраться до берега среди этих волн.

Операция началась в полночь. В миле от берега мы открыли люк и повернулись к берегу кормой. Волны обдавали нас брызгами. Если моряки соблюдали осторожность и действовали молча, то гости, напротив, вели себя шумно и раскованно. Над водой неподалеку мелькнул огонек. Мы насторожились. Что это? Рыболовное судно? Сигнальный буй? Эти вопросы остались без ответа.

Оказавшись в шлюпке, греки продолжали кричать и махать руками. Потом во весь голос затянули британский гимн. Мы попрыгали в лодку и на полной скорости стали уходить в открытое море. О дальнейшей судьбе этих веселых греков мне ничего неизвестно.

В проливе Дарданеллы, где проходило много вражеских судов, были очень сильные течения. Нас послали туда для перехвата танкера, который совершил несколько рейсов между Стамбулом и Пиреем. Кажется, тогда в Эгейском море оставалось только два таких судна. На севере были видны зеленые берега мыса Эллада, далеко на юго-востоке раскинулось побережье Турции. Чуть южнее нас находился небольшой остров. Мы нанесли на карту наше местоположение, а также дневные и ночные линии патрулирования. Сильные морские течения подхватывали и швыряли нашу лодку, словно игрушечную. Часто приходилось идти полным ходом, чтобы лодку не выбросило на берег. Ни на минуту нельзя было терять бдительность.

Первое, что мы делали, когда прибывали в район патрулирования, это определяли, где находятся слои скачка плотности. Подводная лодка может опираться на эти слои, подобно тому как дирижабль опирается на облака или глиссер -

на воздушную подушку. Под водой имеются места, похожие на воздушные ямы, в которые падают самолеты. Важно было знать глубину нахождения слоев скачка плотности, так как они могли изменять направление сигнала итальянских противолодочных устройств. После атаки мы обычно быстро погружались, и, если над нами был такой слой, мы могли чувствовать себя в относительной безопасности.

В Дарданеллах имелись такие слои, но они не отличались постоянством. В одном месте они находились на глубине 200 футов, в другом - 350 футов и так далее. В конце концов мы махнули рукой и решили надеяться на самих себя.

Ночью появились огни Турции. Огромный лайнер, сверкая бортовыми огнями, отошел от берега и взял курс на Смирну. Мы провожали его взглядом. Мало кто знал, что турки были нашими союзниками. Они сделали для нас больше, чем многие страны, входившие в антигитлеровскую коалицию.

Однажды утром вскоре после завтрака командир через перископ увидел две мачты. Они находились недалеко от острова Лемнос и двигались в нашу сторону. Пронзительно зазвучал сигнал тревоги. Мы повскакивали и быстро заняли свои места по боевому расписанию. Лодку обесшумили, выключили все вентиляторы. Было жарко, пот ручьями струился по нашим телам. Как всегда в подобных случаях, нами овладело странное чувство - смесь страха и возбуждения, и наши взгляды были устремлены на лицо командира. Он приказал опустить перископ и принялся медленно расхаживать по главному посту, комкая пальцами бумажные листки. Время шло, пот стекал все быстрее, бумажных комков становилось все больше. Оператор гидрофона хранил молчание, потому что ничего не слышал.

С помощью планшета и прибора управления торпедной стрельбой можно было легко получить кое-какую предварительную информацию. Конвой наверняка шел со скоростью от 8 до 12 узлов. В этом районе уже топили танкеры, так что, скорее всего, конвой движется зигзагом. Можно было легко рассчитать приблизительно его курс. Остров Лемнос - мыс Эллада. Отлично. Угол зигзага двенадцать градусов. Значит, менять курс конвою не придется. Мы крутили ручки приборов и ждали.

Командир посмотрел в окуляр перископа:

- Сейчас посмотрим. А, вот они. Конвой из двух судов и раз, два, три... Черт! Охранение солидное. Пять самолетов. Три бомбардировщика в небе и два гидросамолета на воде. Опустить перископ. Лево на борт. Полный вперед. Погружение шестьдесят футов.

Загудели двигатели, лодка, задрожав, пришла в движение. Сильное течение заставило ее задельфинировать{10}, возникла опасность, что мы выскочим на поверхность прямо под носом у этих самолетов. С помощью горизонтальных рулей с большим трудом удалось удержать ее от всплытия.

- Меньше ход! - Голос командира оставался спокойным и уверенным. Тридцать футов. Курс на север. Поднять перископ. Да. Они идут зигзагом с углом четырнадцать градусов. Я сейчас - двадцать градусов справа по носу. Расстояние... Вижу пять эсминцев и несколько торпедных катеров. Повеселимся вволю. Опустить перископ.

Раздался грохот - пять громких следующих один за другим взрывов. Итальянцы были верны себе. Прежде чем оставить конвой и вернуться на базу, самолеты сбрасывали бомбы, чтобы отпугнуть вражеские подлодки, если они окажутся рядом. Новые разрывы заставили нас вздрогнуть. Теперь взрывались глубинные бомбы, которые через каждые четыре минуты сбрасывали с эсминцев. Это было нам на руку. Если так пойдет дело, противник не сможет нас засечь своими шумопеленгаторами.

Теперь оператор гидрофона слышал звуки конвоя. Сигналы вражеских приборов пронизывали всю толщу воды. Длинные руки эсминцев подкрадывались к нам все ближе. Писк этих сигналов заставлял нас нервничать. В случае их попадания в корпус лодки они отразились бы, и итальянские операторы обнаружили бы нас.

Командир снова смотрел в перископ. Он уточнил их курс и расстояние. Теперь он видел пять эсминцев, пять торпедных катеров и пять самолетов. Действительно внушительный эскорт. Мы вплотную подошли к охранению конвоя. Один эсминец, фланговый, прошел над кормой лодки, другой - прямо над нами. Мы продолжали двигаться по направлению к цели.

В этот момент командир осознал, что лодку подхватило сильное течение и что она приближается к танкерам слишком быстро. Трудно было воспрепятствовать этому, учитывая, что рядом находились двенадцать вражеских судов. Перископ нельзя было поднимать более чем на несколько секунд - его немедленно заметили бы с самолетов. Мы попытались свернуть влево, чтобы подойти к головному танкеру, но лодка находилась во власти течения и не слушалась руля. Она лишь дернулась и продолжила движение к танкерам, которые были уже совсем близко. Открыть стрельбу было невозможно. Течение не давало лодке остановиться, а суда противника - поднять перископ и прицелиться. В этот день удача отвернулась от нас. На секунду, подняв перископ, командир заметил стремительно приближающийся нос второго танкера. В попытке избежать

столкновения мы увеличили скорость и стали заполнять водой цистерну быстрого погружения. Лодка забилась, словно пойманная на удочку рыба, но течение держало ее на крючке и не давало погрузиться. Мы оставались в поверхностном слое.

В тот момент, когда мы все же начали погружаться, лодка столкнулась с танкером. Раздался скрежет и звук удара. Мы зашатались и втянули голову в плечи. Лодка отскочила от днища судна и с большой скоростью стала падать вниз. Взрыв глубинной бомбы, сброшенной с эсминца, ускорил ее падение. Она ударилась о дно и несколько мгновений скользила по его поверхности. К этому моменту мы уже знали, что не тонем. Вода внутрь не поступала.

Так печально завершилась эта атака. Было обидно, что, находясь так близко от цели, не смогли ее поразить. Все же в глубине души была радость, что все закончилось именно так. Ведь мы могли затонуть. Повреждения оказались меньшими, чем ожидали. Лодка лишилась обоих перископов, пострадала радиоантенна, но зато мостик был цел и открывался люк боевой рубки. Мы не стали больше задерживаться в этих водах и взяли курс домой. Во время движения на юг пришло сообщение из штаба ВМС. Штабисты превзошли себя. Они советовали нам не приближаться к островам Лерос и Стампалия, так как итальянцы поставили там мощные минные заграждения. Взглянув на карту, штурман пришел в кают-компанию и сообщил, что если мы послушаемся штабистов, то никогда не выберемся из Эгейского моря. В конце концов после длительных раздумий командир нашел узкий коридор южнее острова Аморгос. Его ширина была всего две мили.

- Только круглый дурак поставит там мины, - резюмировал командир.

Мы прошли по этому коридору на глубине ста футов под странные звуки, похожие на скрежет проволоки по корпусу лодки. Командир высказал предположение, что это либо очень жесткие водоросли, либо рыбацкие сети. По-моему, в тот день я ни разу не сомкнул глаз.

Глава 18

Раннее утро. Я в отпуске. С широкого балкона моего гостиничного номера смотрю вниз на огромное ущелье. Меня и дно ущелья разделяют три тысячи футов. Напротив, на высокой скале светится в лучах солнца небольшой белый монастырь.

Далеко внизу видна извилистая серая лента дороги. По ней медленно поднимаются арабы из окрестных деревень, погоняя своих навьюченных поклажей ослов. Должно быть, путь домой занимает у них несколько дней. Я с удовольствием вдыхаю

прохладный горный воздух. После душного города здесь дышится очень легко. Солнце поднимается над горами все выше и уже начинает припекать мои плечи. Не надо никуда спешить. Впервые за долгое время я могу целыми днями бездельничать и не испытывать при этом ни малейших угрызений совести.

До базы отсюда пять часов езды на машине. Мы приехали вчера вечером. Дорога шла по глубоким долинам и голым холмам, на которых когда-то сражались крестоносцы. Это серый край. Здесь серые скалы и серая земля, отчего небольшие горные пихты тоже кажутся серыми. По вечерам низко над деревнями стоят тучи, но местные девушки все равно выходят на улицу в своих лучших нарядах. С башен древних монастырей доносится мелодичный колокольный звон. Иногда по каменистым дорогам грациозно проходят тощие верблюды в сопровождении погонщиков.

Позади гостиницы расположилась небольшая роща из ливанских кедров - это все, что осталось от некогда большого леса, который давал древесину для храма царя Соломона. Высокие прямые кедры словно застыли в напряжении, как будто в любую минуту ждут появления человека с топором. В середине рощи стоит небольшая часовня.

В этих горах нет войны. Лишь изредка на дороге появится и быстро исчезнет в облаке пыли одинокая армейская машина. Я встаю вместе с солнцем и дышу свежим воздухом, пока удар медного гонга не известит о том, что в столовой уже ждет завтрак, состоящий из козьего молока, мяса и фруктов. Нам не нужно ничего делать, и мы распоряжаемся своим временем как хотим. Можем спуститься в монастырь, где монахи угостят нас старым добрым вином, подняться по северному склону на вершину горы, где в глубоких расщелинах лежит снег, целый день нежиться на солнце или спуститься в ближайшую деревню, где ребятишки будут донимать просьбами подарить им что-нибудь.

По ночам, когда светят звезды и в ущелье загораются огни, в нашем распоряжении палестинский джин, который при желании приятно закусить бифштексом из козлятины и фруктами. Можно сходить в деревню на танцы, но по дороге идти слишком долго, а лазить по скалам в темноте никто не хочет.

Как-то утром я решаю отправиться в монастырь. Выбираю кратчайший путь через скалы, так как ходить в сандалиях по здешним дорогам не намного легче. Застаю монахов за работой на огороде. Один из них, тот, который говорит на английском, втыкает лопату в землю и подходит ко мне. Он рад тому, что представился повод для отдыха. После короткой беседы мы заходим в здание с белыми сводчатыми потолками, где играют

свет и тени. Поднимаемся в небольшую комнату, выходящую прямо на ущелье. Если не высовываться в окно, кажется, будто плывешь среди облаков в каком-то сказочном замке. Приносят белое искрящееся вино. Мой новый приятель - француз. Он очень хорошо разбирается в винах. Мы беседуем с ним на разные темы. О войне не вспоминаем. Не припоминаю, чтобы кто-то из этих монахов хоть раз поинтересовался моей национальностью или целью моего приезда в эти края. Это их не волновало.

Останусь ли я на ленч? Разумеется. Мы идем в главный зал и подставляем руки под струю воды, текущей из камней в стене. Я останавливаюсь перед простым деревянным столом и слушаю, как один из монахов приятным мелодичным голосом читает молитву перед едой, нарушаемую только журчанием воды. Завтрак довольно скромный: хлеб, вино, фрукты, овощи, насыпанные на блюдо, и небольшой кусок мяса. При желании можно попросить козьего молока. Еды вполне достаточно, но вино крепкое.

Мы начинаем трапезу. Через некоторое время вошел мужчина и сел с нами за стол. Кажется, он ходил в деревню за покупками и задержался. Все говорят на французском: монахи - безупречно, я с запинкой, но они, кажется, понимают. Вновь прибывший сказал что-то на итальянском, и все замолкают. В конце концов старый священник, сидящий в конце стола, обращается ко мне:

- Хорошая новость. Италия больше не участвует в войне.

Так я узнал о том, что Италия хочет заключить перемирие. Мне, конечно, хотелось задать священнику массу вопросов, но я не решился, зная, что среди монахов есть итальянцы. Сообщив эту новость, священник откупорил еще одну бутылку и подмигнул, когда поднял свой бокал. Хотя, может быть, мне показалось.

Итак, война в Средиземном море закончилась. Тогда я еще не мог знать, что немцы кинутся исправлять создавшееся положение и что нашим лодкам придется патрулировать в районе островов Лерос и Мудрос, в проливах Трикири и Дарданеллы. Мне было известно, что в центральной части Средиземного моря погибли четыре наши подлодки, но о том, что еще две подводные лодки будут направлены в Эгейское море, я не знал. Новость о выходе Италии из войны меня обрадовала, но было немного жаль, что нам придется покинуть Бейрут. Я бы предпочел остаться, чтобы увидеть освобожденные острова. Всегда приятно плавать без страха в тех водах, которые еще недавно контролировал враг.

К сожалению, такой возможности нам не предоставили. Через шесть дней мы должны были отправиться на Дальний Восток, к новым землям, где нам предстояло драться с варварами. Мы с нетерпением ждали выхода в море. Наше будущее было неопределенным, но в этой неопределенности была своя

прелесть.

Глава 19

Коломбо. Город неожиданно появился из мглы, и перед нашими взорами предстала безрадостная картина: все вокруг было желтым - небо, море, дома... Дул сильный муссон. Наша лодка вошла в гавань и направилась к плавучей базе.

В гавани было мало военных кораблей. Наша лодка стала первой подводной лодкой, прибывшей сюда после возрождения Восточного флота, который рос и креп на наших глазах. После прошлогодней сокрушительной атаки японцев остатки флота отступили в бухту Килиндини, но теперь стали прибывать новые суда, и гавань Коломбо вновь открыли. Боевые действия на море пока нельзя было назвать активными. Не хватало ресурсов, и было недостаточно самолетов, способных поддержать оперативное соединение в этом регионе. В гавани Коломбо в качестве минного склада использовали подбитое японцами круизное полузатопленное судно, остававшееся в вертикальном положении. Чуть дальше лежал на боку выброшенный на мель танкер. В самом центре гавани покоились на дне обломки разрушенного эсминца. Порт находился в плачевном состоянии, но в городе не было заметно больших разрушений.

Тот крупный налет на Коломбо японской авиации стал поворотным пунктом на западном фланге боев. Японцы потеряли большую часть самолетов и больше сюда не возвращались. Наши летчики дали им хороший урок.

Коломбо был передовой базой, поскольку между островами Цейлон и Суматра не было ничего, кроме бесконечных водных пространств. Эту громадную, шириной в тысячу миль брешь должна была перекрывать наша флотилия и несколько голландских самолетов. Боевые действия, разворачивающиеся в Бирме, заставляли прилагать усилия к тому, чтобы перекрыть пути поставок японцам ресурсов в Рангун. Мы внимательно смотрели на карты и пытались понять, что представляет собой эта новая война. Имелись весьма существенные различия между этим театром военных действий и тем, что мы покинули два месяца назад. Главное, что нас беспокоило, - это большие расстояния. От Коломбо до острова Пинанг 1276 миль, от Рангуна до Малакки около 1000 миль. Так как предел видимости составлял лишь десять километров, было ясно, что без надлежащей воздушной разведки вражеские суда будут оставаться незамеченными и ускользать, если только не патрулировать вблизи портов. Таким образом, мы намечали примерный план своих действий.

Пожалуй, главными отличиями этой войны от войны в Европе были жесткий характер врага и первозданность территорий. Здесь

не было живописных островов, подобных греческим, не было Монте-Карло, на который мы прежде любовались. Враг не имел привычки брать пленных. Нужно было приспосабливаться к новому, более интенсивному характеру боевых действий. Если прежде мы могли позволить себе проявлять милосердие по отношению к уцелевшим членам экипажей вражеских судов, то теперь мы стали относиться к ним жестче. К этому вынуждала нас жестокость японцев.

Днем эти спокойные воды нагревало жаркое солнце. Ночи были ясными, но иногда налетали свирепые шквалы, ослеплявшие нас вспышками молний, поливавшие сильным дождем. Береговых огней не было - эти густо заросшие лесами берега были необитаемыми. Джунгли, штормы, варварство и жестокость вот что представлял собой этот театр военных действий. Нам, британцам, нужно было приспосабливаться к обстановке, о которой мы имели плохое представление.

Ранним октябрьским утром две субмарины подходили к острову Пинанг с севера. Светила полная луна, и рассвет не спешил прийти на смену душной ночи. Морская поверхность была похожа на зеркало в наполненной лунным светом комнате. Ночью прошел дождь, намочивший вахтенных на мостике. Видимость была неважной.

Вдали показались темные очертания острова. Огней не видно - враг позаботился о затемнении. Мы не знали о том, что южнее нас по Малаккскому проливу двигалась японская подводная лодка. Она шла из Сингапура, чтобы присоединиться к вражеской флотилии, базировавшейся на Пинанге. Когда мы стали подходить к острову, японская лодка приблизилась к нам.

В двух милях от берега мы погрузились. Рассвет таил в себе опасность. В это время в небо поднимались самолеты вражеского воздушного дозора, с которых могли заметить темный цилиндр нашей лодки на поверхности воды. Также нас могло выдать зеленоватое свечение кильватерной струи. Бесшумно дрейфующие сторожевые катера могли услышать шум наших дизелей. Поэтому погрузиться необходимо заблаговременно. В этих водах царила пугающая неопределенность. Бой мог разразиться в любой момент, и обе стороны были начеку. Подводные лодки давно не действовали в этом районе. В течение нескольких месяцев здесь сохранялось полное спокойствие. Японцы напряженно ждали, не предпринимая никаких действий. Они неподвижно сидели в душных джунглях и вслушивались в тишину. Звуки шагов для японцев означали бы, что союзные войска собираются нанести удар. Обстановка была тревожная и нервная. Опасности грозили со всех сторон, поэтому приходилось

соблюдать осторожность.

На подводной лодке, уверенно подходящей к острову с юга, не проявили должной осмотрительности. Успокоенные близостью берега японские моряки готовились к высадке и уже предвкушали горячий завтрак в уютной столовой. Нам хорошо была знакома эта умиротворенность, когда до берега остается несколько миль и дом уже виден. Эта беспечность стоила тем морякам жизни.

Мы двигались на север параллельно берегу и ждали восхода солнца. Изображение в окуляре перископа было тусклым, начавшийся дождь ухудшал видимость. В воде отражались небольшие темные тучи, которые пришли с севера. Мы завтракали в своей теплой, хорошо освещенной столовой. Вахтенный офицер нанес курс на карту и через перископ снова посмотрел на длинный черный остров, находящийся в той стороне, откуда должно было взойти солнце. На голове офицера был черный капюшон, защищающий глаза от света приборов. Его зрение быстро приспособилось к синеве предрассветных сумерек.

В 05.30 враг находился в четырех милях. Через какое-то время он приблизился на расстояние двух тысяч ярдов. К этому моменту уже рассвело, но солнце еще не поднялось над горизонтом. Черный предмет, смутные очертания которого вахтенный офицер заметил в тумане, стал виден лучше, и выяснилось, что это подводная лодка. Самая желанная из целей! Эта новость моментально разнеслась по нашему судну. Возможно, это та самая подлодка, которая несколькими месяцами ранее потопила британское судно. Оставшихся в живых членов экипажа японцы вытащили из воды и разрубили на части, других связали и бросили за борт, чтобы они утонули. Об этом рассказал чудом уцелевший капитан британского судна, которого сняли со спасательной шлюпки. У него были отрезаны обе руки. Наш командир был немногословен. Устремившись за этой подлодкой, мы свернули налево, и цель на целую вечность исчезла из виду. Мы молили Бога, чтобы она не пропала совсем. И тут был отдан приказ открыть огонь. Атака с ближней дистанции оказалась стремительной, на обдумывание и вычисление времени не было. Уже через три минуты торпеды неслись к цели. В наушниках гидрофона пронзительные звуки шести двигателей наших торпед заглушили шум вражеских дизелей. Взрыв раздался точно в положенное время. Громоподобный рокот заставил задрожать стальной корпус нашей лодки. Командир поднял перископ и посмотрел в окуляр, но ничего не увидел. Поверхность моря была чистой. Шум дизелей прекратился. Мы не были уверены, но все указывало на то, что подводная лодка затонула. Через три минуты после взрыва и шесть минут после обнаружения японской

подлодки мы уже сидели в столовой и заканчивали свой завтрак. Во время атаки командир чувствовал себя очень плохо. У него был жар.

Полчаса назад солнце спряталось за горами Малайи. Мы только что всплыли, с мостика еще стекают капли воды. Корпус лодки блестит, отражая последние розовые тона уходящего дня. Здесь наверху прохладно. Я вдыхаю холодный ночной воздух, и грудь ноет от перепада температур. Такое чувство, словно в легкие попала ледяная вода. Воздух охладили ветер и дождь, который лил весь день. Сейчас небо и море чистые, но северный горизонт затянут тучами и луны пока не видно. Скоро погода снова может испортиться. Двигатели лодки молчат. Мы бесшумно дрейфуем и вслушиваемся в ночь. Прежде чем идти на большие глубины, нужно убедиться, что поблизости нет врага.

Своей ладонью я ощущаю прохладу влажного леера. Внимательно вглядываюсь в бинокль, но ничего не вижу. Совершенно ничего. Из темноты раздается голос:

- Все чисто слева по носу, сэр.

Затем другой:

- Все чисто справа по носу.

Здесь наверху пять человек. Мы позволяем себе немного расслабиться и наводим бинокли на появившиеся звезды. Вдруг кто-то оборачивается и говорит:

- Слышите?

Мы застываем, словно статуи, и напрягаем слух. В наступившей тишине слабый щелчок от соприкосновения медного рупора с пуговицами звучит словно ружейный выстрел. Ночь очень тихая, и мне в голову лезут всякие мысли. Через мгновение я действительно что-то слышу - слабое гудение, которое то сливается с шумом набегающих на корпус волн, то появляется вновь. Это пульсирующее гудение доносится с севера. Мы немедленно наводим туда свои бинокли, но уже слишком темно, чтобы можно было что-то заметить.

Этот шум, то убывающий, то усиливающийся, стал дурным предзнаменованием. Его могли создавать высокооборотные двигатели торпедного катера, который разыскивал нас. Командир резко повернулся и сказал:

- Поехали. Они еще далеко.

И мы на всех парах понеслись по проливу в сторону Сингапура. Звучно заработали наши дизеля, заглушившие тот дальний гул. Теперь нужно быть внимательными, чтобы заметить их раньше, чем они заметят нас.

Проходит час. Должно быть, нам удалось оторваться от противника. Я смыкаю уставшие от напряжения глаза, но кто-то

выкрикивает:

- Корабль за кормой!

Да, там определенно что-то есть. Небо над головой уже закрыто тучами, но это не мешает разглядеть темный силуэт движущегося судна, в котором мы сразу узнаем японский противолодочный корабль. Он на большой скорости проходит у нас за кормой и исчезает в темноте. Кажется, не заметил. Мы делаем резкий поворот и увеличиваем скорость.

На море опустился густой туман, и видимость ухудшилась. Пошел дождь. Мы двигались по направлению к центру Малаккского пролива. Где-то за кормой два противолодочных корабля продолжали поиски. Сколько их еще там? Черт бы побрал этих маленьких желтых ублюдков!

В пелене тумана появляется просвет, и кто-то кричит:

- Противолодочный корабль справа по носу, сэр!

- Лево на борт! Полный ход! Занять пост погружения! - бросает командир.

Лодка дрожит и кренится, в то время как поворачивают руль. Двигатели завывают и фыркают, меняя обороты. В эту ночь с обедом придется повременить. Матросы внизу молча сидят на своих постах и ждут очередного приказа. Они не знают, что происходит снаружи. Иное дело здесь, на мостике. Мы видим врага и можем определить, обнаружил он нас или нет. Знаем даже, что он собой представляет. Но только командир следит за движениями противолодочного корабля, охотящегося на нас. Остальные наблюдают в бинокли, каждый за своим сектором. Опасность может возникнуть с любой стороны. Правда, время от времени мы оборачиваемся и бросаем взгляды через плечо, чтобы выяснить, оторвалась лодка от преследователя или нет.

Командир, стоящий сзади меня, говорит:

- Кажется, мы ускользнули. Возвращайтесь на прежний курс. Меньше ход.

Мы разворачиваемся в темноте. Сквозь дымку тумана пробивается слабый свет звезд. Яркий Сириус отражается на ровной поверхности воды. Через полчаса появится луна, и тогда нашу лодку можно будет заметить за несколько миль.

Впрочем, видимость станет лучше и для нас. Полная луна одинаково светит всем.

К 04.00 мы преодолели тридцать миль на юг и свернули влево, чтобы подойти ближе к берегу и морским путям. Впереди, в тех местах, где луна выглядывает из-за туч, море освещено. За кормой темно, и идет дождь. Мы ожидаем того момента, когда тусклый свет, появившийся на востоке, заставит погаснуть звезды.

04.15. Впереди, в пятнадцати милях, должен быть берег.

Местность равнинная. С такого расстояния ее не видно из-за дымки. На мгновение у меня появляется ощущение, что все ночные неприятности закончились и можно расслабиться, но это не так. Японцы знают, что мы находимся в районе, который обозначаем на картах буквой F, и продолжают поиск.

Ровно в 04.20 мы заметили за кормой появившийся из тумана противолодочный корабль. Наша лодка находилась как раз на лунной дорожке, и до японцев было каких-то тысяча ярдов. Положение было критическим. Командир вновь приказал дать полный ход. Шанс уйти был минимальный. У этого корабля скорость 24 узла против наших двенадцати. Возможно, он несет на борту торпеды.

04.25. Длинный, невысокий силуэт корабля отчетливо виден в свете луны. Пока еще он не преследует нас. Мы повернулись к нему кормой и пытаемся незаметно уйти. Не удается. Он резко разворачивается, так что нос его зарывается в воду, и идет к нам полным ходом. Мы несемся по направлению к берегу, но это долго продолжаться не может. Если не будем осторожны, наскочим на мель. Пытаемся повернуть, но корабль меняет курс и идет наперерез. Японцы настроены решительно. Представляем, как они радуются. Молодой командир корабля, должно быть, много месяцев безуспешно бороздил море в поисках добычи и вот наконец обнаружил желанную цель. Наверное, он сейчас возбужденно облизывает свои толстые губы.

04.30. Враг приближается. Он явно видит нас и не торопится. Командир быстро принимает решение, и на лодке пронзительно сигналит ревун. Погружение! Мы торопливо прыгаем в люк и оказываемся в полумраке главного поста, где нас встречают матросы. На их лицах - немой вопрос. Начинаем погружаться. Пять секунд, десять, пятнадцать. 40 футов. 60 футов. 90 футов. На лодке полнейшая тишина. Теперь угол погружения меньше, начинаем выравниваться. Все следят за показаниями глубиномера. Интересно, на какой глубине окажемся, когда взорвется первая глубинная бомба? Сорок пять секунд. 100 футов.

- Подходит слева, - сообщает гидрофонист, который слышит врага.

Одна минута. 110 футов. Мы уже почти выровнялись, когда один за другим раздаются четыре мощных взрыва. Лампы на мгновение гаснут и загораются вновь. Что-то с шумом падает с подволока. Лодка вздрагивает. Масса сжатой воды сотрясает корпус. Первая серия бомб взорвалась не очень близко. 130 футов. Продолжаем медленное погружение в полной, почти неестественной тишине. Горизонтальные рули не могут остановить погружение. Командир пытается немного прибавить

скорости погружения, но это не помогает. Лодка слишком тяжелая. Включать насосы нельзя - их может услышать враг. Сильно увеличивать скорость опасно. 150 футов. Время 04.40. Там наверху японцы, должно быть, наблюдают рассвет. Их радиопередатчик, наверное, сейчас посылает зашифрованные сигналы со сведениями о нашей лодке. Через несколько часов это сообщение окажется на столе нашего офицера штаба в Коломбо. На плавучей базе офицер-шифровальщик и остальные узнают, что одна из лодок находится в затруднительном положении. Эту новость они будут обсуждать за завтраком.

В 04.45 лодка мягко и без шума легла на дно. Командир выключает оба двигателя, и мы остаемся в желтом иле на глубине 175 футов. Не очень мелко, но и не очень глубоко.

Противолодочный корабль зигзагом кружит над нами. Время от времени японцы сбрасывают глубинную бомбу, но эти взрывы лишь сотрясают воду. Враг прислушивается ко всем звукам, которые могут помочь ему определить наше положение. В 05.00 он неожиданно останавливается. Это старый трюк. Мы должны подумать, что корабль ушел, и всплывем. Но нас на эту удочку не поймаешь. Японское судно стоит на тихой воде и ждет подкрепления. Офицеры сейчас, наверное, склонившись стоят на мостике, курят, переговариваются и время от времени интересуются у своего гидрофониста, слышит ли он что-нибудь. Они знают, что лодка где-то здесь, под ними, но этого недостаточно. Чтобы потопить нас, они должны не только определить наше местоположение, по и попасть туда своими бомбами. Это не так просто, как кажется.

Между тем нам становится жарко. Воздух влажный и нечистый. Вытяжные вентиляторы не работают. Леденцы, которые мы так любим, расплавились в банке и превратились в сплошную массу. Настил на полу мокрый от стекающего пота.

Я тихо прохожу по отсекам и в общих чертах описываю всем сложившуюся ситуацию. Никто не пытается вести себя как киногерой. Никто не делает ставки на время и место очередного взрыва глубинной бомбы. Большинство членов экипажа смертельно устали и с трудом переносят жару. Они молчаливо сидят возле своих вентилей и рычагов и свято верят в командира. В освещенном торпедном отсеке матросы лежат на спине, устремив взгляд на изогнутый стальной подволок. Торпедисты отделены от остальных и представляют собой несколько обособленную группу. Я говорю им, что наверху небольшой противолодочный корабль, который, наверное, уже сбросил большую часть своих бомб. Эта новость никого не ободряет. Нет смысла морочить голову специалистам рядового и старшинского

состава, да им и не нужно мое ободрение. Я говорю то, что думаю, и оставляю их со своими мыслями. Возвращаюсь на тускло освещенный главный пост. Необходимо экономить электричество. Командир вышагивает взад и вперед, комкая рукой листок бумаги. Следим за ним с интересом: эта его привычка нам уже знакома и многое может сказать. Его пальцы комкают бумагу, разворачивают, снова комкают... Неожиданно бумажный шарик летит в темноту. Что дальше?

- Надо попытаться оторваться от дна, - говорит командир. - Если будем оставаться здесь долго, наш японский друг дождется подкрепления. Приготовиться к продувке цистерн главного балласта!

Воздух начинает заходить в балластную емкость и вытеснять воду. Лодка становится легче на несколько тонн, но остается на прежней глубине.

- Продувайте медленно четвертую. Продувайте шестую. Малый назад! Прекратить продувку. Черт!

Лодка по-прежнему лежит в грязном иле. Производим более энергичную продувку, и в конце концов лодка сдвигается с места. Противолодочного корабля не слышно. У нас появляется надежда, что он ушел с приливным течением.

- Оба двигателя средний вперед! - приказывает командир.

Лодка вздрагивает и идет вперед. Стрелки глубиномера дрожат. Всплываем медленно, но шума производим много. В этот момент японцы слышат нас. Они включают двигатели и на полной скорости идут к нам. Время 05.45. Прошло больше часа.

170 футов. Идем на малой скорости. Слышен свист винтов проходящего на поверхности противолодочного корабля. Секунды тянутся неимоверно долго. Остались у него бомбы или нет? Кажется, проходит целая вечность, прежде чем получаем ответ на этот вопрос. Вновь начинают взрываться бомбы. Разрывы быстро следуют один за другим. Раздается сильный грохот, и лодка вздрагивает, словно по корпусу бьют огромным молотом. Лампы мигают, и мы на время оказываемся в полной темноте. Дело принимает серьезный оборот. Лодка под углом движется в неизвестном направлении. Звенит компас, за ним пронзительно звучит сигнал тревоги. Вертикальный и горизонтальный рули перестают слушаться рулевых, которые отчаянно пытаются выровнять лодку. Все глубиномеры выходят из строя. Кто-то говорит, глубина четыреста футов, кто-то утверждает, что двадцать. Откуда-то из переплетения труб телеметрических приборов доносится свист - это вырывается внутрь лодки драгоценный сжатый воздух. Вот в чем причина сбоя системы! Прекратить этот чертов свист! Спотыкаясь в темноте, мы

пытаемся устранить неисправность и ликвидировать утечку, но свист продолжается.

Кажется, в машинном отсеке глубиномер исправен. Информацию оттуда матросы по цепочке передают к нам на главный пост. Через какое-то время включается аварийное освещение, и в конце концов выясняется, что можно поднять перископ. Между тем лодка по-прежнему находится под острым углом к горизонту, а настил очень скользкий. Механики молча бродят по лодке с фонарями и гаечными ключами.

- Поднять перископ, - приказывает командир. Он смотрит в окуляр и резко бросает: - Мы на поверхности. Орудие к бою. Продуть главный балласт. Пеленг врага сорок пять градусов левого борта. Всплываем!

Мы бежим к погребу боеприпасов, открываем его, и через минуту в уютной маленькой кают-компании уже царит полный кавардак. Открываются люки, мы вылезаем из лодки и гурьбой несемся к орудию. Солнечный свет на мгновение ослепляет, но мы быстро замечаем противолодочный корабль слева по носу. Слышны очереди его пулеметов. Через мгновение из ствола пушки японского судна вырывается пламя выстрела. Снаряд пролетает над нашими головами и падает в море далеко сзади, не причинив нам никакого вреда. Плохая стрельба. Быстро заряжаем пушку 4-дюймовыми снарядами и открываем огонь. Оба судна теперь идут параллельными курсами, обстреливая друг друга из всех видов оружия. Рулевое управление нашей лодки все еще не действует - приходится обходиться двигателями.

После темноты и духоты приятно оказаться на солнце и вдыхать свежий воздух. В бинокль я вижу, как носится по палубе японский орудийный расчет. Наши снаряды падают рядом с кораблем. Я пытаюсь корректировать стрельбу, но наводчики и так неплохо выполняют свою работу. Наши снаряды взрываются все ближе к японскому кораблю. Вражеская пушка замолкает - кажется, осколком зацепило кого-то из орудийного расчета. Японские артиллеристы исчезают в одном из люков, корабль разворачивается и начинает уходить.

- Выше двести. Поправка ноль! - звучит команда.

Корабль движется быстро, но не быстрее наших снарядов, один из которых попадает в его форштевень. В воздух поднимается черный гриб дыма. Враг горит.

Это попадание заставило их возобновить бой. Противолодочный корабль разворачивается и идет обратно. Его орудийный расчет вновь стал к пушке. Мы быстро меняем прицел, и наш снаряд попадает прямо в мостик, где стоят молодые самонадеянные офицеры. С этого момента бой для нас выигран.

Вражеский огонь становится беспорядочным, корабль начинает беспомощно рыскать. Наши артиллеристы действуют безупречно. Еще один снаряд попадает в самую середину корабля, другой уничтожает его пушку, третий взрывается в машинном отделении. Корабль останавливается. Остается лишь добить его.

Кажется, пилот японского гидросамолета с зеленым фюзеляжем и ярко-красными поплавками, который кружит над нами уже в течение трех минут, не понимает, что на самом деле здесь происходит. Тихое море и яркое солнце, должно быть, навеяли на него умиротворение, и он не подозревает о том, что внизу идет бой. Наверное, он думает, что идут учения. Блестящая серая глазурь корабля на синей воде, рядом - зеленый корпус нашей лодки, над которым спокойно парят птицы. В такой день не хочется вспоминать о войне.

Самолет совершает еще несколько кругов над районом боя, прежде чем пилот правильно оценивает ситуацию и направляется к нам. Но уже через три секунды мы исчезаем под водой, оставив на поверхности лишь зыбь от винтов. Две бомбы падают вдалеке от нас, но в это время лодка уже на глубине 60 футов, и мы приступаем к уборке помещений.

Недовольные тем, что нам помешали потопить противолодочный корабль, мы не торопимся уходить, а поднимаемся на перископную глубину, чтобы посмотреть, что происходит наверху. Корабль стоит там, где он стоял, гидросамолет кружит низко над водой. Со стороны берега видны мачты двух приближающихся вооруженных траулеров. Мы погрузились вовремя. На траулерах уверены, что наша лодка затонула. Пилот гидросамолета тоже уверен в этом. Весь оставшийся день траулеры обследуют район, бросают глубинные бомбы и тралят дно. Мы с запада наблюдаем за ними с улыбкой и медленно уходим на большие глубины. Всплываем, чтобы быстрее выйти из этого района, но через две минуты появляется еще один гидросамолет, и снова приходится погружаться. Через десять минут опять делаем попытку всплыть, и она оказывается успешной. Мы быстро уходим на север и погружаемся только через десять миль.

К этому времени лодка вновь послушно выполняет все наши команды. Ремонтные работы проведены быстро и методично. Мы'устало очищаем пол кают-компании от мусора, колпаков от снарядов и магазинов с патронами. Ко времени вечернего чая уборка заканчивается, и помещение обретает прежний вид. К чаю подают сардины. Дела идут на поправку.

Прошло несколько дней. Мы двигались на север к бирманскому городу Тавой мимо архипелага Мергуи. Как только

Малаккский пролив остался позади, погода улучшилась. Однажды мы заметили вдали огромное торговое судно, направляющееся в Рангун, несущее целый лес из мачт и стрел грузовых кранов. Гарри, обнаруживший его, сообщил, что видит на горизонте "судоверфь Барроу-ин-Фернесс". К сожалению, оно прошло за пределами досягаемости огня. По ночам с берега доносился сладковатый тошнотворный запах джунглей. Изредка появлялись огни жилищ, но большую часть времени пейзаж оставался пустынным. Близ берега сновало множество джонок, перевозивших грузы. До поры до времени мы их не трогали и с интересом наблюдали за разноцветными парусами. Джонки занимались законным бизнесом. Позднее Японское управление морских перевозок взяло владельцев лодок в оборот, заставив поставлять продовольствие и снаряжение для японской армии. Для этих целей были задействованы тысячи джонок, сотни из которых были потоплены нашей флотилией. Экипажи джонок наши моряки снимали с судна и высаживали где-нибудь на берег.

В это время на севере шли ожесточенные бои. В Тихом океане американцы захватывали остров за островом, чтобы подобраться поближе к Филиппинам и побережью Китая. Для них Дальний Восток был тем же, чем еще недавно для нас было Средиземноморье. В Бирме британская армия вела войну, по своему характеру и значению похожую на ту, которую вели союзники в Северной Африке. Впервые европейская армия била японцев на суше.

В лесах и джунглях британские войска и войска доминионов сражались рука об руку с китайцами и индусами. Это была интернациональная армия.

В какой-то степени мы были партизанами, поскольку действовали далеко за оборонительными рубежами противника, в самом его логове. Подводные лодки участвовали в открытых сражениях и действовали исподтишка: подкрадывались к противнику, наносили удар и скрывались под покровом ночи или в морских глубинах. Хотя мы тоже попадали в критические ситуации, наши усилия нельзя было сравнивать с суровыми буднями британских или австралийских солдат, воевавших в джунглях, которые не возвращались на отдых в Коломбо. У них не было уютной столовой, хорошей еды и вечернего бокала пива. В тысяче миль от своей ближайшей базы подводники располагали бытовыми удобствами и вели вполне нормальную жизнь. Мало кто из нас побывал в шкуре тех солдат. Закончив патрулирование, мы отправились обратно. Прошли мимо пустынных Никобарских островов, где не на чем было задержать взгляд. На поверхности вахтенный офицер, облокотившись на обугленные деревянные

части мостика, обозревал горизонт. Иногда плывущее вдали дерево можно было принять за большое торговое судно. Из-за таких миражей не раз объявляли ложную тревогу. Миновав острова, мы взяли курс на Коломбо и с крейсерской скоростью понеслись по ровной, зеркальной глади Индийского океана. Но даже сейчас нельзя было расслабляться. После суток перехода в 250 милях от Никобарских островов наблюдатели заметили приближающийся сзади самолет. Это был разведывательный бомбардировщик японских ВМС дальнего радиуса действия. Мы немедленно погрузились, и бомбы разорвались, не причинив лодке никакого вреда. Через час мы уже снова плывем на поверхности, но наблюдатели начеку. До Коломбо еще три дня пути. Три дня непрерывного плавания на запад, туда, где садится солнце. Три дня зигзагообразного движения по этой бесконечной синеве. Но время летит очень быстро, и у нас хватает терпения.

Глава 20

Гавань Тринкомали находится примерно в середине восточного побережья острова Цейлон. Это очень живописное, но пустынное место прозвали Скапа Флоу{11} Востока. Гавань была хорошо защищена от муссонов, и, так как в Коломбо теперь заходило слишком много торговых судов, Восточный флот начал перебираться в Тринкомали. Сама гавань представляла собой лишь якорную стоянку шириной три мили: суда не могли подойти к крошечным причалам у берега, на котором росли пальмы. Неподалеку среди деревьев стояла местная деревушка, а чуть дальше на север расположилась новая база британских ВМС. К западу от нее находились небольшой аэродром "Каталины" и аэродром "Сандерленды" ВВС, замаскированные так, что их невозможно разглядеть. Помимо этого здесь были длинные белые пляжи, глубокие пещеры, непроходимые джунгли и вечные склоняющиеся над водой пальмы. Многие из нас перебрались сюда с радостью, подальше от надоедливого начальства и суетливого Коломбо. Здесь мы ходили под парусами, купались, ловили рыбу и устраивали вечеринки в крошечных бунгало, которые построили офицеры инженерных войск из Кочина. Вскоре прибыли военнослужащие женской вспомогательной службы ВМС, которых разместили в комфортабельном каменном доме рядом с базой ВМС. В течение нескольких месяцев моряки флотилии подводных лодок жили здесь довольно вольготно, но позднее, когда сюда прибыл весь флот, стало слишком многолюдно и очарование этого места несколько померкло. Все же Тринко, как мы называли базу, был нашим домом, и мы любили его.

В свободное время экипаж лодки срывался и убегал на холмы,

чтобы насладиться пейзажем и подышать свежим воздухом. Матросы подолгу задерживались у плантаторов, которые были мастерами своего дела. Нам разрешалось брать увольнение в Коломбо, но мало у кого возникало такое желание, поскольку в путешествии на поезде мало приятного. Дороги были плохими, и, если нам удавалось поймать грузовик, длительная утомительная поездка портила весь отдых. Поэтому мы старались никуда не ездить и сами придумывали для себя развлечения.

Однажды в Тринкомали во второй половине дня мы взяли парусную шлюпку и вышли в море. Вода в гавани сверкала от ярких лучей солнца, плыть было одно удовольствие. В шлюпке, как обычно, лежал наш охотничий набор: винтовка 12-го калибра, автомат, пистолет и несколько небольших подводных зарядов. Эти заряды весили один фунт с четвертью, мы использовали их для охоты на черепах и ловли рыб. На одном из причалов нас ждали три девушки из женской вспомогательной службы ВМС. После того как они благополучно забрались в шлюпку, мы отплыли. Ветер дул с кормы, с носа летели брызги. В одной из небольших бухт мы подогнали шлюпку к берегу, искупались и приступили к вечернему чаепитию, состоявшему из джина, сока лайма и бутербродов с сардинами. У входа в бухту на причале ждал нас друг Питер. В закатном свете крыша из пальмовых листьев его бунгало была оранжевой. К тому времени, когда мы пришвартовали шлюпку и сошли на берег, уже начало темнеть. Приближалась ночь, но воздух оставался теплым. В тех местах всегда было тепло. Одежда нужна только для защиты от москитов.

У Питера на лице выражение довольства. Он неплохо порыбачил с помощью подрывных зарядов. На столе в его маленькой кухне лежат, поблескивая чешуей, семь крупных кефалей и пятнадцать желтохвостов. Мы выгружаем из сумки бутылки, включаем патефон, достаем игральные кости. За окном в воде в самом конце причала виден светящийся фосфором след какого-то ночного пловца. В бунгало тускло светят масляные лампы, слышен звон бокалов. Издалека доносится ритмичный барабанный бой. Это веселятся местные жители, прибывшие сюда с Малабарского берега. Низко над гаванью видны падающие огни возвращающегося из дозора самолета. Вдали мигает сигнальная лампа невидимого судна, патрулирующего в заливе у входа в гавань. Война продолжается. Тем временем мы потягиваем виски, которое горячит нашу кровь. Кто-то начинает медленный танец на деревянной террасе, слышен громкий смех играющих в кости. Мимо бунгало пробегает девушка в купальнике, который все еще светится фосфорическим светом.

Пора уходить. Питер вызвался подвезти нас на своем большом грузовике. Мы сидим в кузове, подпрыгиваем на ухабах и что-то напеваем. Такие ночи запоминаются надолго. Впоследствии, когда нас будут спрашивать, нравилось ли нам служить на подводной лодке, мы ответим, что нравилось. Но при этом будем иметь в виду не то время, в течение которого мы находились в море, а счастливые дни, проведенные на берегу - в Алжире, Бейруте, Порт-Саиде, Адене и Тринкомали. Мы с удовольствием вспомним острова Эгейского моря, залитое солнцем побережье Франции и заснеженные вершины Суматры. Гораздо реже будем мысленно возвращаться к тем редким моментам, когда мы дрались с врагом. Эти сражения блекли и изглаживались из памяти, словно кильватер судна. Они не оставляли глубоких следов в наших воспоминаниях.

Жизнь была полна резких контрастов. Еще несколько дней назад мы патрулировали в темных водах Малаккского пролива возле заросших джунглями островов, а уже сегодня загораем с друзьями на белом песчаном пляже или танцуем под звездами на открытой площадке нашей столовой. Такими были контрасты - свет и тень.

Спустя некоторое время вокруг нас сгустилась атмосфера таинственности, которая ощущалась во всем. Командир подолгу совещался наедине с мрачного вида военными, на лодку приносили подозрительные пакеты. Судя по всему, готовилась какая-то совместная операция, и, помня о печальном опыте с парнями из ВР и БО, мы не особенно радовались этому. Каждый день нас навещали армейские офицеры все более высокого ранга, их знаки отличия блестели все сильнее, оттенки беретов становились все ярче. Явно замышлялось что-то очень серьезное.

Несмотря на то что почти все на плавучей базе знали о предстоящей секретной операции, когда военные решили провести учения по высадке на берег, мы отплыли, соблюдая конспирацию, и стали на бочку в отдаленном уголке гавани. Группа высадки состояла из пяти офицеров, двух армейских сигнальщиков и шести индийцев. Работа была нелегкая. Груз, который они собирались взять с собой, весил 8 тысяч фунтов. Мы тренировались и спорили, часами отрабатывали способ выгрузки груза на вражеский берег. Работа была утомительной, но интересной, и в конце концов все трудности остались позади.

Наступил чудный вечер, когда наша лодка покидала гавань с пассажирами и грузом. До мола за нами следовало несколько яхт с друзьями, которые провожали нас. Плавучая база сигналами пожелала нам удачи. Корабль, охраняющий мол, лихо отсалютовал. Когда лодка повернула на восток, подул бриз с

моря, и сразу исчезла легкая грусть от расставания с друзьями. В кают-компании царило радостное оживление. За кормой садилось солнце. На розовом фоне неба вырисовывались очертания судов идущего с юга конвоя, которые везли грузы из Англии. Вскоре они исчезли из виду, и мы продолжали движение по бескрайним водным пространствам, отделяющим нас от врага. Было 15 декабря, до Рождества оставалось десять дней.

На рассвете 20 декабря мы погрузились, приблизились к заросшему джунглями берегу и стали ждать восхода солнца. Наши пассажиры уже давно встали и готовились к высадке: смазывали и чистили свои винтовки, пистолеты и ножи. В торпедном отсеке матросы собирали для них шлюпки. Эти складные шлюпки представляли собой модернизированную версию разборной байдарки мирных времен. Собирать их было довольно просто: нужно сильно надавить на днище, в результате чего появлялись нос и корма, и затем скрепить конструкцию скобой. Я опасался, что материал не выдержит напряжения, но все прошло гладко дерево и парусина выдержали испытание.

Резиновыми лодками занимался наш механик Монти, пропустивший предыдущее патрулирование в связи с приступом дизентерии. Ему помогал Гарри, который хотел реабилитироваться после неудачи во время высадки в Эгейском море. Я должен был стоять на мостике и отвечать за связь с берегом и за то, чтобы лодка не наскочила на скалы. Время "Ч" должно было наступить через девяносто минут после заката солнца. Мы вспомнили голливудские фильмы и сверили часы. Чернить лица ваксой было не обязательно, лица индийцев и так были достаточно темными, а что касается остальных, то, как разъяснил нам майор, остроглазые японцы все равно заметят белые ладони англичан, как это не раз случалось в джунглях Бирмы.

С помощью фотографий, сделанных летчиками ВВС, мы отыскали между скалами отлогий берег и выбрали ориентиры, которые могли пригодиться ночью. Прямо от песчаного берега поднимался склон заросшего лесом холма. Местность была совершенно неисследованной, и поэтому нехватка пресной воды и агрессивность туземных племен беспокоили майора куда больше, чем возможное столкновение с японцами. Тамошние туземцы охотились за скальпами, и их не интересовало, какого цвета будет трофей, белого или желтого. Вспомнив об отравленных стрелах, наши пассажиры принялись устанавливать прицелы своих длинноствольных пистолетов.

К счастью, погода была тихой. Легкие волны спокойно набегали на прибрежные рифы. Примерно в шести милях к северу

находилась небольшая деревушка, в которой мог быть расквартирован японский патруль. Однако потом выяснилось, что в этом районе располагались части индийской национальной армии Чандра Боса. Ведение боевых действий в джунглях не было ее сильной стороной.

В эту ночь мы организовали званый обед. Всем налили по бокалу пива, и командир произнес тост за успех наших гостей, которые с нетерпением ждали высадки и имели вид уверенных в себе людей. На пути из Тринкомали нашу лодку часто бомбили, и майор заявил, что предпочитает находиться в джунглях среди клещей и москитов. Он и его подчиненные считали нас немного чокнутыми за то, что мы добровольно соглашались проводить столько времени в этой тесной стальной трубе.

Мы вновь внимательно рассмотрели намеченный план действий. Командир отвечал за безопасность подводной лодки и руководил всей операцией. Майор с некоторым скептицизмом относился к нашей роли в этой операции, пока мы не убедили его в том, что японцы легко смогут положить конец нашей морской карьере, если захватят кого-нибудь из его команды. Тогда мы еще не знали, как обстоят дела на берегу. Договорились, что желтый флаг, вывешенный в условленном месте в определенное время, означает, что вокруг все чисто и опасности нет. Обговорив все возможные нюансы, участники операции легли, чтобы часок соснуть.

В ту ночь солнце зашло около 19.00. В 20.30 мы всплыли в пяти милях от берега, открыли носовой люк и вытащили две собранные шлюпки. Одновременно Монти и его помощники через орудийную башню достали резиновые лодки и вывели воздушный шланг. В качестве стапеля использовали специально по этому поводу изготовленный деревянный настил, который закрепили на корпусе лодки.

В то время когда еще собирали оставшиеся шлюпки, первую партию груза уже поднимали через люк и передавали в темноту. Все шло гладко. Монти вскоре сообщил, что несколько резиновых лодок надуты и готовы к спуску на воду. Их немедленно загрузили и принайтовили. В это время мы на мостике обнаружили, что не можем отыскать выбранное место высадки. За день лодку отнесло к северу, где наши тщательно подготовленные карты оказались непригодными. Лишь к полуночи мы наконец отыскали просвет в рифах и остановились в трехстах ярдах от берега. Нужно было действовать быстро. На рассвете нас мог заметить патруль, и операцию пришлось бы прекратить.

В 00.30 первые две шлюпки были уже на воде вместе с

экипажем, и наши матросы стали осторожно спускать на воду загруженные надувные лодки. Их связали и на шлюпках отбуксировали к берегу. По одному человеку с каждой шлюпки осталось на берегу, чтобы оттащить груз в джунгли. Остальные вернулись за следующей партией груза. Работа была изнурительной, но мы выполнили ее.

Когда занялся рассвет, военные перевезли на берег около четырех тысяч фунтов грузов. Майор, сидевший на последней шлюпке, бодро распрощался с нами и исчез в темноте. Мы смотрели ему вслед и пытались представить, каково будет майору и остальным в джунглях. Едва ли им удастся поспать. Нужно будет отыскать воду и выставить часовых.

На следующий день наша лодка направилась к берегу сразу после захода солнца. Заметив в условленном месте желтый флаг, мы стали разыскивать просвет в рифах, и вновь на это ушло около двух часов. Около 22.00 появилась шлюпка, с которой нам махал майор. Он был разозлен нашим опозданием и высказал все, что о нас думал. Наш командир, в свою очередь, предъявил обоснованные претензии к нему, и между ними возникла небольшая перепалка, которая быстро завершилась, так как началась работа. Вновь, как и прошлой ночью, надули шлюпки, загрузили их, спустили на воду и повезли к берегу. Все шло нормально, если не считать одного небольшого инцидента. Одна из шлюпок перевернулась, когда стоящему в ней индийцу подали тяжелую сумку с серебром. К счастью, его успели вытащить вместе с сумкой.

В конце концов майор успокоился и сообщил, что они нашли в лесу отличное место для лагеря, недалеко от которого, на вершине скалы, имелся родник. Японцев не видели, но зато заметили в лесу следы туземцев и несколько небольших кабанов. В целом место было безлюдным.

В эту ночь мы закончили разгрузку и покинули этот район в предрассветных сумерках. День 21 декабря был ясный и тихий. Прежде чем наша лодка успела погрузиться, из Коломбо пришло сообщение о том, что у западного побережья Суматры с самолета заметили судно, идущее на север. Нам было рекомендовано после завершения операции по высадке двигаться по направлению к Сабангу.

Вражеская военно-морская база Сабанг находилась на острове Пуло-Вех, расположенном у северо-западной оконечности Суматры, в хорошо защищенной внутренней гавани, являвшейся частью большого залива. Авиация британских ВМС уже продемонстрировала свою растущую мощь, когда самолеты, поднявшиеся с авианосца, нанесли неожиданный удар по этой

базе. Затем последовала целая серия ударов, потрясших врага.

К западу от острова Пуло-Вех имеется длинный узкий канал, по которому можно подойти к побережью Суматры. Изучив карту, мы решили занять позицию у северного конца этого канала.

25 декабря 1943 года. Рождество. Раннее серое утро. Прямо над нами нависли мрачные высокие горы. Наша лодка покачивается на волнах между скал. Когда немного рассвело, можно было разглядеть вдали деревья и строение, напоминающее разборный барак "Ниссен".

Вскоре после этого лодка погрузилась, и в самый разгар рождественского завтрака прозвучал сигнал: "Боевая тревога!" Большое судно, появившееся из дымки тумана, приближалось к гавани. Неожиданно для нас оно прошло по внешнему каналу. Мы на всех парах понеслись к заливу и устремились ему наперерез. Уже во внутренней гавани выяснилось, что судно сопровождает эсминец. Не теряя времени, мы выпустили по ним шесть торпед с ближней дистанции и стали ждать результатов. Судно развернулось и быстро стало уходить, в то время как эсминец понесся на нас и бросил огромную глубинную бомбу, взорвавшуюся в том месте, где мы были несколько минут назад. Потом воцарилась тишина.

В полдень мы провели рождественскую службу. На главном посту матросы стояли кругом и пели рождественские гимны. Над нами взад и вперед носился эсминец, за которым наблюдал дежурный офицер. Из его трубы валил дым. Он продолжал разыскивать нас даже тогда, когда мы находились уже в нескольких милях от него.

Помню, мне в тот день было интересно, знают ли японцы, что сегодня Рождество. Матросы продолжали петь гимны, а я вспомнил дом и маленькую церковь, где слушал эти мелодии, исполняемые на небольшом органе. Рождество 1942 года мы встречали возле мыса Нордкап, Рождество 1943-го - у Сабанга. Интересно, где встретим Рождество 1944 года?

Так как снаряжение военных заняло все свободное место, запасных торпед не было. Мы решили закончить патрулирование. Лодка исправно служила уже в течение четырнадцати месяцев, и весной, если ничего не случится, она должна была вернуться в Англию для переоборудования. А тогда мы вернулись в Тринко, но через несколько дней направились в Коломбо для постановки в док.

Вскоре после кратковременного ремонта мы отправились в Зондский пролив и прошли вдоль всего западного побережья острова Суматра. Большую часть времени находились на поверхности, огибая маленькие острова, встречавшиеся на пути.

Вдалеке на фоне ясного неба высились горы Суматры, некоторые из них были видны за сотню миль. В районе города Сиболга мы потопили буксир и две нефтеналивные баржи. На следующую ночь обнаружили дрейфующую баржу, из кормовой постройки которой доносилось пение на одном из местных диалектов. Ее тоже пришлось потопить. Мы не вели войну с малайцами и яванцами, а только топили их суда, если они помогали японцам.

Японцы знали, что наша лодка находится в районе Паданга, но не пытались напасть. Флотилия крепла, наши подводные лодки все чаще беспокоили японцев в Малаккском заливе и других местах. Палубная авиация наносила удары по нефтяным базам в Палембанге. В Бирме британские войска перешли в решительное наступление. Пожалуй, впервые японцы стали оглядываться вокруг в поисках истощившихся резервов. Они хорошо знали, что больше не дождутся помощи из Японии. Впервые их обуял страх. Они поняли, что возмездие неотвратимо. С каждым днем петля все туже затягивалась на их желтых шеях.

Наша жизнь на базе в Тринкомали была окрашена романтикой. Само место чрезвычайно живописно. Его очарование не могло ускользнуть даже от взгляда дежурного офицера, докуривающего последнюю сигарету на мостике подводной лодки. С плавучей базы доносились звуки красивой музыки, весело светились огни бунгало, вдали вырисовывались темные очертания боевых кораблей и авианосцев. Когда выдавался свободный вечер, мы выносили на шканцы нашей плавучей гостиницы патефон и бутылку виски, и начинался концерт по заявкам. В воздухе плыли мелодии Сибелиуса, Гершвина, Баха, Штрауса, Дебюсси. Ночи были теплыми. Слушая музыку и глядя на звезды, мы засыпали. Рано утром вскакивали и бежали купаться на пляж.

В столовой с крышей из пальмовых листьев часто устраивали танцы. Мы танцевали в белой форме, а наши очаровательные партнерши из женской вспомогательной службы ВМС в своих вечерних платьях. Они двигались с грацией, которой могли позавидовать жительницы любой столицы мира. Когда музыканты заканчивали играть, веселье не прекращалось. Мы с партнершами сбрасывали обувь и неслись наперегонки по пляжу мимо лодок местных жителей. Длинные шлейфы девушек волочились по белому песку.

Мы понимали, что нам посчастливилось служить в райском уголке. Еды хватало, много дешевых сигарет и вин. Гавань хорошо охранялась и была недоступна для врага. Наших матросов не смущало отсутствие ночного освещения и организованных развлечений. Они поднимались на холмы, общались с местными

жителями и возвращались бодрыми, с просветленными взглядами и желанием ходить под парусами и купаться, устраивать пикники и танцы, в общем, радоваться жизни.

Мы немного переоценивали свою роль в той войне. Наверное, такое преувеличение своей значимости свойственно любым воинским подразделениям, действующим самостоятельно, но иногда мне казалось, что подводники в Тринкомали чрезмерно заносчивы. Конечно, мы общались и иногда даже проводили время вместе с представителями других родов войск, но в целом держались обособленно. Из всего контингента базы в те дни, по сути, только мы периодически прощались с Тринко и исчезали на три-четыре недели. Нас не могло не радовать то, что информация о наших достижениях часто попадала в официальные сводки. Как я уже заметил, боевые действия на море связаны с сухопутными операциями, и у нас не было повода считать, что мы ведем собственную войну.

С другой стороны, английская печать упорно игнорировала события, происходящие в Бирме. Это задевало за живое участников боевых действий. Они не заслуживали подобного безразличия. Конечно, по большому счету солдату безразлично, пишут о нем в газетах или нет, но сознание того, что ты участвуешь во второразрядной войне, к которой ни у кого нет интереса, действовало деморализующе. В конце концов солдаты забытой армии стали отправлять на родину письма, полные негодования. Тогда о войне в Бирме вспомнили все газеты. Появились многочисленные статьи с цитатами из солдатских писем, хотя публикаций, касающихся собственно боевых действий, по-прежнему почти не было. Английскую публику интересовали не бирманские события, а возникший вокруг них скандал.

Подводникам в этом отношении повезло больше. Наши скромные успехи неизменно фигурировали в сообщениях информационных агентств и придавали романтический ореол, когда мы возвращались в гавань с развевающимся на ветру "Веселым Роджером". На берегу нам прощали многие прегрешения. В море, сражаясь с эсминцами, моряки помнили, что впереди их ждет двухнедельный отдых в гавани плюс десятидневный отпуск, положенный после каждого боевого патрулирования. Подводникам предоставляли дополнительное питание и фруктовые соки. Еще одним преимуществом было то, что подводные лодки самое большее через каждые восемнадцать месяцев должны были возвращаться в Англию для переоборудования, в то время как линейные корабли и крейсера оставались в строю по два-три года. Тем временем война

набирала обороты. В Европе готовилось вторжение на материк. Адмирал Маунтбеттен терпеливо ожидал подкрепления.

Бомбардировщики "B-24" начали бомбить Сингапур, Пинанг и Рангун. Истребители дальнего радиуса действия уничтожали хорошо замаскированные каботажные суда у Андаманских островов, которые перевозили продовольствие и боеприпасы для японской армии. Флотилия авианосцев становилась все более внушительной. Парк авиации ВМС пополнился новым истребителем "корсар". Одна британская флотилия подводных лодок покинула Тринкомали и отправилась в Австралию, чтобы препятствовать морским перевозкам в Яванском море. Штаб в Канди руководил действиями союзных сил на вражеской территории. Постепенно японцы сдавали свои позиции в регионе.

Активно работала разведка. Вот только пленных было мало. Армия подбирала раненых японцев в Бирме, подводники снимали яванцев и малайцев с джонок и привозили в штаб для допроса, но сведений все равно не хватало.

В начале марта мы снова вышли в море, где воздух был свеж и прохладен. Андаманские острова нельзя назвать курортом. Даже в мирное время суда редко заходили в естественную гавань Порт-Блэра. В этом городе находилась индийская штрафная колония, которую охранял японский гарнизон. Пожалуй, других развлечений, кроме охоты, здесь не было. Японцы освободили заключенных и заставили их гнуть спину за жалкий паек. Некоторые из индийцев присоединились к армии Чандра Боса, остальные трудились в японских лагерях.

С моря Порт-Блэр казался обезлюдевшим. Гавань была глубокой, узкие заливы далеко вдавались в сушу, исчезая среди зеленых холмов. Небольшой остров Росс, на котором находилась большая часть административных зданий, заслонял от нас значительную часть города. На доме губернатора развевался флаг Японии. Каждое утро над внутренней якорной стоянкой в воздух поднимался дым. Мы наблюдали и ждали, но ничего не происходило. С аэродрома, что находился недалеко от города, регулярно взлетали истребители и бомбардировщики, но нас это мало беспокоило. Изо дня в день мы проходили вдоль минного поля у входа в гавань, а по ночам выходили в открытое море, всплывали и заряжали батареи. Все это начало нам надоедать.

Единственным, что возбуждало в нас интерес, был небольшой паром, раз в два дня приплывавший с севера. Он приходил утром и уходил вечером. Этот паром напоминал речной пароход, какие мы часто видела на Темзе. Как-то раз командир, соскучившийся по настоящему делу, принял решение взять это судно на абордаж и посмотреть, нет ли на нем японцев.

Есть несколько причин, по которым корабли берут на абордаж. Можно атаковать и захватить большой пароход, чтобы заполучить трофеи или ценную информацию. Можно брать на абордаж небольшие суда, чтобы затем топить их с помощью подрывного заряда и экономить тем самым дорогие снаряды. И наконец, можно взять на абордаж речной паром просто потому, что вам нечем себя занять.

Был быстро разработан план действий. Когда паром подойдет, мы всплывем непосредственно перед ним и, угрожая немедленным уничтожением, заставим остановиться. Двое из наших матросов дреками подтянут судно к корпусу лодки, так чтобы оно оказалось между нами и берегом, где находятся наблюдатели. После этого мы вместе со своим трофеем уйдем в море и спокойно займемся его изучением. Абордажная команда будет вооружена револьверами, автоматами, гранатами и подрывными зарядами. Составив план, мы принялись чистить оружие, и кают-компания стала походить на логово какого-нибудь опасного гангстера. В этот раз на борту лодки находился капитан военной разведки, который отправился с нами в поход, чтобы помочь при необходимости разыскать оставшихся в джунглях майора и его группу. Этот капитан стремился в бой и поэтому был назначен командиром абордажной команды. Эту должность мы всегда оставляли для пассажиров.

На следующий день паром пришел точно по расписанию. Наша лодка под водой направилась к нему, но оказалось, что скорость его слишком велика. В конце концов пришлось всплыть и преследовать паром на поверхности. Чтобы судно остановилось, мы произвели несколько выстрелов из пушки. Первый же снаряд разнес в щепки небольшой гальюн на корме, остальные упали рядом. Паром остановился. Мы подплыли к нему, наши матросы ловко зацепили его дреками, абордажная команда приготовилась перейти на паром, но ее опередили восемнадцать индийцев, которые соскочили на корпус лодки. Они вели себя миролюбиво. Что-то лопотали на непонятном языке, указывали одной рукой на паром, а пальцами другой проводили себе по горлу. На пароме явно находились японцы. Абордажная команда должна была снять японский флаг с небольшой мачты, но его сдуло ветром и нигде не было видно.

Дальнейшее происходило быстро. В тот момент когда наши люди начали всходить на борт парома, один из дреков сорвался. Паром развернулся и стал поперек нашей кормы. Слева по борту мы вдруг увидели приближающуюся к нам шлюпку, которую, очевидно, паром тянул на буксире. В ней было два человека. Один из них, китаец, энергично работал веслами, а впереди сидел

холеный японский офицер. Мы обомлели от неожиданности, но уже через секунду все имевшееся у нас оружие было наведено на японца. Вот он, наш пленник.

Японец неожиданно низко склонился над бортом шлюпки, в его приоткрытом рту блеснули белые зубы. Одну руку, в которой что-то было, он прижал к своему животу, словно собирался сделать себе харакири. Мы внимательно следили за ним. На его запястье видны золотые часы, черные волосы над плоским желтым лбом аккуратно причесаны. Один из наших матросов наклонился, чтобы схватиться за борт шлюпки, которая была уже совсем рядом, но в этот миг японец бросился на китайца, нанес резкий удар ножом и прыгнул в воду. Не дожидаясь приказа, наши стрелки открыли огонь по черной голове, как только она показалась на поверхности, и через мгновение в том месте осталось лишь большое кровавое пятно. Мы не сумели взять пленника.

За несколько минут ситуация резко изменилась. Когда наша абордажная команда уже находилась на пароме, в его машинном отделении кто-то дал полный ход, и второй дрек с треском отлетел и упал в воду. Паром понесся в сторону гавани Порт-Блэра, из трубы валил дым. На его палубе наши матросы схватились за рулевое устройство, пытаясь вернуть судно назад. Индийцы окружили меня тесной толпой. Один из них немного говорил на английском. "Японцы - плохо, японцы - плохо", - повторял он и снова проводил пальцем по своему горлу. Но мне было не до него. Мы находились все-, го лишь в двух милях от входа в гавань, и в любую минуту могли появиться самолеты или противолодочные корабли. Между тем паром с нашей абордажной командой на борту двигался по кругу в сотне ярдов от лодки.

Если бы я не знал, что в 6000 ярдах к юго-западу стоит батарея 6-дюймовых корабельных орудий, эта ситуация могла бы здорово меня позабавить. Суматоха, царившая на обоих судах, не могла не вызвать у нас улыбку, но в тот момент мной владел страх. В течение пяти минут картина оставалась неизменной. На поверхности воды подводная лодка, на ней толпа улыбающихся и переговаривающихся между собой индийцев. На некотором расстоянии от лодки описывает круги речной паром с подводниками, вцепившимися в рулевое управление. Чуть дальше в синеватой дымке трепещущий на ветру японский флаг на одном из зданий острова Росс. Создавалось впечатление, что японцы после обеда улеглись спать.

В конце концов паром выровнялся и направился к нам. Почти в это же время мы заметили поднявшийся в небо самолет. Нужно

было торопиться. Как только паром ткнулся носом в лодку и матросы спрыгнули на нее, командир нажал на ревун, дав сигнал о погружении. Члены абордажной команды побили все рекорды скорости, когда неслись к мостику. Последний из них прыгнул в люк, когда лодка уже уходила вниз. Индийцы, не успевшие забраться на паром, остались барахтаться в воде. Бомбы, сброшенные с самолета, упали, когда мы были на глубине 30 футов, и лодку изрядно тряхнуло.

Мы решили ночью атаковать Порт-Блэр и остров Росс. Вид развевающегося над островом японского флага действовал нам на нервы.

Вечер. На столе в кают-компании разложена карта гавани и порта. Черными квадратиками на сером фоне обозначены здания и портовые сооружения. Их немного, но карта старая, и японцы наверняка уже построили много других.

Рисуем на карте маленький круг. В этом месте будет находиться паша лодка, когда мы откроем огонь. Расстояние до цели две мили. Измерим его с помощью радара. А что луна? Штурман смотрит в свои записи. Луна взойдет ровно в одиннадцать и осветит берег. Мы рискуем быть замеченными на лунной дорожке. При стрельбе применим боеприпасы, не вызывающие вспышку. Враг может подумать, что начался воздушный налет. Такое уже случалось. Час "Ч" начнется в полночь.

Ночь ясная и тихая, но остров и побережье окутаны легким туманом. Возможно, ветер с суши разгонит его позже. В десять часов в репродукторе раздается голос командира: "Внимание. Говорит командир. Сегодня в полночь лодка приблизится к гавани на расстояние в две мили для артиллерийского обстрела. Это связано с определенным риском. Возможно, японцы ожидают атаки. Хочу предупредить наблюдателей, что они не должны сосредоточивать свое внимание только на суше. В море могут находиться вражеские сторожевые корабли. Мы должны обнаружить их раньше, чем они нас. Мне понадобятся радар и гидролокатор. Места по боевому расписанию занимать в 23.30. Это все".

Полночь. Я стою у орудия и смотрю вперед. Над островом по-прежнему висит белый от лунного света туман. Опираюсь локтем на темный прохладный 4-дюймовый ствол пушки. Наводчики пытаются рассмотреть цель через телескопические прицелы. Дальность уже установлена. Позади нас на мостике штурман отдает отрывистые команды. Медленно, на электромоторах лодка приближается к месту, отмеченному на карте кружком.

Ствол орудия поворачивается. Теперь уже видна цель. Новые

здания выступают на фоне неба. 4000 ярдов. Мы на месте.

- Товсь! Огонь! - звучит команда.

Раздается выстрел, сопровождающийся слабой вспышкой. В воздухе появляется запах кордита. Я смотрю в бинокль и вижу крошечную точку разрыва на берегу. Недолет.

- Выше четыреста. Огонь! - слышим мы.

Теперь снаряды падают куда надо - на вершину холма, где стоит здание с японским флагом.

Выпускаем шестьдесят снарядов, и командир отдает приказ прекратить огонь. Двигатели оживают, лодка разворачивается и, набирая скорость, уходит в море. Через пятнадцать минут стоящая на берегу батарея 6-дюймовых орудий открывает огонь. В темноте видны далекие вспышки выстрелов. Считая секунды, мы ожидаем появления снарядов, но ничего не происходит. Должно быть, японские артиллеристы стреляли не целясь.

Мы еще несколько дней патрулировали в этом безлюдном районе. В плохую погоду, когда солнце скрывалось за тучами, эти острова казались серыми и мрачными. Но в ясные дни наше душевное состояние менялось к лучшему, и земли эти уже представлялись нам вполне симпатичными и даже приветливыми. Глядя на них, многие из нас вспоминали сельские районы Англии, поросшие вереском земли Инвернессшира и утесы Корнуолла с их зелеными вершинами. Вид островов вызывал у нас ужасную ностальгию.

Война в этих местах шла неравномерно, рывками. Какая-нибудь небольшая бухта, помеченная лишь штрихом на нашей карте, в течение многих недель могла оставаться пустынной и заброшенной. Потом в одно прекрасное утро в ней становилось на якорь вражеское судно, появлялись противолодочные корабли, в небе кружили самолеты, на берег высаживались наблюдатели. За день тихое место превращалось во враждебное и опасное, грозящее большими неприятностями нашим подводным лодкам. Война в море меняла свое местоположение быстро, внезапно и неслышно.

В конце марта мы двинулись на юг и сбросили несколько надежных мин в мелководье, где проходили суда из Сингапура. Затем повернулись и по поверхности понеслись обратно в Сабанг. Была ночь, на обратном пути мы не встретили ни одного судна. Это была удачная вылазка.

Прежде чем вернуться на базу, разыскали на берегу майора с его группой и оставили им кое-какие припасы, в том числе несколько банок флотского рома. К тому времени майор совершенно зарос бородой, но сохранял присутствие духа. Он подарил нам лук и стрелы, которые позаимствовал у туземцев, и

три причудливо разукрашенных кабаньих черепа.

Лишь во время последнего патрулирования мы наконец смогли взять в плен японца.

Для того чтобы потопить даже небольшое судно, иногда приходилось затрачивать массу усилий. Допустим, агент разведки или пилот самолета обнаруживает вражеское судно. Немедленно всем посылают донесение об обнаружении противника. В штабе ВМС сотрудники разведки и офицеры начинают решать, как лучше потопить это судно. Если оно находится не слишком далеко, они могут послать для его уничтожения бомбардировщик.

Однажды захваченный в море молодой малаец рассказал, что в порт Тавоя должно зайти судно, чтобы загрузить партию авиационных двигателей и перевезти ее в Сингапур. В то же время один из агентов сообщил, что в тавойском порту сгружают с грузовиков какие-то подозрительные ящики. Это не могло быть совпадением. Картина начинала обретать реальные очертания. В воздух поднялись самолеты-разведчики, и в конце концов судно обнаружили.

Оно медленно двигалось с юга, по пути заходя в небольшие порты в районе Пинанга. Одна из наших субмарин заметила цель, но атаковать не смогла, так как расстояние оказалось слишком большим. Нам было приказано направиться в район Тавоя и ждать там. Сигнал о выступлении пришел вечером. Во время обеда телеграфист принес несколько зашифрованных сообщений. В одном из них говорилось о времени и месте, где будет задействована наша авиация. Другое предупреждало, что в одном из районов замечена активизация противолодочных сил. Телеграмма с пометкой "Срочно" содержала приказ, согласно которому мы должны были немедленно направляться в точку "В". Этого было достаточно. Мы знали, что потом поступят другие приказы. Торпедисты сразу принялись осматривать и готовить к пуску торпеды, артиллеристы занялись пушкой. Ночью наша лодка пошла вдоль побережья с таким расчетом, чтобы к утру прибыть в точку "В". Операция началась.

Рано утром поступило еще одно сообщение, извещающее о том, что на рассвете 16-го должно произойти что-то очень интересное. Теперь мы знали время и место предполагаемой встречи с судном. На базе ВМС в Коломбо внимательно наблюдали за его курсом. Были известны скорость и примерное время прибытия судна в Тавой. Офицеры базы сделали все, что от них зависело, и спокойно отправились в плавательный бассейн, доверив остальное нам.

Перед рассветом мы подходим к группе островов недалеко от бирманского побережья. Когда море спокойное, небольшие

темные островки можно легко принять за суда. Выручает в таких случаях то, что они неподвижны. Между островами видны паруса джонок, улавливающие легкий утренний бриз.

Терпеливо ждем наступления рассвета и появления врага. В воздухе ощущается приторный запах джунглей и впадающей в море реки. Над водой медленно летают черные птицы. Начинает светать, и становится заметно, что паруса джонок красного и белого цвета. Воздух свеж и прохладен, но это здесь в море и только по утрам. В деревнях на берегу всегда стоит духота.

В десять часов вдали появляется небольшое идущее на север судно. До него пять миль, оно с большой скоростью движется близко от берега. Если мы хотим его настичь, нужно выступать немедленно. Эскорта не видно, но в любой момент из-за горизонта может появиться противолодочный корабль. Командир быстро принимает решение, мы всплываем и на всех парах мчимся по тихой желтоватой воде. Члены орудийного расчета, окружившие пушку, жмурясь от солнца, следят за небом. Могут появиться самолеты. Расстояние 8000 ярдов.

Враг не замечает нас и спокойно продолжает путь. Видно, как бурлит вода от вращающихся лопастей его винта. Над грот-мачтой развевается японский флаг. Наша лодка подошла близко к берегу, вокруг из воды выступают небольшие скалы. Штурман старается изо всех сил, чтобы не наскочить на одну из них. Расстояние - 7000 ярдов. Прямо за кормой грузового корабля замечаем небольшое судно.

- Внимание, - кричит командир, - в любую минуту я могу отдать приказ о погружении!

К счастью, второе судно - это всего лишь идущий на буксире баркас. Все нормально.

Артиллеристы открывают огонь, когда до судна остается две мили. Первый снаряд взрывается рядом с судном, оно разворачивается и несется к берегу. Мы быстро посылаем еще три снаряда, и один из них попадает в машинное отделение в кормовой части судна. Теперь нас разделяет всего одна миля, и мы продолжаем интенсивный обстрел. В носовой части судна стоит пушка, но она молчит. На нашей орудийной платформе валяется множество снарядных гильз, отражающих солнечный свет. Дым от горящего вражеского судна стелется над водой, словно туман. Острова, ночью казавшиеся черными, в свете дня позеленели. В небе парят морские птицы. День чудесный. Грузовое судно вдруг поворачивается, описывает круг и идет к нам. Сквозь дыры в борту видно адское пламя, полыхающее в машинном отделении, вырывающееся из широкой дымовой трубы. Дым от горящего топлива столбом поднимается в небо.

Маленький баркас одиноко стоит в стороне. Осколок снаряда разрезал буксирный трос.

Эти японцы были храбрыми парнями. Несмотря на сильный пожар, они остались на своих местах, развернули судно и пошли на нас со скоростью 10 узлов. Мы посылали в них снаряд за снарядом прямой наводкой, но судно упорно продолжало двигаться. Когда до столкновения оставалось 400 ярдов, его машины потеряли тягу и оно остановилось. Мы развернулись, подошли к нему сбоку и принялись дырявить вдоль ватерлинии. Через три минуты судно перевернулось, пустив в небо облако пара, и исчезло. На поверхности воды остались лишь несколько обломков и пятнадцать человек, плывущих к баркасу.

Мы остановились и стали бросать плывущим канаты, заглядывая в их смуглые лица. Некоторые из них были ранены и истекали кровью. Лица многих от страха посинели. Среди уцелевших оказалось шесть японцев. Они старались уплыть от лодки и не замечали наших канатов. Один из них, скрестив руки на груди, камнем пошел ко дну. Когда мы попытались приблизиться к японцам, двое нырнули прямо под винты лодки, и вода над ними сделалась красной от крови. Другие японцы начали убивать малайцев, которых мы хотели спасти. Они доказали, что до конца верны бусидо.

Между тем нам удалось поднять на борт шесть малайцев. Большинство из них были ранены осколками в руки и ноги. Когда они спускались в лодку, раздался крик, и мы увидели плывущего к нам маленького японца, оставляющего на воде кровавый след. Он звал нас своим тонким слабеющим голоском. За ним на плоту гнались его кровожадные товарищи. Мы махали ему руками и подбадривали криками. Когда моряк приблизился, мы втащили его на борт и немедленно стали уплывать. Его сородичи что-то визгливо кричали нам вслед.

Через некоторое время появился вражеский самолет. Сделав над баркасом несколько кругов, он стал уходить к берегу. Победа осталась за нами.

Все пленники чувствовали себя плохо. Японец что-то лепетал на своем и кланялся, когда главный старшина наложил повязку на его рану. Пленников положили в торпедном отсеке. Один из них мог объясняться на английском и рассказал, что японцы начали расстреливать малайцев и китайцев, как только мы открыли огонь. До того момента они думали, что перед ними японская подлодка. Пленники показывали нам свои синяки и следы от ударов плетки, оставшиеся на их смуглых плечах.

В ту ночь мы направили разведчикам сообщение о том, что захватили языка. По дороге японцу стало плохо. Мы перевязали

его раны и дали лекарства. Из Коломбо нам навстречу направили несколько мотоботов с врачом и переводчиком. Мы встретились с ними посреди Индийского океана. Мотоботы развернулись, разбрасывая куски пены во все стороны, и остановились. Через несколько минут подошли шлюпки с визитерами, которые спустились в лодку и стали заниматься пленными.

На следующий день наша лодка вошла в гавань Тринкомали. Помню, я стоял на мостике, ощущая кожей тепло солнца. В гавани расположился Восточный флот, серые громады кораблей на синей воде. Возможно, у меня разыгралось воображение, но мне показалось, что пальмы стали зеленее, а паруса яхт белее, чем прежде. Солнце светило ярче, и день казался чудесным, потому что мы завершили последнее патрулирование и через десять дней должны отправиться в Англию. Еще несколько дней назад родина была очень далеко от нас, теперь же казалось, она совсем рядом.

Глава 21

Восстанавливая в памяти события того последнего боя, я прихожу к мысли, что в стремлении достичь согласия с противником гораздо больше красоты и величия, чем в победе над ним.

Вернувшись в Европу, мы обнаружили, что у военных моряков нет прежнего энтузиазма и желания воевать. Победа теперь была не целью, а вопросом времени. У экипажей военных кораблей, встретившихся нам на пути домой, не было прежней решимости и уверенности. Каждый из них чувствовал себя частицей огромной структуры и понимал, что от усилий одного человека мало что зависит.

Аден. Суэц. Порт-Саид. Мальта. Гибралтар. Клайд. Эти названия ассоциировались у меня с гвоздями, вгоняемыми в крышку гроба врага. Война подходила к концу.

Было немного грустно и в то же время чрезвычайно приятно возвращаться в мир, где нет темноты джунглей. Англия еще подвергалась ракетным атакам, кое-где действовали концентрационные лагеря, но в Европе подобные вещи не могли продолжаться долго. Другое дело - Восток. Менталитет японцев, сформировавшийся во времена самураев, засел глубоко в их подсознании, и, как ни старались реформаторы, его тяжело было изменить.

Европа встретила нас радушно. Англия. Мы вошли в залив Клайд, когда вереск стал темно-лиловым, а рябина только начинала краснеть. Когда прошли боновое заграждение и двигатели притихли, появилось странное чувство, как будто все, через что мы прошли, было сном и мы никуда отсюда не уезжали. Над перископом взметнулось что-то белое - это подняли вымпел

окончания кампании. Рядом развевался на ветру "Веселый Роджер". Последний поворот и прямо по курсу старая плавучая база, слегка покачивающаяся на приливной волне. Я снимаю бинокль с шеи и вешаю его на переговорную трубу - печальный и в то же время триумфальный завершающий жест. Лодка слегка дрожит, двигаясь к пирсу задним ходом.

Глава 22

Очень медленно опустился занавес, отделивший нас от войны. Долгожданное переоборудование проводили на небольшой верфи в Труне. Экипаж лодки сократился и разделился. Сама лодка, одинокая и безжизненная, стояла в сухом доке. Ремонтные работы велись вяло, док часто пустовал. Порт Антверпена только что открыли для судов союзников, поэтому пользовались спросом железнодорожные паромы и десантные суда, которые старались вводить в строй в первую очередь. Мы изнывали от скуки в местной гостинице, иногда, когда появлялось желание, шли на судоверфь. Там имелся разборный барак "Ниссен", в котором у нас был небольшой кабинет. На столе лежала толстая тетрадь с перечнем дефектов лодки. Ее никто не открывал. Настоящая работа началась только на исходе лета. Нам предстояло провести в доке два-три месяца.

Думаю, в таких условиях падение морального состояния экипажа неизбежно. С другой стороны, оно явилось предостережением и предвестником того, что может произойти, когда война закончится. Нет больше общей цели и чувства единения. Офицеры и матросы разделились. Их трудно было убедить, что необходимо продолжать работать и собирать лодку для другого экипажа, который поведет ее в море. Теперь приходилось вспоминать дисциплинарный устав ВМС, который был не нужен во время нахождения в составе регулярного флота. Персонал базы не любил подводников и относился к нам как к проказливым мальчишкам. Дела шли все хуже и хуже.

Было очевидно, что подводная лодка, эта бездушная машина из стали, дерева и меди, каким-то чудесным образом сплачивала нас. Теперь, когда ее оголили и выпотрошили, наш коллектив развалился, словно дом, у которого нет фундамента. Наши матросы уходили в отпуск и возвращались. Многие из них хотели устроиться на новую лодку и начать все сначала. Однако теперь у них было гораздо меньше возможностей, чем два года назад. Война в Европе входила в завершающую стадию. Большие субмарины еще посылали в Тихий океан. Лодки малых размеров обречены были на прозябание в учебных флотилиях. Наша звезда снова начала меркнуть.

Переоборудование проводилось под неусыпным контролем

старшего механика. Большую часть времени он проводил в лодке и в офисах фирмы-подрядчика. Трудностей у него было предостаточно. Оборудование, которое посылали для ремонта и замены, терялось в пути или возвращалось с большой задержкой, его часто повреждали. Фирма отказывалась нести ответственность за утерянное и испорченное оборудование, мотивируя это тем, что не все механизмы были включены в сопроводительные списки. У нас имелись свои поводы для недовольства. Во-первых, опять бастовали рабочие судоверфи. Во-вторых, непрестанно лил дождь, и на телеграфном столбе висел русский флаг. Бар гостиницы стал тем местом, где мы могли на время забыть о всех проблемах и заглушить уныние наигранным весельем.

Сидеть в затоне, сознавая, что где-то в море идет война, - занятие не из приятных. Нам осточертела гражданская бюрократическая волокита. Стимула работать не было, горизонты сузились до предела. Жизнь превратилась в непрерывную борьбу с самим собой, сопровождаемую смутной надеждой, что еще одна рюмка виски исправит положение. Напрасная иллюзия.

К концу сентября в доке осталась лишь половина прежнего экипажа. Остальных заменили. Из наших офицеров только трое продолжали трудиться в лодке, которую скоро должны были покинуть. Наши идеи в течение двух лет помогали нам выдерживать испытания и наносить существенный урон врагу. В целом мы воевали довольно успешно. Поэтому больно смотреть, как из лодки постепенно уходит то, что создавалось нашими руками, уступая место новому, чужому. Если не считать названия, сохранившегося на боевой рубке, мы теперь работали в совершенно новом судне. Та лодка в течение длительного времени была нашим домом, и, подобно человеку, стоящему перед домом, в котором он провел детство, мы с грустью взирали на подводную лодку в сухом доке. Однако толку от этих чувств не было. Нужно идти в офис и решать проблемы, связанные с батареями большой емкости и кондиционированием воздуха.

Холодным октябрьским утром я сидел и слушал, как по жестяной крыше барабанит дождь. Бочка с пивом уже почти пуста. Близился полдень, но в офисе все еще горел свет. Время от времени с моря доносились гудки судов. Эти резкие, вибрирующие звуки раздражали, заставляли поворачивать голову к электрокамину и искать успокоения в красном свечении его спиралей.

На столе передо мной лежали рапорты постоянного представителя ВМС с описанием проступков, допущенных членами экипажа лодки. Теперь они должны понести заслуженное

наказание. Я еще раз просмотрел, что им вменялось в вину. "Был пьян". "Неряшливо одет". "Не отдал честь". И так далее. "Суета сует", - подумал я и уже хотел допить остатки пива, когда зазвонил телефон и далекий голос сказал:

- Вы хотите отправиться на Дальний Восток?

Я посмотрел через окно на мокрые груды мусора в верфи, на серое небо, на не защищенную от ветра гавань. Перевел взгляд на бумаги с рапортами. "Был пьян". "Неряшливо одет".

- Когда? - спросил я.

- Немедленно.

- Я поеду.

На другом конце раздался смешок.

- Хорошо. Иного я и не ожидал.

Я встал, надел штормовку и вышел из барака под ливень. С лодки ручьями стекала вода. Дно дока представляло собой одну огромную маслянистую лужу, в которой плавали доски, стружки и мусор. Русский флаг зловеще затрепетал под порывом ветра с моря. Неожиданно я почувствовал прилив радости. Теперь перспективы представлялись блестящими, и прошлое не сковывало меня своими ржавыми цепями.

В эту ночь впервые за несколько месяцев виски подействовало на меня так, как должно действовать спиртное. Моя душа, освобожденная от оков, устремилась ввысь.

Глава 23

Из Портсмута в Тринкомали.

В военно-морской верфи Портсмута темно и холодно. Зимний туман покрывает выстроившиеся в гавани суда, вода почти не отражает свет. Мы приближаемся к середине фарватера, где виднеются темные очертания эсминца. Маш катер до отказа забит людьми и багажом. Впереди нас ждут теплые края, и, хотя сейчас из наших ртов идет пар, глаза уже немного щурятся в предвкушении скорой встречи с жарким солнцем.

Один за другим взбираемся на борт эсминца и идем по тонкой палубе, которая дрожит под ногами, потому что внизу, в машинном отделении, уже вращаются вентиляторы и работают парогенераторы. После подводной лодки это судно кажется мне огромным, над палубными надстройками взметнулась к небу черная дымовая труба. Раздвигаются занавески, и мы оказываемся в светлой, теплой и уютной кают-компании. Немедленно забываем о тех трудных часах, проведенных в казарме в ожидании вызова, когда нервничали при каждом стуке в дверь. Теперь мы на борту судна, где от нас ничего не будут требовать. Лично я, хотя и являюсь специалистом, во время этого плавания буду только есть, спать и любоваться природой. Мне известно, что нам

предстоит безостановочный переход в Коломбо в составе эскорта авианосца, который срочно понадобился в Ост-Индии. При благоприятной погоде будем идти со скоростью 25 узлов. Снимаемся с бочки незадолго до полуночи. Слышно, как шуршит вода, разрезаемая носом судна. Из дымовой трубы вылетают искры. Эсминец качается и кренится, словно яхта, когда мы сворачиваем в Ла-Манш. Судно идет по воде удивительно бесшумно, но постоянно ощущается слабое дрожание - свидетельство огромной мощности и веса. На рассвете мы уже в открытом море. Легкий западный ветерок рябит зеленую морскую гладь. С правого борта в тумане исчезают берега Англии. Появившаяся легкая грусть быстро проходит, когда вспоминаем дождливый Трун.

Район южнее Мальты. Проводим учебную торпедную атаку авианосца. Судно бесшумно скользит по залитой звездным светом воде, делает большой круг и идет к месту, где должен находиться "враг". Другой эсминец создал впереди дымовую завесу. Мы входим в нее и на время слепнем. Командир опасается, что на выходе можем протаранить своих друзей. Напряжение растет. С авианосца в нашу сторону стреляют осветительными снарядами. Наконец мы выходим из дыма и видим цель слева по носу. Разворачиваемся и делаем холостой выстрел. Враг открывает огонь.

- Создать дымовую завесу! - звучит приказ.

Дымовая труба, похожая на внушительный монумент, выбрасывает в воздух облако густого черного дыма, который кружит и стелется над кильватерным следом. Вспыхивают наши боевые огни. Зрелище впечатляющее, хотя и несколько странное. Успокаивает мысль, что мне не придется ходить на эсминце и участвовать в подобных учениях всю оставшуюся жизнь.

Завтрак в столовой. За бортом ровные желтые берега Суэцкого канала. Несколько египетских солдат даже не поворачивают голову в нашу сторону. Белая скатерть блестит в солнечных лучах, проникающих сквозь открытые иллюминаторы. Порт-Саид мы прошли не останавливаясь. Матросы печальными взглядами провожали "Казино-Палас", заведение, где можно заказать отменный напиток под названием "Страдающий ублюдок". Но теперь все это осталось позади, и мы продолжаем следовать за авианосцем в сторону Горьких озер.

Появившийся с блюдом стюард неожиданно падает. Тарелки, стаканы, чашки, ложки - все слетает со стола и врезается в переборку. Я оказываюсь на полу. Сильная вибрация сотрясает судно. Все вскакивают и выбегают на палубу. Так и есть - сели на мель. Нос судна застрял в песке. Нам еще повезло. Несколько

футов правее или левее - и эсминец наскочил бы на камни. Двигателям дают задний ход, судно медленно идет назад, и мы продолжаем путь. Солнце заходит. Подходим к Суэцу и бросаем якорь. В гавани напротив темных холмов стоит линейный корабль без экипажа. Он получил повреждения во время переоборудования, когда обрушился сухой док, в котором он стоял. Поскольку через канал вести его нельзя, решается вопрос о том, чтобы он прошел другим путем, мимо мыса Доброй Надежды. Наступает ночь.

Ночь в Суэце. Мы заходим во французский клуб, чтобы пообедать, и в несколько других клубов, чтобы выпить. Повеселев, придумываем себе чудную игру под названием "Операция "Свистни". Идея состоит в том, чтобы набрать как можно больше вещей, относящихся к Суэцу, чтобы потом продемонстрировать их в кают-компании. Карманы наши наполняются пепельницами, свернутыми афишами, дорожными знаками и прочей чепухой.

Замечаем египетский флаг, развевающийся на крыше почты. Уже довольно темно. На небе светят яркие звезды. Мы обследуем здание почты и обнаруживаем тонкую дренажную трубу, которая ведет на крышу. Я с товарищем залезаю по ней.

Плоская крыша почты покрыта пылью. Флаг висит на невысоком белом шесте. Веревка для его подъема обмотана вокруг планки. Прохожие останавливаются и смотрят в нашу сторону. Собирается небольшая толпа. Мы быстро снимаем зеленый флаг, бросаем его товарищам и по трубе спускаемся вниз. Все вместе перелезаем через высокую стену и по темным переулкам бежим в сторону гавани. Топот шагов преследователей скоро затихает.

На рассвете отплываем. Следующая остановка - Коломбо. Скорость - 25 узлов. Прощай, Суэц. Мы стоим на палубе и смотрим на исчезающий в дымке город.

Заправка топливом в море. Скорость - 15 узлов. Авианосец нависает над нами как гора. Два судна разделяют всего несколько футов, вода между ними бурлит и пенится. Море нельзя назвать спокойным. Узкая труба, по которой насос гонит топливо в наши баки, пульсирует. Мы поднимаемся на волне, в то время как авианосец оседает. Труба растягивается, словно проволока, делаясь все тоньше и тоньше, и неожиданно рвется. Струя черного топлива ударяет в палубу эсминца. Мы сворачиваем в сторону. Вспыхивает сигнальная лампа. Нам дан приказ идти в Аден для заправки и вернуться как можно скорее.

Это плавание в конце концов закончилось. Мы вошли в гавань Коломбо, залитую жаркими лучами солнца. Отсюда до расположения флотилии подводных лодок всего ночь пути. Я

сошел на берег и сел на ночной поезд. Все вокруг было знакомым, и мне казалось, что я никуда не уезжал. Поезд промчался сквозь ночь, и на рассвете показалась зеленая гавань Тринкомали. Старая плавучая база стояла там же. За время моего отсутствия ничего не изменилось.

Через две недели флотилия направилась к берегам Западной Австралии.

Глава 24

Когда в Северной Африке шли бои, перемещению экипажей подводных лодок придавали первостепенное значение, и мы частенько летали самолетами. Это был период расцвета для подводного флота. На борту самолетов, летящих из Англии на Мальту и с Мальты в Александрию, почти всегда можно было встретить усталого вида молодых людей, направляющихся в одну из флотилий подводных лодок. В Тихом океане ситуация была иной. Конечно, дистанции там огромные и авиация использовалась весьма активно, но отношение к нам было уже другим.

Случилось так, что мне из Австралии нужно было добраться до Филиппин. Билетов на самолет не оказалось, войсковые транспорты в том направлении не ходили, и меня в качестве пассажира взяли на борт подводной лодки, направлявшейся в залив Субик через Сиамский залив, в котором ей предстояло провести целый месяц.

Холодный вечер. Мы готовимся к отплытию. Над небольшой гаванью горят огни, но причал вдалеке погружен во мрак. Светятся бортовые иллюминаторы плавучей базы, и нам с мостика лодки видно, что происходит внутри. Открылся бар. Моряки подходят к стойке, берут бокалы, выпивают и о чем-то мирно беседуют. Хорошо им там в тепле. Ветер рябит воду, хлещет стальной корпус лодки. Мы смотрим на запад, где в открытом море нас ждут мрак и холод. Начинается дождь. На деревянном причале съежившиеся фигурки провожающих. Им хочется, чтобы мы поскорее отплыли. Появляется командир. В темную воду падают канаты - последнее, что связывало нас с землей.

На электромоторах по узкому каналу идем в море. Как обычно, с плавучей базы нам сигналами желают счастливого пути. Мы поворачиваемся носом к тусклому горизонту, а кормой к свету. Дождь не стихает. Вскоре огни гавани скрываются в тумане. В течение некоторого времени еще видно слабое мерцание, которое в конце концов исчезает, и мы остаемся одни.

Чувство одиночества усиливалось сознанием того, что между Пертом и Бали нет ни одного другого судна. В этот пустынный

район океана редко заплывали корабли. Если у побережья еще можно встретить небольшие суда австралийских ВМС, направляющиеся в Дарвин, то в открытом море никого, кроме нас, не было.

В тысяче миль к северу от австралийского портового города Фримантл есть залив под названием Эксмаут, где нам предстояло пополнить запас топлива. Мы вошли в этот залив на рассвете.

Темные берега постепенно окрашиваются в золотистый цвет. В предрассветных сумерках эти высокие холмы кажутся гораздо более привлекательными, чем в свете дня, когда видны одни лишь песок и камень. Вода в заливе зеленая и спокойная. Небо над горизонтом, где поднимается солнце, цвета латуни. Желтоватая дымка скрывает детали местности, отчетливо виден лишь ее рельеф.

Роль заправщика выполняло американское спасательное судно. Оно прибыло сюда, для того чтобы вызволить из беды танкер водоизмещением 1300 тонн, который последним тайфуном был отброшен на 300 ярдов от моря. На берегу ничего не было, если не считать нескольких лачуг. Песок искрился, отражая солнечный свет и нагревая воздух в заливе. К полудню жара становилась невыносимой. Однако наши американцы мужественно переносили испытания и упорно продолжали рыть канал к выброшенному на берег танкеру. "Жара и тяжелый труд нас не пугают, - заявили они. - Плохо то, что сюда не доходят письма".

Вечером мы попрощались с ними и вышли из залива. Свет маяка, мигавшего с мыса Норт-Уэст-Кейп, вскоре скрылся в тумане.

Первое препятствие на пути в Сиамский залив могло ожидать нас в проливе Ломбок. Этот пролив, хотя и был в несколько миль шириной, имел дурную славу. Он являлся входом в Яванское море, и его охраняли вражеские суда, поджидавшие противника в тени гор острова Бали.

Мы решили преодолеть пролив под покровом ночи. Весь день наблюдали за небом и молили Бога, чтобы он отвел от нас гидросамолеты. Сторожевым катерам трудно обнаружить подводную лодку, если их не предупредят о ее приближении. Пролив бурлил сильными приливными течениями и водоворотами. Погружение в таких условиях связано с риском: лодка может уйти под воду слишком глубоко или вообще не погрузиться. Мы не собирались погружаться на протяжении ближайших семи миль и таким образом лишались своего главного преимущества. Нам предстояло совершить довольно опасный переход.

Нам удалось незаметно подойти к проливу, расположенному во впадине между горами. На карте он казался очень узким. Начинали сгущаться сумерки. Волны поблескивали в лучах заходящего солнца. Мы планировали пройти пролив за полтора часа, что отделяли заход солнца от восхода луны. Но и в это время не следовало рассчитывать на полную темноту. В этих тропических морях солнечный свет неохотно покидает западное небо.

Из штаба ВМС сообщили, что в западной оконечности острова Бали находится вражеская радиолокационная станция, поэтому мы двигались очень медленно и осторожно. Солнце зашло в семь. В восемь мы увеличили скорость и вошли в пролив. Лодка сразу завибрировала от приливного течения. Море осталось за кормой, слева и справа по носу были видны темные берега. Стоя на мостике, мы поглаживали стальную лодку, как гладит жокей свою лошадь перед решающим заездом.

В проливе нас встретила мощная приливная волна. Впереди в синеватых сумерках все пространство покрыто длинными белыми бурунами, которые вздымались и обрушивались на скалистые берега. Лодка вздрагивала и медленно продвигалась вперед. Мы внимательно всматривались в темноту.

Луна взошла, когда лодка преодолела только половину пути. В ее появлении было нечто зловещее: она гигантским желтым прожектором высветила ночь. Ближе и отчетливее стали утесы острова Бали, белые скалы и темные заросли. Мелькающие тени вызывали обман зрения: в эту ночь я увидел сотню вражеских патрульных судов.

Когда мы наконец успокоились, то поняли, что, кроме нас, здесь никого нет. Если на востоке у скал и ходили небольшие суда, то им до нас не было никакого дела.

К 21.30, преодолев сильнейший прилив, мы вышли на открытую воду. Вдали, где-то возле берега, замигал огонек. Это могло быть все, что угодно: костер, сигнальная лампа, сигарета или масляная лампа на джонке, то вспыхивающая, то затухающая от колыханий паруса.

Мы должны были соблюдать осторожность и быть начеку. Огни острова Бали вскоре остались за кормой. Взошедшая луна плыла среди коричневых облаков. Море было желтовато-серым. Дальние берега просматривались довольно отчетливо, на востоке больше не видно густых теней. На мостике прохладно. Наблюдатели внимательно всматривались в даль. На главном посту сидя дремал орудийный расчет в защитных очках с синими стеклами.

Все вздохнули с облегчением, когда пролив Ломбок остался

позади. Впереди блестела в лунном свете бескрайняя гладь Яванского моря. Мы без труда могли спрятаться на его просторах. Моря и проливы, заливы и бухты, большие глубины и мелководье - вот что было нашей привычной средой, сферой деятельности. Тут же, рядом, днем и ночью ходили японские суда.

Лодка отошла от пролива на милю, когда кто-то сказал:

- Посмотрите, нас преследует какое-то судно.

Действительно появился сторожевой катер, но он прошел в стороне и исчез в синей дымке. Японцы не заметили нас. Можно сказать, нам здорово повезло. Впереди теперь было чисто. Мы замедлили ход и направились на север. На рассвете, когда горизонт на востоке позолотился, а светло-зеленое небо сулило жаркий день, лодка погрузилась под воду, оставив в одиночестве следовавших за нами птиц.

В первый же день в Яванском море нам встретился небольшой конвой, состоящий из двух торговых и двух эскортных судов, направлявшийся на восток, скорее всего к острову Борнео. Мы поплыли под водой, рядом с конвоем, намереваясь атаковать его. Поверхность воды была зеленоватой и ровной, как стекло, - не лучшие условия для атаки. Тем не менее мы сделали торпедный залп, погрузились на двести футов и стали ждать.

Можно было представить, что происходило в тот момент наверху. Востроглазые японские наблюдатели, скорее всего, заметили наши торпеды, и конвой теперь пытался избежать столкновения с ними. Раздавались визг рулей и возбужденные крики японцев. По следу торпед эскортные суда могли приблизиться к нам и бросить наугад несколько глубинных бомб.

Должно быть, именно так все и было. Мы услышали звуки разрывов в стороне. Суда сопровождения некоторое время носились у нас над головой и затем ушли на север. Очень осторожно мы поднялись на перископную глубину и осмотрели поверхность моря. Оказалось, конвой нашел убежище среди группы островов. Эскортные корабли патрулировали воды перед ними. Мы дождались вечера, приблизились и пригляделись повнимательнее. Отсюда были видны мачты торговых судов. Сопровождающие эсминцы находились рядом, хотя теперь выглядели не так агрессивно.

На закате мы были в двух милях от этих островов. Не уверен, что у нас имелся какой-то конкретный план, но ясно было, что мы должны попытаться обнаружить и потопить вражеский конвой. Наступила ночь. В темно-зеленом небе ярко сверкали звезды. Вдали проступали темные очертания островов. Мы тихо всплыли и встали наблюдать.

К несчастью, на эсминцах имелись какие-то очень чувствительные радары, от сигналов которых не могли спасти темнота и тишина. Японцы обнаружили нас, вероятно, сразу, как только подлодка всплыла. Помню, черная громада эсминца неслась на нас, а мы оставались на месте, надеясь, что он нас не видит, а просто лавирует. Эсминец приближался, из его дымовой трубы вырывались искры. Командир опустил бинокль, он больше не нужен. Противник приближался к нам со стороны кормы. Мы ждали, затаив дыхание.

Японцы открыли огонь из пушки. Когда раздались глухие хлопки и над нашими головами пронеслись синие трассирующие снаряды, командир бросил:

- Пора нам уходить отсюда.

И мы быстро и тихо погрузились в теплую темную воду. На поверхности остался только белый круг от наших винтов, который тоже вскоре исчез.

Вражеский эсминец сбросил несколько глубинных бомб и спокойно кружил над нами. Японцы не торопились. Вероятно, они собирались продержать нас под водой до рассвета и дождаться подкрепления. Они знали, что наши батареи скоро сядут. Мы израсходовали много электричества, когда преследовали конвой, и теперь двигались на одном моторе. Заряда батарей оставалось часа на два.

Передо мной лежала карта. К северу от нас находился остров, а на юго-западе - мелководье. Впереди открытая вода и пролив Каримата, через который мы должны были пройти на пути в Бангкок. Но до этих мест еще далеко, а сейчас мы ползли со скоростью полтора узла.

Около десяти часов решили подняться на перископную глубину и осмотреться. К этому времени луна должна быть высоко в небе. Звуков вражеских судов не было слышно, но это ни о чем не говорило. Очень медленно и осторожно мы приблизились к поверхности. Командир следил за показаниями глубиномера. В целях экономии выключили все освещение. Горели только компасные лампы рулевого и зеленые лампочки работающих приборов. В этой темноте и духоте мы чувствовали себя не очень уютно.

Командир поднял перископ и увидел вражеский эсминец, который стоял прямо на лунной дорожке и ждал нашего появления. Капитан эсминца был опытным моряком. Возможно, раньше сам служил подводником. Во всяком случае, он понимал, что сбрасывать наугад глубинные бомбы не имеет смысла и что таким образом подводную лодку едва ли потопишь. Заряд наших батарей иссякал. Через полчаса мы все равно должны были

всплывать.

Мы быстро всплыли, включили двигатели и понеслись на запад. Радар врага немедленно обнаружил нас, и эсминец погнался за нами. Гонка началась.

Было что-то нелепое в этой ночной гонке. Небольшую британскую субмарину в Яванском море преследовал старый японский эсминец. Мы представляли, как капитан эсминца клянет в машинном отделении старшего механика, а радист передает сообщение о ходе преследования в штаб японских ВМС в Сингапуре. Искры лавиной вырывались из дымовой трубы эсминца и поднимались в небо. Если поблизости находился местный рыбак, он, должно быть, с открытым ртом наблюдал за происходящим.

Постепенно японское судно стало нас настигать. Двигатели лодки работали в полную силу, но тех 14 узлов, что она могла развить, было явно недостаточно. Мы погрузились, свернули направо и через какое-то время опустились еще глубже. Дальнейшее можно было легко предугадать. Враг, как водится, сбросил пару глубинных бомб и остановился в том месте, где мы погрузились. Ситуация становилась менее нелепой.

Неподалеку находился небольшой остров. Не помню его названия, знаю только, что он располагался восточнее архипелага Каримон. Мы медленно направились к этому острову с намерением укрыться за ним от японского радара. Эта игра в догонялки порядком надоела. Жара в лодке была невыносимой. Мы еще не ужинали. Привычный распорядок жизни нарушен.

Снова поднялись на перископную глубину. Враг находился примерно в двух милях от нас. На севере виден остров и его заросли. Поверхность моря покрыта белыми бурунами. Нужно уходить и заряжать батареи. Весь экипаж знал об этом. Погружение было связано с серьезным риском, однако командир выглядел беззаботно, как будто нам предстояла веселая прогулка.

Примерно в полночь мы всплыли рядом с островом и пошли вдоль берега. Следующие десять минут тянулись очень долго, но в конце концов подлодка обогнула остров и оказалась на другой стороне. Моряки вздохнули с облегчением, и повар поинтересовался, можно ли подавать холодный ужин. Все уже успокоились, и перспективы стали казаться вполне радужными, когда впереди неожиданно появилось неизвестное судно. Наша лодка сразу остановилась, и то судно стало. Какое-то время мы продолжали стоять и наблюдать друг за другом, словно два пса, Готовящихся к схватке. Затем судно вдруг исчезло, словно растворилось в воздухе. Позднее, обсуждая это странное исчезновение, мы пришли к выводу, что это была американская подлодка, охотившаяся за тем небольшим японским конвоем, и выразили надежду, что она не столкнется с поджидавшим нас эсминцем.

Ужинать сели в час ночи. Еда была скромной: сыр, хлеб, соленья. Штурман сорвал листок с календаря в кают-компании. Закончился еще один день.

Мы находимся между островами Ява и Борнео. Идем на север. Погода хорошая, море спокойное, настроение соответствующее. В этих открытых водах большую часть дня проводим на поверхности. На мостике довольно жарко. Покрытое рябью море светится тысячами искр. Из выхлопной трубы вырываются облачка дыма и уносятся на легком ветру. Я смотрю на часы. Впереди еще час дежурства, целый час наблюдения за залитым

лучами солнца небом. Над головой оно бледно-голубое. Вдали над островами висят белые облака, образовавшиеся из влаги джунглей.

Я на мостике один. Наблюдатели оседлали стойки перископов и подставляют свою нежную белую кожу солнечным лучам. Ночью, мучаясь от ожогов, они будут сожалеть об этом.

Слышу какой-то шум, поворачиваюсь и вижу черную голову вылезающего из люка штурмана. На бледном лице Мориса трехдневная щетина. Он улыбается и достает крошечный микрофон, приспособленный для передачи приказов с мостика, и водонепроницаемое оборудование. Не прекращая наблюдения за морем, я поглядываю за его работой. Мы перебрасываемся несколькими словами о том, что на мостике очень жарко и что на следующий день должны достигнуть пролива Каримата.

Наши уши привыкли к приглушенному гудению двигателей и шелесту воды, ударяющейся о корпус лодки. Возможно, эта жара притупила наши чувства. В воздухе появляется странный звук. С удивлением смотрим друг на друга и одновременно поднимаем глаза к небу. Звук переходит в рев, и мы видим несущийся на нас со стороны солнца японский гидросамолет. Сначала он бесшумно планировал и вот теперь включил двигатели.

- Самолет! - кричу я во все горло.

Морис и наблюдатели мгновенно исчезают. Я поворачиваюсь, чтобы отдать приказ о погружении, и в этот момент вижу, как от блестящего синего фюзеляжа самолета отрываются две небольшие бомбы. Время несется стремительно. Я ясно вижу самолет, совершающий вираж в паре миль от нас, красные круги на его крыльях и понимаю, что эти бомбы упадут вдалеке от лодки. Пора погружаться. Стоя возле люка, выкрикиваю приказ в переговорную трубу. В этот миг я уже не помню о бомбах. Они взрываются в стороне и обдают меня фонтаном брызг. Запрыгиваю в люк, и через мгновение лодка начинает уходить под воду.

Пост вахтенного офицера давал мне определенные преимущества перед остальными. Прибыв на главный пост, я застал там всех в смятении. Морис и наблюдатели, спустившиеся сюда немедленно, решили, что мы уже погружаемся, и один из них машинально перекрыл переговорную трубу раньше, чем я успел передать в нее приказ. Командир задал им короткий вопрос и начал погружение, не нажимая на ревун. Когда раздались взрывы, многие из экипажа мирно спали или писали письма. Только когда мы находились уже глубоко под водой, информация о произошедшем начала распространяться по лодке. Но даже теперь один лишь вахтенный офицер знал точно о происшедшем.

Вид падающих бомб вселил в меня уверенность, что непосредственная опасность нам не грозит. Еще мне пришло в голову, что эти самолеты способны нести только две бомбы и повторной атаки можно не бояться. Наблюдателей и меня обеспокоило лишь то, как японский самолет сумел подкрасться к нам так незаметно, применив известный трюк с планированием при отключенных двигателях. Из-за этого случая я на целую неделю лишился самоуверенности.

Ночью наша лодка достигла южного конца пролива Каримата. Над темным островом Борнео поднималась луна. Легкий ветерок утих. Мы двигались в душной темноте, вдыхая сладковатый запах. Вода была похожа на черную патоку. На востоке из-за горизонта выглянула яркая звезда, видимо планета. Сияя красными и зелеными отливами, она начала свое восхождение на небосвод.

Всегда приятно было прибыть в район патрулирования и заняться привычным делом: ночью на поверхности моря заряжать батареи, днем скрываться в теплой зеленой воде, время от времени всплывать на перископную глубину, чтобы провести желанное, но скоротечное наблюдение.

Сиамский залив оказался мелководным. У берегов взад и вперед сновали маленькие джонки, а дальше, на больших глубинах, затаились американские подлодки. Эти современные быстроходные и большие субмарины были заполнены коробками с мороженым, кока-колой и ореховой пастой. Видимо, для торпед и снарядов тоже нашлось место, поскольку в течение второго года тихоокеанской войны они смогли потопить сотни японских судов, что сыграло немаловажную роль в крахе Японии.

Мы медленно движемся вдоль серовато-зеленого дрожащего берега. В дымке появляются, исчезают и вновь появляются заросшие лесом острова. Горячий воздух создает мираж: одна из джонок раздваивается, и две половинки начинают трепетать, словно крылья бабочки. Слева по носу находится поселок Кота-Бхару, представляющий собой скопление коричневых бараков. У берега над серебряной водой высятся мачты. Мы находимся в двух милях от него. Мелководье не позволяет приблизиться к берегу под водой. Внимание вахтенного офицера привлекли два покрытых кустарником острова, движущиеся со скоростью 5 узлов. Над одним из них поднимается синеватый дымок.

Старый трюк. Японцы большие любители камуфляжа и могут за короткое время превратить линейный корабль в лесистый участок суши. Вызывают командира. Тот наносит на карту курс и скорость замаскированных каботажных судов и приказывает:

- Приготовиться! Орудие к бою!

Мы срываемся с места, открываем нижний люк орудийной башни, достаем из погреба боеприпасов бризантные снаряды.

Лица членов экипажа выглядели довольными. До сих пор чаще всего мы сами являлись объектом атаки и преследования и теперь понимаем, что нужно брать инициативу в свои руки. Снаряды образуют аккуратный штабель, предохранительные колпаки взрывателей разбросаны на липком полу. Очень душно. Лодка поворачивается к берегу, мы занимаем свои места. Прильнув глазами к окуляру перископа, командир называет первоначальную дальность и азимут. Все готово к бою.

- Всплытие! - звучит команда.

Сжатый воздух с шумом начинает заполнять цистерны, включаются двигатели. Лодка несется вверх и, словно играющая рыба, выскакивает на залитую солнечными лучами поверхность моря. Ствол заряженного орудия медленно поворачивается.

- Огонь!

Японцы застигнуты врасплох. Пытаются лавировать, но у них плохо получается. Центр тяжести судов слишком высокий. Мы несемся к ним вдоль торчащих из воды высоких реек, оставленных рыбаками. Солнце припекает, небо ярко-золотистое. Наш первый снаряд поднимает в воздух столб воды и песка. Мелководье. Одно из судов развернулось и идет к берегу. Следующий снаряд попадает в его корму. Видна вспышка пламени, в воздух летят куски камуфляжного дерева, вьется черный дымок.

Мы следим за боем и одновременно наблюдаем за берегом, поселком и горизонтом, где синеют далекие горы. Место очень живописное, но жара ухудшает видимость.

Второе судно пытается оказывать сопротивление, с палубы открывают огонь из пулемета. Красные трассирующие пули пролетают над нашими головами, ударяют в мостик. Лодка уже довольно близко к вражеским судам и берегу. Вода здесь зеленовато-белая. Со второго судна начинает стрелять пушка, но мы попадаем первыми. В небо взвивается пламя и целый фонтан брызг. Мостик раскалился от солнечных лучей. Голоса орудийного расчета слышатся как бы издалека, из другого измерения.

Когда снаряды противника начинают ложиться ближе, мы разворачиваемся и даем по нему последний залп. Почти одновременно в небе появляется японский гидросамолет. На берегу услышали стрельбу и хотят знать, что происходит.

- Прекратить огонь! - приказывает командир.

Пора уходить. До глубокой воды около 500 ярдов. Пока мы не можем погружаться и беззащитны перед воздушной атакой. Но

наши двигатели ревут, и лодка послушно идет полным ходом. Гидросамолет приближается медленно, подпрыгивая на воздушных слоях, словно на ухабах. Разозленные тем, что нам помешали закончить дело, мы спускаемся на главный пост. Звучит сигнал погружения. Через десять секунд взрываются две бомбы, но слишком далеко от цели. Нас они не беспокоят.

Немного позднее поднимаем перископ. Я смотрю в окуляр, вижу землю, горы и кружащий над морем самолет. Над горящим судном, нашей второй целью, поднимаются клубы дыма. Это очень приятное зрелище. День подходит к концу. В итоге в приход можем записать подбитое каботажное судно, а в графу расходов - сорок снарядов и одну форменную рубашку, оставленную на мостике во время погружения. Неплохо. Могло быть хуже.

В эту ночь, стоя на мостике, я особенно остро ощутил одиночество и оторванность от мира. Не было никаких огней, кроме мерцающих звезд, и теней, кроме отражения нашей лодки в воде. Во все стороны простиралась вдаль бесконечная морская гладь. Когда я спустился на обед, меня поразил донесшийся из радиоприемника спокойный женский голос, произнесший: "Би-би-си передает программу для военнослужащих". Мне он показался голосом с другой планеты.

На следующий день враг попытался перехватить инициативу. В то время как мы спокойно шли на север по направлению к Бангкоку, японцы собрали группу судов и послали в море конвой, который, по-видимому, должен был привлечь наше внимание и спровоцировать на атаку. Они часто использовали суда в качестве приманки в надежде, что мы клюнем на нее и тем самым обнаружим себя. Эта уловка была не нова, но в этот раз, кажется, отчасти оправдалась. Два каботажных судна в сопровождении трех противолодочных кораблей, дымя трубами, шли с северо-запада. Как только мы заметили их в туманной дымке и услышали в наушниках гидрофона шум двигателей, решили, что такую добычу упускать нельзя, и быстро заняли места по боевому расписанию. Лодка двигалась бесшумно в тихой воде между воткнутыми в дно рейками. К западу и востоку от нас была земля: она делилась и колебалась в горячих потоках воздуха. Над морем с безразличным видом кружили птицы.

Мы начали атаку на глубине 9 фатомов, или 54 фута. Глубина недостаточная, но лодки не видно, и это было главным в тот момент. Надеясь, что наш перископ примут за одну из рыбацких реек, мы уверенно направились к цели, к более крупному каботажному судну. Командир в перископ наблюдал за тем, что происходит наверху, и сообщал нам: "Небольшой зигзаг.

Азимут такой-то. Дальность такая-то. Один из противолодочных кораблей рядом". Когда подлодка находились примерно в тысяче ярдов от цели, первый противолодочный корабль обнаружил нас и сменил курс. Командир выругался и сказал:

- Он приближается. Опустить перископ. Пятьдесят футов. Лево на борт!

Мы следили за показаниями глубиномера и ждали.

- Приближается с левого борта для атаки, - сообщил гидрофонист.

Через минуту, показавшуюся нам очень долгой, послышался шум двигался корабля. Сначала он был приглушенным, чуть слышным, и вдруг отчетливо прозвучал прямо над нашими головами, с пугающей отчетливостью сквозь стальной корпус донесся до нас свист его винтов. Казалось, можно различить звуки работы разных механизмов корабля.

Я стоял в проходе между кают-компанией и главным постом. Громко тикали переборочные часы. Мне показалось, что минутная стрелка застыла. Он не сбросит сейчас бомбу, думал я, не должен.

И вдруг рядом с лодкой раздались взрывы, заставившие тяжелую субмарину подпрыгнуть, словно поплавок. Все попадали. Слышен был звон разбивающейся посуды и свист вырывающегося откуда-то сжатого воздуха. Прямо над моей головой отскочил в сторону бортовой клапан, и струя воды с шипением стала заливать пол. Лампы замигали, но продолжали гореть. Из разных отсеков поступали доклады о незначительных повреждениях. Едва придя в себя, мы принялись за работу.

Повар заткнул пальцем отверстие, откуда била вода. Из-под шкафа в кают-компании со свистом выходил сжатый воздух. Мы ползали с фонарями на карачках по полу, пытаясь отыскать утечку, но нам это долго не удавалось. В конце концов выяснили, что место утечки находится рядом с предохранителями главной батареи. Первый, кто сунулся туда, вылетел обратно как ошпаренный. Бледный и обессиленный, он повалился на пол. Мы накрыли его одеялом. Через мгновение от шкафа отпрянул штурман. Он прижимал руку к голове, покачивался и чертыхался. Воздух продолжал выходить, и давление начало расти.

Через десять минут я отправился на главный пост, чтобы выяснить, как обстоят дела. За нами охотились два противолодочных корабля. Они двигались над нами зигзагами, и мы ничего не могли с этим поделать. Одна из носовых цистерн наполнилась водой, нос лодки опустился и едва не касался дна. Один из винтов был поврежден и завывал, словно скрипка. Перемещаясь на одном двигателе, мы пытались изменить курс и уйти от преследователей.

Прошло два часа, но ничего не изменилось. Давление достигло пяти дюймов. Мы попытались уйти на полном ходу, но шум поднялся такой, что пришлось отказаться от этой затеи. Враги, конечно, слышали этот шум, но продолжали кружить над нами и крутить ручки гидролокатора. Нам показалось странным, что они не сбрасывали глубинные бомбы. Потом мы пришли к выводу, что японцы применяли контактные взрыватели, которые не срабатывали в мягком иле.

Как обычно, японцы утомились первыми. Слышно, как они уходят на юго-восток. Их мачты еще были видны вдали, когда мы всплыли, чтобы уменьшить давление в лодке. Открыли люк - затхлый воздух устремился из него мощным потоком. Одновременно у всех моих товарищей вырвался вздох облегчения.

Так завершилось это неудачное патрулирование. Мы еще успели обнаружить две американские подлодки, которые играли в прятки, пытаясь опознать друг друга, и услышать по рации, что в десяти милях к юго-востоку от нас американская "волчья стая"{12} пустила ко дну какое-то судно. Запас топлива подходил к концу, и мы успели пресытиться Сиамским заливом, поэтому повернули на северо-восток и взяли курс на Манилу.

Глава 25

Август - не лучшее время на Филиппинах. Над полуостровом Батаан постоянно висят тучи, солнца не видно целыми днями. Сырость напоминает нам о времени, проведенном в водах Шотландии, когда мы с нетерпением ожидали грозу, только здесь в это время не бывает гроз.

Если у тебя есть силы, можешь сходить на берег и попить холодное пиво в американском клубе. Можешь пить виски на плавучей базе или смотреть кино в душной темноте колодезной палубы. Если ты не пьешь, можешь в четвертый раз перечитать журнал "Сфера" за прошлый месяц и ложиться спать.

По утрам здесь серо и уныло. Каждый день, просыпаясь, мы смотрим в открытые иллюминаторы и видим дождь, за которым трудно разглядеть пальмы на берегу, густые джунгли, горы и небо. Этот вид напоминает нам то, что мы когда-то видели в проливе Холи-Лох. Мы трем глаза и переводим взгляд на лодки местных рыбаков, медленно плывущие сквозь дождь.

Здесь часто безветренно. Циклоны уходят на север, и воздух делается совершенно неподвижным. Наступившее безмолвие вселяет страх. Дождь прекратился, и холмы окрашиваются в зеленый, коричневый и темно-синий цвета. Духота усиливается. Любой звук разносится на многие мили. С запада доносится шум работ - это американцы строят на склоне горы ремонтную базу. В

бухте возле нового, наспех сооруженного причала пришвартовано на мелководье грузовое судно "Свобода". Мы стоим на палубе плавучей базы и ждем ветра. Шум леса, вызванный неожиданным порывом ветра, быстро прекращается, и вновь воцаряется тишина. В этом безмолвии чувствуется какая-то скрытая сила.

Мы смотрим в небо, подставляя лица обжигающим солнечным лучам. Кто-то предлагает искупаться. Хватаем полотенца, темные очки и спускаемся в лодку, которая идет к берегу. На ухабистой дороге нас поджидает старенький джип. Едем быстро, зная, что солнце может скоро скрыться за облаками. Горы уже начинают исчезать в дымке тумана, поднимающегося из мокрых долин.

Джип подскакивает, скользит и скрипит, несясь по дороге, покрытой лужами и грязью. После того как американские бараки остаются позади, дорога становится несколько лучше. В миле от причала протекает прозрачная горная река. Среди деревьев есть много глубоких заводей с песчаными берегами. Джип останавливается. Мы подходим к реке и пробуем воду. Она достаточно холодная. Мы быстро скидываем одежду, ныряем и выныриваем, стряхивая капли с лица. Странная река. В заводях даже на большой глубине вода местами почти горячая, в то время как на мелководье, где видна покрывающая дно галька, она холодная и освежающая. Пока мы купаемся, вновь начинается дождь, и мы решаем идти в американский клуб. Мимо на старом каноэ проплывает компания филиппинцев. Девушки, стирающие белье, стыдливо опускают глаза. Их смутила паша нагота. Старик с веслами хмурится. Через неделю они будут стирать грязное белье выше по течению, и нам придется забраться еще выше. Эта гонка может продолжаться бесконечно, пока кто-то из нас не достигнет горного истока реки.

Клуб "Сиско" находится в разукрашенном разборном бараке. В нем достаточно места для стойки и нескольких столов. С журнальных фотографий на стенах улыбаются крашеные красотки. В течение часа пьем баночное пиво, заводим новых друзей и некоторых из них приглашаем пообедать с нами на плавучей базе. Вновь оказываемся в цивилизованном мире: длинные полированные столы, теплые цвета, чистая униформа. Темная ночь шепчет моросящим дождем: мимо светящихся иллюминаторов, словно мотыльки, проплывают лодки филиппинцев и исчезают в тумане.

Бар плавучей базы закрывается в одиннадцать. Мы приглашаем новых друзей на лодку, где угощаем пивом, сладкой кукурузой и мирно беседуем. Постепенно живость разговора угасает. Все разомлели от жары и выпитого. Далеко за полночь,

усталые, но довольные, расходимся по своим каютам, не забыв внести свое имя в список тех, кого надо растормошить утром. Вставать надо в шесть. Рабочий день начинается рано. Распорядок дня расписан по минутам.

У отпускников здесь выбор небольшой. Свой четырехдневный отпуск подводники проводят среди холмов, в небольшом лагере, построенном командой плавучей базы, приложившей для этого героические усилия. Там в распоряжении моряков имеется джип, пляж, ежедневная порция пива и небольшая деревушка, где можно общаться с местными жителями. Те члены экипажа, которые посетили Манилу, вернулись изможденные и злые, проклиная сумятицу полуразрушенного города и свою глупость.

В горах, возвышавшихся за деревней Субик, идет охота за остатками японской армии. Филиппинские партизаны бродят по зарослям джунглей с автоматами в руках. Из облаков появляется заходящий на посадку самолет. В гавань заходят суда, из которых с шумом высаживаются и строятся военные. Мы в своей уединенной бухте вслушиваемся в тишину ночи и ловим взглядом каждую тень.

Глава 26

Покидая Субик, я чувствовал себя ужасно. Шлюпка отошла от плавучей базы на рассвете и по черной воде медленно направилась к берегу. Причала не было. Лодка зарылась носом в песок, и я отнес свой багаж под пальмы. Пока мы стояли и смотрели на горы, начался дождь. Крупные капли упали на деревья, на крыши хижин из пальмовых листьев, возле которых расположились филиппинцы, смотревшие на нас. Мы прозвали эту деревню Субик-Сити. В тот момент я еще не знал, что болен, но был слаб и безразличен ко всему. Услышав шум дождя, водитель повернулся и сказал:

- Нам предстоит трудный путь через перевал.

Он оказался прав.

В хорошую погоду дорогу из Субика в Манилу можно назвать посредственной, при условии что по ней не движутся американские войска. Она петляет в джунглях, взбирается на склоны холмов, извивается среди гор. Как только мы выехали, дождь полил как из ведра. Водитель посмотрел на небо. Ему не хотелось въезжать в ущелье до того, как станет совсем светло. В лесах прятались японцы. Тридцать тысяч японцев умирали от голода в северной части острова Лусон. Некоторые из них выходили на дороги и нападали на проезжающих. Другие пытались выдать себя за филиппинских солдат и становились в очередь за продовольствием. Тех, кого местные жители разоблачали, ждала печальная участь - они умирали мучительной

смертью. Мне было совершенно наплевать, нападут на нас японцы или нет. Подобное равнодушие характерно для больных дизентерией.

Между тем джип, меся грязь и пробуксовывая, продолжал медленно двигаться вперед. Ржавые японские танки, застывшие в высокой траве по обе стороны дороги, и глубокие окопы свидетельствовали о том, что здесь шли жестокие бои. Должно быть, японцам было очень трудно воевать в этой стране. Мосты над оврагами охраняли филиппинские солдаты. Они, словно цыплята, ежились под проливным дождем и ласково прижимали к груди новые американские винтовки.

Когда мы миновали ущелье и поехали по ровной местности, дождь прекратился, и выглянувшее из-за туч солнце стало сильно припекать. Мы проезжали небольшие деревушки. Некоторые дома стояли на сваях. Местные жители провожали нас безразличным взглядом. Они устали от войны, которая, наверное, будет им сниться до конца жизни. На полях паслись кремового цвета буйволы, на спинах которых сидели ребятишки. Помню одну сцену. В середине ручья остановилась небольшая телега, запряженная буйволом. Сидящие на ней люди покорно ждали, пока животное, напившись и умывшись, вновь соизволит везти их.

Вновь тучи заволокли небо, и пошел дождь. Эти резкие изменения погоды раздражали. Я так и не смог привыкнуть к влажному, насыщенному запахами джунглей воздуху этих островов.

Мы добрались до места неожиданно. Манила. Огромный желтый щит на развилке дорог. На нем большими красными буквами информация о числе жертв в результате дорожно-транспортных происшествий и употребления некачественного виски, купленного на черном рынке.

Манила. Город опустошения и безысходности. Мы видели города, подвергшиеся бомбежке, но с подобным столкнулись впервые. В огромных современных зданиях зияли отверстия от снарядов, роскошные особняки были изрешечены автоматными очередями. На улицах было много обгоревших, пробитых пулями автомобилей. Помимо прочего дома просто взрывали, заложив взрывчатку в подвал. На их месте оставались груды камня и искореженной арматуры. Трудно было поверить, что эти дымящиеся развалины были когда-то цветущим городом.

Через руины города двигалась американская армия. Эта чудовищная машина уничтожения бесконечным потоком неслась по пыльным и грязным дорогам. Тут же бродили местные жители в своих широких шляпах. Смуглые девушки были по-своему привлекательны. В чистых белых платьях, с аккуратно завитыми

темными волосами, они изящно ступали на камни своими маленькими ножками в яркого цвета туфлях. Мальчуганы торговали японскими деньгами. В воздухе стоял едкий запах гари, который шел от развалин и разносился вокруг проносившимися мимо грузовиками. Нас несколько раз останавливали на контрольных пунктах. "ВМС Великобритании", - бросал водитель, и мы продолжали путь.

Аэродром Николса находился к югу от города. Мы вклинились в поток машин американской армии и вскоре добрались до пригорода. Здесь разрушений было меньше, по на всех зданиях были следы от пуль. В окнах почти не осталось стекол. Когда мы добрались до аэродрома, было уже жарко. Я сильно устал и чувствовал себя отвратительно. Работники аэродрома, американцы, с апатичным видом сидели в деревянном самодельном строении. Они тоже были частью этой машины, которая подняла их и перенесла сюда, за тысячи миль от дома. Я так и не смог ничего от них добиться. "Какой номер вашего самолета? По какому маршруту вы летите? Какая у вас срочность?" - спрашивали они, но я не знал ответов на эти вопросы. Я не вписывался в слаженную работу этой бездушной машины.

Отчаявшись, я попросил водителя отвезти меня на аэродром Нельсона. Но и там мне не смогли помочь. Я знал только, что самолет "дакота", на котором должен был лететь, принадлежал адмиралу, командовавшему 7-м подводным флотом. Служащие аэродрома ничего не слышали об этом самолете. К тому же у меня не было необходимых документов. В конце концов мы вернулись на аэродром Николса и припарковали джип у взлетно-посадочной полосы. Столовой поблизости не было. Мы с водителем расположились под крылом четырехмоторного "Дугласа" и принялись жевать шоколад, который я прихватил с собой. Время шло.

Около пяти часов, когда самочувствие мое значительно ухудшилось и я потерял всякую надежду на счастливый исход, приземлился самолет цвета серебра. Из него вышел мой приятель. Он прибыл из Австралии. Мы встретились с ним в здании, где происходила посадка. Он сообщил мне, что я полечу на этом самолете. Мы поменялись одеждой. Он сказал, что в Перте холодно, и дал длинные военные брюки цвета хаки и пальто. Я отдал ему свои шорты. Настроение мое улучшилось. Но тут появился командир самолета и сказал, что сможет вылететь только через два дня. Я снова приуныл. В городе не было казарм и английских воинских частей. Должно быть, я выглядел довольно скверно, поскольку летчик сказал:

- Вам больше не надо никуда ехать. Идите и поживите пока в самолете. Мой экипаж присмотрит за вами.

Я подошел к этому серебристому самолету и познакомился с американским экипажем. Они подняли в салон мой багаж, соорудили для меня койку и поинтересовались, когда я буду есть. Я упал на постель и проспал дотемна. Американцы разбудили меня и пригласили к столу, на котором были разложены вареные яйца, кофе и немного виски.

В эту ночь я спал под фюзеляжем самолета на походной кровати. Самолеты взлетали редко. Напротив нашей стоянки находился личный самолет генерала Макартура "Батаан". Его охранял часовой. Утром пошел дождь, и с крыльев полилась вода, но мне было сухо и тепло. Недалеко от взлетно-посадочной полосы был деревянный туалет, в который я заходил раза три за час. Это не могло остаться незамеченным. Должно быть, американские летчики с удивлением наблюдали за изможденным англичанином, который раз за разом шагал по бетонированной площадке к туалету и обратно. Не знаю, что они думали, но мне было совсем не весело.

Вечером появился командир самолета и сказал:

- О'кей. Мы вылетаем.

Члены экипажа вытащили из-под колес башмаки, подняли в салон маленькую стальную лестницу, и мы взлетели. Я не испытывал сожаления, когда Манила стала исчезать из виду.

В течение двух часов мы летели над синевато-серой водой и зелеными островами. Больших судов внизу не было, изредка проплывали суденышки местных жителей, оставляющие за собой длинный след на воде. Хорошо были видны тонкие коричневые полосы рыболовных сетей. В местах мелководья море отливало замечательными желтыми, зелеными и синими цветами. В лесах на островах американские патрули вели поиски остатков японской армии.

В ту ночь мы приземлились на взлетно-посадочной полосе острова Самар. Один за другим после длительного перелета над Южно-Китайским морем совершали посадку бомбардировщики "В-24", носившие гордое название "Освободитель". В лагере ни на минуту не прекращалась работа. Взад и вперед сновали джипы. Экскаваторы добывали гравий из склонов холмов, бульдозеры уничтожали джунгли. На наших глазах там, где еще вчера были непроходимые заросли, вырастали казармы.

Поели мы в столовой, но спали снова под самолетом. Слышно было, как за ограждающей сеткой гудят москиты. После заката солнца выпили виски с водой и сыграли несколько партий в покер, пока совсем не стемнело. На одной из пальм висел

киноэкран. Слышны были звуки музыки. Мы пошли туда и увидели, что под звездным небом сидят сотни солдат и смотрят последний голливудский фильм.

Встав до рассвета, взлетели раньше, чем взошло солнце. Поднявшись в воздух, мы сразу увидели восход. Небо на востоке было чистым. Самолет описал круг и взял курс на острова Палау.

По моему мнению, единственный способ получить от полета удовольствие это всю дорогу спать.

Что я и сделал. Меня разбудили резкий крен самолета и перемена давления. Самолет снижался. Я посмотрел в иллюминатор и увидел, что мы летим на высоте около 200 футов над морем. Очень низко. Решил, что мы заблудились. Однако вскоре на воде появились темные очертания острова, двигатели фыркнули, и самолет начал заходить на посадку.

Острова Палау находятся между островом Самар и островами Адмиралтейства. Раньше все они принадлежали японцам, но Соединенные Штаты с помощью своих морских пехотинцев захватили их. Пролетев над рифами и атоллами, самолет опустился на взлетно-посадочную полосу. Как только мы приземлились, подъехал грузовик с топливом.

Американский Красный Крест организовал на этих островах очень эффективную систему торговли продуктами питания. В любое время дня и ночи там можно было закусить горячими пончиками и выпить кофе. Ассортимент и качество продуктов зависели от срока оккупации и поэтому на юге были значительно лучше. Когда я через два месяца летел обратно, то убедился, что эта система налажена уже на острове Самар и на Филиппинах.

Остров, куда мы прилетели, был таким маленьким, что его целиком можно было охватить одним взглядом. Американцы оставили боевые позиции японцев такими, какими они выглядели сразу после боев. Восточная оконечность острова представляла собой мрачное зрелище: десятки разрушенных зданий и сломанные пальмы. К западу от взлетно-посадочной полосы тоже царило запустение, если не считать небольшой площадки с зеленым газоном вокруг флагштока с американским флагом. Под флагом находились холмики с белыми деревянными крестами. Это были могилы морских пехотинцев, погибших в бою за остров.

Мы пробыли здесь полчаса. Пришел командир экипажа и сказал:

- Полетели.

Последовал часовой перелет до Холландии, столицы Западного Ириана. Я снова уснул и проснулся только тогда, когда внизу появились горы Новой Гвинеи. Сверху хорошо были видны высохшие русла рек в ущельях. Над зелеными лесами висели

серые облака. Где-то в этих лесах австралийские солдаты преследовали японцев. Не очень удачное место для вынужденной посадки.

Взлетно-посадочная полоса находилась недалеко от гор. Сверху были видны следы прошедших боев. На земле разбросаны обгоревшие металлические обломки самолетов. Наш самолет описал два круга над гаванью Голландии и пошел на посадку. Легко можно было отличить места, где раньше находились японские военные постройки. Там не осталось ничего, кроме фундамента. После изгнания японцев американцы тщательно все вычистили из соображений санитарии.

Самолет прокатился по взлетно-посадочной полосе, по обеим сторонам которой росла высокая трава, и остановился. Жара навалилась на нас всей своей тяжестью. Домики и деревья дрожали в золотистом мареве. В горячем воздухе дороги походили на блестящие длинные реки. Мы с большим облегчением вернулись в самолет и поднялись в воздух, продолжая путь на острова Адмиралтейства.

Вечером мы долетели к этим крошечным островкам и немного покружили над ними. Деревушки, находящиеся в устьях рек, были затоплены водой. Домики цвета грязи покоились на высоких сваях. Возле некоторых из них видны шлюпки. Внизу показалась гавань острова Манус. Мы снизились и приземлились на взлетно-посадочной полосе самого восточного из островов Адмиралтейства. Остров был так мал, что взлетная полоса пересекала его от одного берега к другому. Водитель встречавшего нас джипа велел следовать за ним, и самолет, словно автобус, покатил за автомобилем по лужайкам и просекам, пока джип не остановился на поляне среди пальм. Самолет, развернувшись, замер, и мы спустились на землю.

На острове был английский офицер связи. Он отвел меня в лагерь для транзитных пассажиров, расположенный у живописной лагуны со спокойной зеленой водой. Нас разместили в небольших коттеджах. В столовой обслуживали негры. Любое блюдо стоило один доллар. Прямо у воды расположился американский клуб. Он представлял собой простой сборный барак, разукрашенный синим и желтым цветами. Столики, стоявшие на берегу, защищались от солнца сине-желтыми зонтиками. Между двумя пальмами был натянут киноэкран. В целом место неплохое. До британской базы на Манусе около часа езды через густые джунгли. Дороги, построенные американцами, оказались образцом инженерного искусства.

На островах Адмиралтейства мы провели два дня. Загорали, ловили в лагуне барракуд и проводили время в клубе. В общем,

замечательно отдохнули после трудного перелета. Я очень гордился тем, что в моем распоряжении находился самолет. На острове было несколько англичан, которые целую неделю ждали отправки на остров Гуам. В конечном итоге путешествие по воздуху оказывается более длительным, чем кораблем, и гораздо менее удобным.

С Мануса мы перелетели в Дарвин, провели там ночь и в конце концов воскресным утром приземлились на аэродроме Гилфорд неподалеку от Перта. Когда я вышел из самолета в своем тропическом хаки, меня встретила австралийская зима. Шел дождь. Это был один из самых холодных дней в году. Я сильно замерз и отогрелся только в госпитале.

Глава 27

Главный врач военного госпиталя Перта испытывал странную неприязнь к выздоравливающим, которые оставались в городе, и предлагал им следующую альтернативу: идти в приют и жить там под недремлющим оком сестры-хозяйки либо ехать в глубь страны и наслаждаться красотами природы на одной из ферм "пшеничного пояса". Лелея смутную надежду, что смогу найти с сестрой-хозяйкой общий язык, я выбрал приют.

В госпитале, где по идее мы должны были находиться на грани смерти, наши температурные листы были исчерканы невероятными кривыми, пики которых приходились на дни, когда мы тайно убегали в американский клуб. В приюте господствовали законы военного времени. Там не было списков с правилами поведения и наказаниями за их несоблюдение. Апеллировали к нашей сознательности. Нужно было непременно находиться в приюте во время всех приемов пищи, включающих несколько стаканов молока и чая. Распорядок дня составлен таким образом, чтобы мы не могли отлучиться из приюта больше, чем на два часа. После нескольких дней такой жизни меня потянуло на природу. Я решил перебраться в "пшеничный пояс", что бы из этого ни случилось.

Мы выехали сразу после рассвета и, оставив позади высокие белые дома, выходящие на берег реки Суон, покатили по асфальтированной дороге, ведущей в глубь Австралии. Вскоре достигли фруктового пояса.

На склонах холмов тут и там разбросаны небольшие усадьбы, ровными рядами росли апельсиновые деревья, пышно цвели персики и австралийские акации. Мы с удовольствием смотрели на залитые солнцем сады, вдыхали полной грудью воздух, насыщенный ароматом цветов.

За этим поясом фруктов последовали фермерские хозяйства, и пейзаж стал очень напоминать английский. Дома среди

деревьев, бесконечные зеленые поля, мирно пасущиеся коровы. Мы были в этих местах раньше, когда охотились на кроликов. Нам нравилось дотемна бродить среди этих деревьев. Возле небольшого сарая знакомый фермер угощал нас парным молоком. Корова лениво помахивала хвостом, в то время как он наливал молоко из ведра в ковш. Впереди у нас была долгая дорога, поэтому мы не останавливаясь проехали по сельским районам и попали в лесистую необжитую местность, которую австралийцы называли бушем.

Утомленные жарой и однообразием пейзажа, мы почти перестали смотреть по сторонам и очень удивились, когда сквозь лесную просеку на нас хлынули яркие солнечные лучи и нашему взору открылись стоящие на поляне внушительные кирпичные постройки. Здесь, в этом лесу, они казались совершенно неуместными. Позднее мы узнали, что проезжали мимо римско-католического центра, состоящего из колледжа, церкви и фермы. Вероятно, его построили в этом укромном месте в надежде, что сатане будет труднее искушать здесь воспитанников.

Около двух часов, когда лес начал редеть и вдали показались пшеничные поля, дорога испортилась. На ней появились трещины от солнца, промоины от дождя и сильных наводнений. Поверхность дороги напоминала обветренное морщинистое лицо старого моряка. Машина замедлила скорость и завиляла. Водитель старался ехать по целым участкам дороги. Те места, где дорога совсем размыта, приходилось объезжать по тонкой серой траве. В машине было жарко. Пиво нагрелось и плохо утоляло жажду.

В двухстах милях к северу от Перта ландшафт стал более ровным. Когда мы наконец добрались до "пшеничного пояса", день уже приближался к вечеру и заметно похолодало. Мы медленно двигались по ухабистой дороге и смотрели в окно. Мимо тянулись бесконечные поля, изредка попадались небольшие рощицы. Домов почти не было. Время от времени вдали мерцали огни.

В сорока милях от места назначения дорога проходила через небольшой поселок. Грязная улица с деревянными домами напомнила о временах Дикого Запада и заставила нас крутить головами в поисках салуна с вращающимися дверями. Салун нашелся, но он оказался без дверей - их ремонтировали. Перекусив и пообщавшись с местными жителями, мы продолжали путь. Глядя на эти безлюдные места, я испытывал тревогу. Смогу ли я выдержать здесь длительное время? Мой приятель, владелец машины, через два дня должен был возвращаться в город, и впереди маячила мрачная перспектива одиночества. Однако

после пребывания в салуне я приободрился и был полон решимости покорить "пшеничный пояс", прежде чем коровы вернутся с пастбищ.

В сумерках местность вокруг окрасилась в серый цвет. В свете фар уходила вдаль узкая грунтовая дорога, справа и слева серели бесконечные поля. На этом сером фоне выделялись черные силуэты высоких эвкалиптов. В тот момент, когда в наши тела начала проникать усталость, мы наконец добрались до нужной фермы, и облачко пыли, что следовало за машиной во время всего пути, улеглось. Послышался приглушенный шум голосов, кто-то крепко пожал мне руку, и в один миг мы очутились в ярко освещенной небольшой кухне, где на плите гудел чайник, а стол был заставлен едой.

Хозяин фермы с сияющим лицом поинтересовался, хочу ли я посмотреть на стрижку овец.

- Я зайду за вами в половине шестого. Мы мигом стряхнем с вас паутину этого госпиталя, - пообещал он. - А теперь лучше ложитесь спать. Завтра будет трудный день.

Раннее утро. Я неподвижно лежу на кровати и смотрю в окно на зарождающийся австралийский рассвет. Через проволочную сетку в комнату проникает холодный воздух. Стряхнув с себя приятную истому, вызванную крепким сном, встаю и надеваю грубую одежду, которую Артур, мой хозяин, оставил на стуле.

Холодный воздух заставляет съежиться. Я был уверен, что в сельской местности всегда будет жарко, но оказалось не так. Звезды на прозрачном светло-сером небе очень яркие и почти не мерцают, поэтому отыскать планеты довольно трудно. В свете зари отчетливо видны изогнутые ветви деревьев.

Перед началом нового дня нужно обязательно выпить чашку чаю. Я впервые полной грудью вдыхаю чистый, наполненный ароматом цветов воздух. Он придает сил и прогоняет остатки сна. Такое чувство, словно одним залпом выпил стакан неразбавленного виски.

Я надел тяжелую армейскую шинель, которую мне дал Артур, и последовал за ним к деревянному гаражу, где стоял старенький грузовой "додж". Мы выехали на дорогу, и я сразу забыл о войне, о двух месяцах, проведенных в госпитале, и обо всем остальном, что беспокоило меня последние годы. Осталась только эта грунтовая дорога, этот рассвет, розовые кипарисы и цветы на растущем вдоль дороги кустарнике. Вдаль до самого горизонта уходили поля пшеницы и зеленые бархатные луга, на которых паслись стада овец, этих выносливых животных, чьи предки щипали траву на равнинах Испании. Здесь я впервые увидел овец породы меринос, о которых когда-то читал в учебниках

географии.

Артур рассказал о том, как его отец вместе с семьей перебрался сюда, на север. Это было время спекулятивного земледелия, когда на продаже земли можно было заработать целое состояние. Они очистили от растительности небольшой клочок земли и засеяли его. С годами площадь принадлежащих им обрабатываемых земель увеличивалась. Теперь все трое сыновей были женаты и имели свои дома. В старой усадьбе, которую расширили и обновили, жил теперь старший брат Билл с семьей. Братья все делали сами, даже обжигали кирпичи для строительства своих домов.

Мы свернули с дороги и поехали через пастбища. Восходящее солнце начало согревать землю, над которой появился легкий туман. Тени, падающие от деревьев, становились короче и темнее. Помещения, где стригли овец, находились в ложбине. В окнах этих серых строений отражалось утреннее небо, что заставило меня обернуться и посмотреть туда, где облака были оранжевыми и лиловыми. Небо над головой было светло-зеленым.

В австралийском утре была какая-то неземная прелесть. Удивительно свежее, оно поражало плавным переходом от зимней прохлады к летней жаре, как если бы вслед за декабрьским рассветом шел июльский полдень. В траве блестела роса. На зеленых лугах белели стада овец.

Двое братьев Артура приехали раньше нас. Стригали, трое веселых мужчин, прохаживались у входа. Немного позже подошли сортировщик шерсти и подсобный рабочий.

Работа начиналась в шесть часов. Без пяти шесть стригали включили небольшой двигатель, дающий ток машинкам для стрижки шерсти. Мы вошли в загон и вывели первые пятьдесят овец. Животные с опаской поглядывали на стригалей.

В первый день мне все было в диковинку, но потом я привык к этой работе, и она больше не казалась мне особо сложной. Время летело быстро.

Подготовка к стрижке начиналась после полудня, когда овец заводили в загон и отбирали самых длинношерстных. На пастбища за овцами мы ездили на лошадях. Мне дали очень смышленую кобылу по кличке Молли, которая гораздо лучше меня знала, как нужно гнать овец. Мы ехали цепочкой, склонившись в седле и отпустив поводья. Как только замечали овец, сразу разъезжались. Молли приподнимала свои маленькие темные островерхие уши, и я знал, что она с первого взгляда правильно оценит ситуацию. Кобыла терпеливо ждала, пока Джим, средний брат, скакал к стаду, чтобы отделить нужное число овец. Слышны были его крики и глухой топот копыт. Глаз у

Джима был наметанный. Он на всем скаку врезался в белую массу и всегда отсекал от нее не больше трехсот и не меньше двухсот восьмидесяти животных. Потом давал нам знак взмахом руки, мы скакали к нему легким галопом и начинали медленное возвращение к загонам.

Так как стригалей не хватало, стрижку производили рано утром, когда имели обыкновение появляться на свет ягнята. Часто можно было видеть, как родившиеся день или даже час назад барашки, пошатываясь, бредут за стадом в сопровождении матерей. Самых слабых я поднимал в седло и вез. Теплые, похожие на клочок шерсти ягнята безучастно переносили эту поездку.

Мне нравились эти неторопливые верховые прогулки. Овцы неспешно шагали перед нами и беспрестанно блеяли. Солнце припекало. Сизый дым от сигарет струился в воздухе. В руках у нас были длинные ветки, которыми мы подстегивали самых непослушных овец. В отаре всегда находилась овца, у которой отстал ягненок. Она медленно шла перед Молли, жалобно блеяла и норовила вернуться к своему детенышу. Молли никогда не наступала на таких овец, но, когда ей надоедал этот траурный марш, она опускала голову и носом толкала животное вперед. Иногда потерявшая ягненка овца отрывалась от нас и бежала назад по огороженному пастбищному участку. Начиналась суматоха. Молли резко поворачивалась и неслась за ней. От криков, блеяния и топота у меня звенело в ушах. Убедившись, что ей далеко не уйти, овца возвращалась в отару, и вновь воцарялся покой.

Во время стрижки умирало много ягнят. Я часто видел на траве их мертвые тела. Еще мне попадались скелеты ягнят и овец, умерших раньше.

Нам требовалось около часа, чтобы добраться до края пастбищного участка. В течение этого времени мы несколько раз объезжали отару и ловили беглянок. Небо было лазурным. Изумрудная трава блестела в лучах солнца. На севере бесконечные пшеничные поля меняли цвет от серого до темно-зеленого. Легкий ветерок шевелил колосья злаков. Там и сям группами и поодиночке стояли высокие кипарисы со стволом, напоминающим березу, и серебристыми листьями. Иногда, завидя Джима, я подъезжал к нему, и мы перекидывались несколькими фразами.

Очень непросто провести триста овец через одну калитку. Главное - это чтобы прошла первая. Остальные двести девяносто девять послушно последуют за ней. Но почему-то ни одна из овец не желала первой проходить через калитку. Отара

останавливалась перед забором, овцы поворачивались и двигались во всех направлениях, кроме нужного. Я никогда не слышал таких ярких и выразительных ругательств, какими сыпал Джим, когда, соскочив с лошади, пробирался через отару, хватал овцу и тащил ее через калитку. Тем временем мы свистели, кричали до хрипоты и гонялись за убегающими овцами.

Дорога к загонам лежала через чащу, и именно здесь овцы проявляли удивительную сообразительность, выводившую нас из себя. Они разбредались, прятались за деревьями, бежали обратно, забирались под кусты, так что нам приходилось спешиваться и выковыривать их оттуда палками. Молли знала, что нужно делать в таких случаях. Она кружилась, носилась между деревьев, стараясь выгнать овец из зарослей. Мне приходилось прикладывать большие усилия, чтобы удержаться в седле.

Отара подходила к загонам, и вновь начиналась суматоха. Осматривать овец - это все равно что играть в гольф: препятствий и помех хоть отбавляй. Нужно иметь огромное терпение. Мы больше не испытывали жалости к овцам, потерявшим ягнят, и к ягнятам, оставшимся без матерей. Одного дня этой работы хватило для того, чтобы я стал бесчувственным, как какой-нибудь свирепый фермер. Я начал испытывать к этим животным неприязнь, какую человек испытывает к низкому косяку, ударяясь о него головой.

После того как все овцы оказывались в загоне, мы облегченно вздыхали, привязывали лошадей к забору и на негнущихся ногах шли пить чай. Всю еду привозили на грузовике, но один из стригалей каждый день ходил в небольшую усадьбу, которая стояла неподалеку, и приносил горячий чай. Оплата стригалей была сдельная и зависела от количества остриженных овец. Поэтому они работали не разгибая спины. Интересно было наблюдать, как ловко рабочие стригут дрожащих животных, останавливаясь лишь для того, чтобы привести из загона новую жертву.

Пока стригали трудились, Джим занимался вновь прибывшими овцами. Хватал оказавшихся в отаре баранов и швырял их в отдельный загон. В конце узкого загона была вращающаяся калитка. Мы прогоняли овец через этот огороженный участок, а стоящий у калитки Билл быстро отделял ягнят от овец. После этого все было готово к завтрашней стрижке. Оставалось только выпустить остриженных овец и немного проехаться верхом, чтобы убедиться, что все ягнята нашли своих матерей. Так мы работали каждый день. Обычно все шло гладко, если ночью не было дождя. Стригали отказывались стричь мокрую шерсть, и мы позволяли овцам побегать час-другой на

солнышке, чтобы шерсть высохла.

Попрощавшись с остальными, мы с Артуром сели в машину и поехали домой. Сзади еще некоторое время доносилось блеяние овец, а впереди в темноте приветливо светились огни фермы. Я очень устал, но после того, как принял горячую ванну и поел, почувствовал себя значительно лучше. Ночью вышел во двор и стал наблюдать за восходом луны. Воздух был насыщен запахом земли, деревьев и цветов. Где-то вдалеке жалобно кричала лиса.

Должно быть, жена Артура упросила мужа, чтобы он не будил меня слишком рано. В эту ночь я спал очень крепко, и, когда открыл глаза, было уже девять часов. Утро было чудесное. По веткам прыгали зеленые попугаи. Среди пастбищ, покрытых белесым туманом, словно алмазы сверкали в солнечном свете верхушки деревьев.

К востоку от фермы находился большой, акров в сто, девственный лесной массив. Позднее я узнал, что он сохранился благодаря своей почве, которая не годилась для возделывания. Зато лес вносил некоторое разнообразие в ландшафт и являлся неплохим охотничьим угодьем. Небольшом сад был усеян яркими цветами. Справа от меня, там, где туман был особенно густой, виднелась плотина. За ней находился искусственный водоем, обеспечивающий водой овец засушливым летом. Слева, совсем близко, в небольшом загоне жевали овес лошади.

После завтрака, когда начало припекать солнце, я снял с забора седло и уздечку, оставленные для меня Артуром, и пошел к лошадям. Конь, которого я выбрал, спокойно и терпеливо ждал, пока я подтягивал подпругу. Вскоре я уже ехал к месту стрижки овец под палящими лучами солнца и наблюдал за проворно бегающими по траве кроликами.

Свернув с дороги, я пустил лошадь галопом и поднялся на невысокий, окутанный легким туманом холм, где были расположены огороженные пастбищные участки. Овцы смотрели на меня с угрюмым безразличием.

Прибыв на место, я обнаружил, что стригали еще не приступали к работе, так как на рассвете прошел дождь. Они включили свои машинки только после ленча, и я с самого начала наблюдал процесс стрижки.

Овцу, отделенную от ягненка, помещали во внутренний загон, откуда выводили непосредственно перед стрижкой. В то время как сильные руки одного стригаля крутили и переворачивали овцу, другой ловко работал машинкой для стрижки. У каждого стригаля был свой небольшой загон, куда он помещал остриженную овцу через отверстие в стене. Потом этих овец считали и результаты заносили в книгу. Иногда стригали

случайно ранили овец своими машинками. В этом случае порез немедленно смазывали дегтем. Некоторые из таких ран были довольно глубокими, но овцы, не способные реагировать на боль, покорно брели в загон, в то время как кровь стекала по их ногам.

Иногда мне поручали клеймить овец. Работа эта была не из приятных. Нужно было войти в переполненный загон и прижать к боку каждого животного что-то вроде огромного штампа. Случалось, я промахивался, и некоторые овцы после такого клеймения долго ходили с фиолетовым носом. Труднее всего оказывалось заклеймить последнюю овцу. Она пряталась, убегала и изворачивалась, доводя меня до бешенства. В конце концов терпение мое лопнуло и я швырнул в нее баночку с тушью.

После стрижки руно помешали на стол и отрезали жесткие и грязные края. Сортировщик, наблюдавший за этим процессом, скатывал обрезанную шерсть и бросал ее в одну из восьми корзин. После того как корзина наполнялась, шерсть прессовали, и из огромной пушистой массы она превращалась в упругие жесткие комки, которые складывали в мешки. Время от времени за этими мешками приезжал грузовик и отвозил их на железнодорожную станцию. Все это время австралийская погода радовала нас. Небо было чистым днем и ночью.

Во время поездок на работу и обратно и особенно во время прогулки, когда Артур хотел показать мне кенгуру, я открыл для себя неповторимую красоту диких цветов. Казалось, нет такого куста, дерева или сорняка, на котором не красовался бы хоть один цветок. Песок скрипел под нашими ногами, когда мы шли, любуясь этой красотой. Цветы были везде - впереди, сзади, сбоку. Пастельных тонов, белые, кремовые, розовые и желтые, они источали приятный аромат, который смешивался и разносился ветром повсюду.

В усадьбах всех троих братьев были сады, где разводили цветы. Зимой и весной они цвели и радовали глаз, а засушливым летом, когда ветер покрывал землю слоем песка, погибали. Каждый год жены фермеров сажали новые цветы, выполняя объем работ, немыслимый для английской домохозяйки. По субботам фермеры ездили друг к другу в гости. Утром я верхом отправился в город, чтобы отослать во флотилию запоздалую телеграмму, выпить пива и познакомиться с городской жизнью. Молли знала дорогу и уверенно довезла меня до районного центра, главная улица которого была застроена с одной стороны. Фермеры уже были в городе. Их жены, столпившись на широком тротуаре, вели оживленную беседу. По пыльной, нагретой солнечными лучами улице проезжали грузовики, легковые автомобили и всадники. В конце концов я отыскал бар с вращающейся дверью, но пиво в нем

заканчивалось. Собиравшиеся здесь со всей округи стригали употребляли этот напиток в неимоверных количествах. В конце улицы среди зеленой травы была видна узкоколейка, уходящая на северо-восток и исчезающая среди эвкалиптов. Хотя пассажиры по этой ветке почти не ездили, для фермеров она имела исключительно важное значение. По ней везли к морю пшеницу и шерсть.

Женщины всегда с нетерпением ждали субботы, когда они могли не только встретиться и наговориться, но и посмотреть фильм в маленьком городском клубе. После кино обычно ехали ужинать к одному из братьев. В этот раз все отправились к Джиму. Сели за стол в полночь, а встали в третьем часу утра. Возвращались на машине. Полная луна нежным светом освещала дорогу и пастбищные участки. Ночь была чудная, и сознание того, что наступающее воскресенье будет выходным днем, делало ее еще более прекрасной.

В этот день овцы будут просто овцами, а не глупыми грязными животными, успевшими надоесть нам за неделю хуже горькой редьки.

В эту ночь я не могу заснуть. Успокоенный тем, что вставать рано не придется, вышел во двор, подошел к краю эвкалиптовой рощи и стал наблюдать рассвет. Постепенно небо на востоке прояснилось, звезды померкли. Как только луна села у меня за спиной, наступил рассвет, окрасивший облака над горизонтом ярким оранжевым цветом. Я уже хотел вернуться в дом, когда увидел впереди темный силуэт кенгуру. Животное на мгновение застыло в нерешительности и затем скрылось в кустах. Топот его ног напоминал стук лошадиных копыт. Когда я вошел в дом, подул легкий юго-восточный ветер, принесший с собой аромат леса. Начинался новый день.

На второй неделе своего пребывания на ферме я стал по вечерам выходить в лес с винтовкой Артура в надежде подстрелить кенгуру. В предзакатные часы, когда умолкали насекомые, в лесу воцарялась полная тишина. Но она была обманчивой, я знал, что где-то в чаще затаились и ждут наступления темноты голодные кенгуру. Пройдя через лес, я подходил к краю пшеничного поля, садился под каким-нибудь деревом и ждал. Ждать приходилось долго, я успевал выкурить не одну сигарету. Время от времени тишину нарушали треск и шорох, когда пробегал по траве кролик или птица перепрыгивала с ветки на ветку. С наступлением темноты животные выходили из своих укрытий и отправлялись на поиски пищи. Кенгуру ели пшеницу на полях или перепрыгивали через забор и кормились травой на пастбищных участках. Огромные, ростом до двух

метров, они передвигались прыжками, наклонялись и жевали траву, пододвигая стебли ко рту короткими передними лапами. Время от времени приподнимались, оглядывались и прислушивались, не грозит ли им опасность. Их было много, иногда до двадцати особей. Некоторые подходили очень близко, но я никогда не стрелял в них в упор. В ночной тиши оглушительный звук выстрела прокатывался по полям гулким эхом, заставляя кенгуру в панике запрыгать на своих огромных задних лапах. Они не знали, где я нахожусь, и поэтому неслись в разных направлениях. В такие минуты я испытывал некоторое беспокойство от мысли, что они могут кинуться ко мне и запросто раздавить, но в конце концов кенгуру успокаивались и вновь принимались за еду.

Я выпустил немало пуль в этих животных и, как мне казалось, часто попадал, но, обследуя место охоты утром, убеждался, что не убил ни одного. Чтобы убить кенгуру, необходимо попасть в голову или хотя бы в бедро. С пулей в теле эти животные могут пробежать много миль. Не желая возвращаться домой без добычи, я подстрелил перебегавшего дорогу кролика.

Еще я охотился на диких голубей. Эти красивые птицы весной залетали в сад и клевали семена растений, которые сажала жена Артура. Серые, с яркими розовыми крыльями, они часто садились на деревья, но были очень пугливыми. Я придумал способ перехитрить их. Чтобы они перестали меня бояться, я два дня по утрам проходил мимо эвкалиптовой рощи с палкой. На третий день вместо палки взял винтовку и подстрелил одного голубя. Но одна маленькая птица за три дня - это слишком мало, тем более что мой отпуск подходил к концу. Я начал выезжать на лошади в надежде подстрелить эму, но надеждам моим не суждено было сбыться. Эти гигантские птицы были не менее осторожными, чем голуби, и убегали, завидев меня издалека. Для охоты в австралийском "пшеничном поясе" нужна была особая сноровка.

Две недели пролетели незаметно, пришло время возвращаться в город. Артур повез меня обратно в своем новом быстром "бьюике". По грунтовой дороге мы ехали не спеша, но последние 80 миль по асфальту преодолели за пару часов. Вдали показался город. Солнце освещало высокие белые здания, стоящие вдоль реки Суон, по синим водам которой плавали парусные шлюпки. Машина сделала последний поворот, и я увидел мачты плавучей базы. Я возвращался к суете военной жизни, возвращался в настоящее. Меня не удивило, что главный врач выписал меня из госпиталя и разрешил выйти в море. Две недели, проведенные в "пшеничном поясе", сделали свое дело. Я был полностью здоров.

Глава 28

Недавно я просматривал содержимое старого бумажника, который был со мной в последние недели тихоокеанской войны. Он напомнил мне о поездке из Перта в Манилу, совпавшей по времени с празднованием окончания войны. Я пытался вспомнить, как начиналась эта поездка и какое настроение тогда у меня было. Порывшись в квитанциях Управления воздушных перевозок и сертификатах ленд-лиза, я наткнулся на сложенный пополам синий листок, на котором было написано: "Уильям Кейпелл. Величайший фортепьянный талант со времен Горовица". Этот листок оживил во мне воспоминания о последних днях пребывания в Австралии.

Известие об окончании войны пришло в пятницу, когда я был на прощальном вечере в американском клубе. Мы спокойно танцевали, выпивали и играли на "фруктовых машинах"{13}. Неожиданная новость нас очень обрадовала; и гулянье продолжалось всю ночь. Мы ездили на машине по парку мимо высоких кипарисов и по набережной реки Суоп. Затем отправились в сверкающий огнями центр города, где жители веселились, пели и плясали. Заехали к друзьям, которые радостно приветствовали нас и угостили марочным вином. Приближался новый день, мирный день. Небо, на котором начали меркнуть звезды, тоже было мирным. Война закончилась.

Когда утром мы прибыли на плавучую базу, выяснилось, что штаб ВМС известие о мире ничуть не тронуло. Подводные лодки продолжали выходить в море, и мне было отказано в просьбе отменить бронь на место в самолете, который на следующее утро вылетал в Сидней. Такой поворот событий лишь усилил испытываемое нами похмелье. Проглотив по рюмке рома и запив его молоком, мы посмотрели в иллюминаторы на неизменившийся пейзаж и с мрачным видом принялись собирать свои вещи. В этот вечер экипаж одной из подводных лодок устраивал в городе танцы. Обычно они проходили шумно и весело. Но мне было не до веселья. Не хотелось покидать Перт в канун празднования победы. С тяжелым чувством я побрел в офицерский клуб, снял комнату, не раздеваясь улегся на кровать и стал смотреть в потолок. На танцы идти я не собирался. Голова гудела, и не было никаких желаний. Утром на взлетно-посадочной полосе меня будет ждать самолет, который разлучит меня с друзьями, чтобы доставить в душные грязные джунгли. Ситуация казалась безнадежной.

В этот момент зазвонил телефон. В трубке раздался приятный женский голос с австралийским акцентом. Очаровательная супруга одного моего знакомого интересовалась, не хочу ли я

сходить с ними на концерт фортепьянной музыки в Пертский университет и после концерта отужинать у них дома. Она как будто знала, что я нуждаюсь в отдыхе.

Я ответил, что охотно принимаю их предложение, и вскочил с кровати, ощущая прилив сил. Эти австралийцы были очень обаятельные, добрые и веселые люди. Какой-то ангел подсказал им с небес, что в этот вечер мне ничего не было нужно, кроме как опуститься в кресло в концертном зале, закрыть глаза и отдаться музыке.

В тот вечер Уильям Кейпелл играл на фортепьяно. Это был невысокий молодой человек двадцати двух лет. Пальцы его так и порхали над клавишами, извлекая чистые мелодичные звуки. Мне казалось, что если бы он захотел, то легко поднял бы фортепьяно на кончике пальца и заставил вертеться волчком.

Музыка стихла, и мы вышли из зала в ночь. Друзья поехали впереди на своем автомобиле, а я сзади на своем. Мимо пролетали дома и деревья, музыка все еще звучала у меня в ушах, и я был очарован Австралией. Мне хотелось, чтобы чары эти рассеялись не раньше, чем самолет поднимет меня в небо.

В том же романтическом расположении духа я вышел из дома своих друзей. Небо было ясным. Из открытого окна доносились звуки пианино - хозяйка дома была столь же одаренной, сколь и красивой. Ее муж пожал мне руку и пожелал счастливого пути. Поблагодарив его за вечер, я завел машину и поехал в город.

Ранним утром я прибыл на аэродром, где самолет уже разогревал свои двигатели. Шум стоял ужасный. Поток воздуха от пропеллеров пригибал к земле сухую траву и поднимал пыль, скрывающую первые лучи рассвета.

Я торопился вернуться во флотилию. Ходили слухи, что наши лодки первыми войдут в гавань Гонконга, если японцы в самом деле сложили оружие. Время шло ужасно медленно. Ночь мы провели в столовой австралийских ВВС, где ярко горел свет и рекой лилось вино. Следующие две ночи мы провели в Мельбурне и Сиднее. Все мои попытки ускорить мой вылет в Манилу ни к чему не привели. Повсюду сталкивался с задержками и проволочками. Заходил в отделы ВМС, беседовал с начальством, платил штрафы, в сотый раз ставил свою подпись, но все впустую. Уже началась послевоенная лихорадка. Никому не было никакого дела до меня и моей поездки. С лиц всякого ранга командиров не сходило выражение безразличия даже тогда, когда я кипел праведным гневом.

В итоге воскресным утром я стоял на горячем покрытии аэродрома Маскот в Сиднее. Все мои документы остались в офицерской столовой, где я провел ночь, но времени вернуться за

ними у меня не было. Самолет скоро должен был взлететь. К люку на фюзеляже приставили лестницу, и по ней начали подниматься пассажиры. Я последовал за ними.

В связи с участившимися авариями самолетов авиации ВМС США британским офицерам и матросам было приказано летать самолетами австралийских ВВС. В результате время нахождения в пути значительно выросло. Я не сомневался, что мне придется надолго застрять где-нибудь между Сиднеем и Манилой, например на острове Манус, и был готов к такому повороту событий.

Самолет взлетел в 9 часов и начал медленно набирать высоту. В иллюминатор я смотрел на разворачивающуюся внизу панораму города и гавани. Неожиданно улицы города потемнели - это вышли из своих домов тысячи людей. Некоторые забрались на крыши и бросали в воздух яркий серпантин. Из дымовых труб стоящих в гавани судов вырвались клубы дыма, на мачтах взвились флаги.

Мне показалось, я слышу гудки этих судов. Дверь кабины летчиков открылась, из нее вышел командир самолета и с улыбкой произнес:

- Война закончилась.

Дверца кабины закрылась, самолет сильно накренился и взял курс на Брисбейн, где предстояла посадка для заправки топливом.

Вечером того же дня мы приземлились на взлетно-посадочной полосе возле города Таунсвилла, что на северо-восточной оконечности Австралии. У всех, кто встретился нам на земле, был усталый вид. Наверное, у них был трудный день. Я отыскал столовую военных моряков. В душном, плохо освещенном помещении несколько матросов читали газеты.

- Война кончилась, - напомнил им я.

- Ну и что? - отозвался один из них.

Я вышел на свежий воздух и посмотрел на высокую, уходящую в темное небо скалу. Потом выяснилось, что матросы весь день затаскивали на ее вершину бочки с нефтью, которую собирались поджечь во время празднования. Маленький тихий город готовился отметить окончание войны.

Я медленно прогуливался по улицам и случайно встретил старого приятеля, который только что прибыл в гавань на мотоботе. Мы обменялись рукопожатиями и присоединились к гуляющей толпе, которая с наступлением темноты становилась все больше.

Где-то в вышине вспыхнул огонь - это загорелась нефть на высокой скале. Еще мгновение - и вниз обрушился огненный

водопад. Это было незабываемое зрелище. Толпа ответила громкими возгласами и свистом. Город ожил. Повсюду зажглись огни, открылись двери, заиграли танцевальные оркестры. Улицы заполнились ликующими мужчинами и женщинами. Некоторые из них были в купальных костюмах. Медленно двигались карнавальные машины. Матросы наблюдали за ними, прикладываясь губами к бутылкам с пивом.

Это была удивительная, фантастическая ночь. Маленький городок на берегу Тихого океана в эту ночь стал центром притяжения, куда стекались жители окрестных деревень, островком веселья в океане тьмы. Гулянье продолжалось всю ночь и закончилось, только когда небо над океаном озарилось лучами солнца.

На взлетно-посадочной полосе, куда нас довезли на машине, почти никого не было. Возле нашего самолета стояли несколько пассажиров с изможденными лицами и смотрели себе под ноги. На высокой скале продолжала гореть нефть. Подошел командир самолета, и двигатели взревели. Скоро мы уже взлетали навстречу рассвету. Внизу мне махал рукой оставшийся на земле приятель. Последний раз виделись с ним на Цейлоне месяц назад. Мы еще долго будем вспоминать эту ночь, проведенную в Таунсвилле.

Под хвостовым оперением исчезали берега Австралии. Из-за облачной гряды хлынули солнечные лучи. Самолет поднимался все выше и выше, пока не достиг высоты 20 тысяч футов. Здесь смотреть было не на что, поэтому я опустил голову и заснул.

Топливом заправлялись на взлетно-посадочной полосе возле города Голландия. Новая Гвинея поражала своей густой зеленью. Рядом с полосой росли высокие деревья. Как только мы сошли на землю, навалилась жестокая жара. Я пытался укрыться от нее в высоких зарослях, но это не помогало. Жара была повсюду. В домике с крышей из жести мне дали чашку чаю и немного хлеба. Здесь же с мрачным видом сидели за столом небритые полуголые заправщики, уставшие от жары и своей однообразной работы. Они смотрели на нас так, словно мы были с другой планеты. Когда мы взлетали, я помахал рукой бедолагам, которым было суждено остаться в этом пекле, но они не помахали мне в ответ.

Остров Манус. С высоты полета он был очень красив и напоминал сюрреалистическую картину: вода в лагунах, окаймленных белыми песчаными пляжами, в зависимости от глубины меняла оттенок от ярко-зеленого до черного. Наш самолет пролетел над военно-морской базой и начал заходить на посадку. Еще через минуту, пронесшись над самой водой, он прокатился по взлетно-посадочной полосе соседнего с Манусом

острова и остановился.

Манус - остров затерянных душ. Я отправился в лагерь для транзитных пассажиров, в котором успел побывать раньше, и обнаружил, что в нем появился барак для неамериканцев. Это было дурным предзнаменованием. Несколько мужчин отсыпались после веселой вечеринки на расположенных в два яруса койках. Снаружи ничего не изменилось. Тот же пляж, киноэкран между пальмами, те же, хотя и несколько поблекшие, красные и синие зонтики над столами возле клуба. В то же время в обитателях лагеря была заметна некоторая удрученность, они ходили с опущенными головами. Я зашел в клуб и познакомился там с одним расстроенным репортером, который заливал тоску виски и кока-колой. Он рассказал мне, что прибыл в Сидней, чтобы потом присутствовать при освобождении одного небольшого острова, удерживаемого японцами, и тут война закончилась. Теперь ему нужно было попасть в Японию, где высаживались американские войска, но он застрял на этом острове, и теперь оставалось только пить виски под синим зонтиком и смотреть вслед улетающим самолетам.

- На эти острова попасть легко, - поведал он мне, - но выбраться отсюда невозможно. Я буду торчать здесь до самой старости.

Оказалось, что самолеты австралийских ВВС должны были совершить несколько рейсов с Мануса в Манилу, но почти все они задерживались в связи с тем, что летчики слишком бурно праздновали окончание войны. Море искрилось в свете молодой луны. Место было чрезвычайно живописным - черные как смоль пальмы, белоснежный пляж. Но нам не хотелось задерживаться здесь больше, чем на двадцать четыре часа.

Что-то нужно было предпринимать. На следующее утро мы с репортером прошли мимо домика британского офицера связи и направились в расположение американцев. Подробно изложили им суть дела и попросили посодействовать. Янки ответили вежливо, но твердо: "Извините, мест нет".

После завтрака я остановил джип, направлявшийся на британскую военно-морскую базу, в надежде сесть на судно, идущее на север. Джип покатил по асфальтированной дороге, проложенной американцами через джунгли. Дорога проходила вдали от деревень, и мы увидели лишь нескольких местных жителей, которые сидели на траве и безучастно смотрели на проезжающие грузовики. Их лачуги скрывались за деревьями. Надписи на щитах предупреждали, что в деревню въезд строго запрещен.

Солнце палило нещадно. Пыль поднималась из-под колес

джипа, когда он проезжал по насыпи, соединяющей острова. На Манусе дорога шла в гору и затем спускалась к морю, где стояли на якоре многочисленные суда.

Американцы выделили для англичан часть острова. База находилась в живописном месте на гребне горы, возвышающейся над гаванью. На высоком столбе развевался военно-морской флаг Великобритании. Все, кто попался нам на этой базе, выглядели счастливыми и довольными. Водитель остановил джип, и мы сошли на твердую, утоптанную землю. Белые стрелки на дощечках указывали, как пройти к тому или иному отделу. Со стороны моря доносился непрекращающийся шум портовых работ. В гавани, словно водяные жуки, сновали взад и вперед мотоботы. По другую сторону холмов среди пальм раскинулась деревня из небольших деревянных хижин.

Видимо, эта безмятежная обстановка оказывала дурное влияние на руководство базы. Они никак не могли взять в толк, почему я хочу покинуть Манус. Им нужно было непременно знать, где мои документы и кто дал мне полномочия на поездку. Они спрашивали, кто я вообще такой и в чем состоит цель моей поездки. Убедившись, что от них я ничего не добьюсь, я вернулся к джипу, закурил и стал ждать водителя. Был полдень. Солнце стояло над головой, и пальмы почти не отбрасывали тени.

Вернувшись на взлетно-посадочную полосу, я отыскал репортера, который валялся в тени возле воды. На лице его застыло кислое выражение. Через час мы сидели в клубе и пили горькую. Нам представился пожилой американец и сказал, что он командир самолета, который на следующее утро совершит беспосадочный перелет на остров Самар. Мы объяснили ему свое положение, и он без раздумий предложил:

- Если хотите, летите со мной. Будьте на взлетно-посадочной полосе в половине третьего. О'кей?

Так просто все уладилось. Я разорвал бланки ленд-лиза на маленькие кусочки и выбросил. Ветер подхватил их и унес. Солнце садилось в море. Черный бармен в белом кителе включил свет и принялся натирать хромированный шейкер. Манус вновь казался нам чудесным островом. Но в глазах сидящих рядом затерянных душ была прежняя безысходность.

При упоминании о Филиппинах первое, что приходит на ум, - это Манила. Да, мы были в Маниле. Вышли из самолета и потащили свой багаж по горячему асфальту. Над городом висело желтое марево.

В здании аэродрома мы ходили от одного стола к другому и вежливо спрашивали у вялых апатичных американцев, где найти машину, которая довезет нас в центр города. Нам отвечали, что

машин нет и что раз уж мы сумели "автостопом" перелететь через океан, то до центра города сами как-нибудь доберемся. После долгих уговоров нам дали номер телефона штаба передового эшелона австралийских экспедиционных сил. Мы позвонили туда и услышали старые вопросы. Кто мы такие? Есть ли у нас документы? Кому мы подчиняемся? И так далее. В ответ на мои невразумительные объяснения мне сказали, что помочь ничем не могут, и, извинившись, положили трубку.

Да, мы знаем Манилу. Добрались до центра в переполненном кузове грузовика. По дороге смотрели по сторонам на городские развалины и вдыхали резкие пары бензина. С большим трудом отыскали управление американских ВМС и стали умолять офицеров отправить нас на базу, уверяя, что в противном случае можем умереть от голода или жажды. Нам в помощи отказали и посоветовали пить виски, которое можно было купить в любой лавке. Я предпочел хлорированную воду.

Вечером на небольшом судне добрались до Корригедора, где и провели ночь. Утром под проливным дождем поднялись на борт десантного катера, который довез нас до маленькой деревушки на краю джунглей. Земля под ногами превратилась в месиво из грязи. Дождь лил не переставая. Ветра не было. Местные жители прятались в своих лачугах.

В бухте стояла наша плавучая база. Не обращая внимания на дождь, мы пошли по песчаному пляжу. Волосы наши намокли, по лицу текла вода, но мы не торопились. В каютах плавучей базы тепло и сухо. Обедать будем сидя за полированными столами и пить с друзьями виски. Мы прошли долгий путь и были очень рады вернуться домой.

Глава 29

Август в Южно-Китайском море. Поверхность воды ровная, как стекло, и солнце палит нещадно. Во второй половине дня мы вышли на мелководье и в сизой дымке неожиданно появились берега Китая. На палубе матросы смотрят в сторону берега.

Наша странная эскадра растянулась по светло-зеленой воде на несколько миль. Впереди идут строем пять австралийских тральщиков. За ними следует плавучая база "Мейдстоун", сопровождаемая двумя группами по четыре подводные лодки, камуфлированные корпуса которых блестят в лучах солнца. Сзади идет канадский крейсер "Принц Роберт".

Во время нашего движения к побережью с севера налетают черные тучи и начинается дождь. Берег исчезает в тумане. Не лучшее время для штурманов. Очертания тральщиков расплываются, подводные лодки почти не видны. Мы становимся на якорь в двух милях от залива Джосс-Хаус и в десяти милях к

югу от входа в гавань Гонконга.

Вокруг нет никаких признаков жизни. Несколько небольших джонок плавают под дождем недалеко от берега, но японцы никак себя не проявляют. Мы смотрим в сторону берега и беседуем. Где-то за горизонтом находится британская оперативная группа, состоящая из крейсеров и авианосцев. Ходят слухи, что на одном из палубных самолетов в Гонконг должны прилететь представители ВМС, которые будут вести с японской делегацией переговоры о капитуляции. Небо закрыто тучами. Не самые подходящие условия для полетов. Кто-то говорит, что командующий японскими войсками в Гонконге заявил, что не имеет права сдаваться англичанам без согласия своего начальника, который находится в Кантоне. Это означает, что капитуляция японцев откладывается дня на четыре.

Приближается ночь. В сумерках капитан Шадуэлл переходит с плавучей базы на подводную лодку "Селена", и она удаляется в темноту. Через некоторое время лодка возвращается. Она подошла к Гонконгу на расстояние две мили, но экипаж ничего существенного не заметил. Вновь начинают распространяться разные слухи. Всю ночь подводные лодки поочередно курсируют вокруг нашей якорной стоянки. Мы переоценили боевые качества японцев, но не должны недооценивать их вероломство.

Утро 30 августа. На рассвете тральщики отплывают и медленно сквозь утренний туман идут на север, ко входу в гавань. За ними следует плавучая база, орудия которой направлены на холмы, где у японцев находится батарея 9-дюймовых пушек. Наша лодка медленно движется вперед. Тем временем солнце поднимается над горизонтом и становится теплее. Вдали появляются мачты кораблей оперативной группы. Мы узнаем их - это авианосец "Неукротимый", крейсера "Быстрый" и "Эвриал", а также эскортирующие их эсминцы, возглавляемые "Кемпенфельтом". Южнее начинает вырисовываться внушительный силуэт линейного корабля "Ансон".

В миле от бонового заграждения становимся на якорь. Тральщики идут дальше и разворачиваются, чтобы очистить фарватер для судов приближающегося флота. В небе пролетают самолеты, взлетевшие с авианосца. С них будут сбрасывать продовольствие для лагерей военнопленных.

День чудесный. Синее море, ясное небо, отличная видимость. Вдали сверкают изумрудные холмы Гонконга. Мимо проплывают белые паруса джонок, безразличные к войне и миру. Маленькая, прилетевшая с берега птичка садится на такелаж и поглядывает на нас.

В то время как флот выстраивается в открытом море, мы

замечаем, что со стороны берега к плавучей базе направляется сампан{14}, на корме которого стоит высокий мужчина и энергично машет рукой. Навстречу лодке выходит катер и через некоторое время возвращается с бывшим узником лагеря для интернированных. От него мы узнаем, что происходит в колонии. Уже несколько дней японцы ведут себя довольно смирно и при возможности покидают Гонконг. Бывшие узники из числа гражданских получили свободу передвижения, но на острове все еще остается очень много японских солдат. Гонконгская полиция вновь приступила к выполнению своих обязанностей. Ей оказывают помощь специально сформированные вооруженные отряды китайцев. Японцы действуют исключительно в своих интересах. Они понимают, что гораздо выгоднее иметь дело с англичанами. Если остров перейдет под управление китайцев, на этих зеленых холмах прольется очень много японской крови.

Пока мы беседуем с бывшим интернированным, в небе проносится эскадрилья истребителей, и головной эсминец медленно заходит в канал.

На его топ-мачтах развеваются флаги. Операция началась.

За эсминцами в гавань входят крейсера "Быстрый", на котором находится адмирал Аркур, "Эвриал" и "Принц Роберт". Мы поднимаем якорь и тоже заходим в узкий фарватер.

Первое впечатление - это хаос и разруха. Американские бомбы превратили многие портовые сооружения в груды бетона и искореженного металла, но они падали не только в порту. На холмах видны полуразрушенные дома.

Все же война и разрушения ничего не смогли сделать с красотой этих мест. Изумрудные холмы по-прежнему сверкают в лучах солнца, и белые квадратики парусов джонок продолжают скользить над спокойной синей водой.

Мы проходим мимо ставших на якорь крейсеров к месту швартовки. Десантные отряды с других судов уже высаживаются на берег. Наши матросы, неуклюжие в своей боевой экипировке, тоже готовы к высадке и зачистке отведенного им участка порта. Над резиденцией японского главнокомандующего все еще развевается красно-белый флаг. У каменного причала стоит японский эсминец. Его экипаж безучастно наблюдает, как мы приближаемся к пирсу.

Несмотря на напряженную обстановку, никто не спешит, все совершается как бы в замедленном темпе, характерном для выходного дня. Английские суда поворачиваются на якоре под действием приливного течения. Японцы следят за происходящим с усталой покорностью. Если они и хотят устроить какую-нибудь провокацию, то не сейчас.

Мы приближаемся к пирсу, и нам открывается печальная картина. В небольшой бухте из воды торчит ржавая дымовая труба торгового судна, рядом множество буксиров, дизельных катеров, небольших противолодочных кораблей. Они давно не подвергались ремонту и похожи на мертвые корабли, ожидающие свой судный день. Пирс являет собой жалкое зрелище, впрочем, как и весь порт. Вокруг где попало валяются сломанные краны, огромные куски стали и разбитые суда. Трудно поверить, что японцы собирались долго оставаться в Гонконге.

Мы швартуемся и опускаем сходни. Морские пехотинцы в стальных шлемах обыскивают порт, заглядывая во все углы и щели. Со стороны доков доносятся винтовочные выстрелы и треск автоматных очередей. Кое-где еще действуют японские снайперы. Раздается взрыв гранаты, стрельба продолжается еще с минуту, и воцаряется тишина. С главной палубы видно, как бегут с автоматами в руках матросы. Сцена эта напоминает кадры из голливудских боевиков.

Над портовым постом наблюдения и связи развевается британский военно-морской флаг. Матросы, двигаясь по берегу, осторожно ступают на камни. В небольшой постройке на пирсе они обнаружили помещение, где жили японские моряки. Там грязь и запустение. Ящики и дверцы матросы открывают с помощью длинной палки, но в этих мерах предосторожности нет необходимости. Японцы в спешке покидали свое жилье и не успели расставить мины-ловушки. Они побросали даже свои личные вещи, многие из которых английского и американского производства. В одном из ящиков оказались нетронутые вещи старшины британских ВМС, которые, вероятно, пролежали там года четыре.

На территории порта были захвачены шестьсот японских офицеров, старшин и рядовых. Теперь они угрюмо сидят под горячими лучами солнца и взирают на стволы винтовок в крепких руках охраняющих их морских пехотинцев. Некоторые из пленных с интересом оглядываются по сторонам, но у большинства вид мрачный и надутый. Наверняка император скажет им пару теплых слов, когда они вернутся домой.

Гонконг никогда не был для японцев главной базой флота и благодаря осуществляемой американцами эффективной морской и наземной блокаде вообще превратился в тихую заводь. При всем этом общее состояние японских судов удручающее.

Противолодочные корабли водоизмещением 200 тонн имеют дизельный привод и деревянный корпус. Вооружение на них неплохое, и, судя по состоянию пушек, их регулярно чистили и смазывали, а вот жилые помещения оставляют тяжелое

впечатление. В них грязь и беспорядок. Повсюду валяются пустые и не совсем пустые бутылки из-под вина и пива. Стены помещений выкрашены плохо: при малейшем прикосновении краска отваливается, обнажая копоть и ржавчину. Снасти тоже никуда не годятся. Возможно, эти отвратительные условия жизни и нехватка необходимых материалов и стали причиной поражения японцев.

Ближе к полудню ситуация проясняется. Все находившиеся в порту японские военные захвачены. Территорию порта делят на сектора и закрепляют их за судами, которые несут ответственность за чистоту и нормальное функционирование своего сектора. Работы начинаются немедленно. Подводные лодки осторожно заходят в портовый бассейн. Их экипажам тоже поручено привести в порядок некоторые здания и сооружения. За пределами порта ситуация не такая ясная. Над адмиралтейством по-прежнему колышется японский флаг. На территории порта у нас около трехсот вооруженных моряков и морских пехотинцев. В городе у японцев до четырех тысяч солдат. Должно быть, наш адмирал благоразумно решил не искушать судьбу и пока ограничиться одним портом.

Пирс, к которому мы пришвартовались, в некоторых местах разрушен снарядами, и джипы с плавучей базы не могут проехать в порт. Без ремонта не обойтись. Наш командир обращается к начальнику охраны, и тот выделяет для ремонтных работ тридцать пленных японцев. Они приступают к работе неохотно, но по мере того, как результаты их усилий становятся заметными, начинают проявлять к ней интерес. Они передают по цепочке кирпичи и камни, подвозят тачки с песком. Один лишь толстый старшина с двойным подбородком не проявляет должного усердия, но легкий укол штыком в зад напоминает ему о безоговорочной капитуляции и заставляет двигаться быстрее.

Этих японцев можно условно разделить на три группы. Первая - маленькие лысые очкарики, которых мы относим к типу Хирохито{15}. Толку в работе от них немного. Есть другие, более крепкие и более трудолюбивые японцы. Они непривередливы и готовы делать все, что им прикажут. Мы причисляем их к категории крестьян. Японцы из третьей группы очень неприятные типы. Мне кажется, они всегда были такими. Они двуличные, хитрые, наглые и заносчивые. Колоть штыком их приходится часто. Японские офицеры образуют свою, особую касту. Они вежливы, улыбчивы, но коварны и опасны.

Японцы работали до заката. Затем построились и ушли, шаркая своими тяжелыми ботинками. Оборванные, худые и голодные, они составляли резкий контраст сопровождавшему их

высокому, в безупречной белой форме охраннику.

Ночь. Очень тихо. В свете звезд холмы Гонконга кажутся черными. Бортовые огни судов флота образуют над водой трепещущие золотистые линии. Там и сям темноту разрезают длинные лучи прожекторов. В гавани и за ее пределами плавают дизельные катера, они останавливают для осмотра суда, которые кажутся им подозрительными. Время от времени со стороны города доносятся выстрелы. Это работают снайперы.

Синий луч прожектора скользит в сторону холмов, освещая рельеф местности, дома и дороги. В гавань буксируют катер с японскими военными, которые пытались сбежать на материк. Так проходит ночь.

За воротами порта неспокойно. Под покровом ночи китайцы стараются расправиться с японцами. Они нападают на них и забивают до смерти. Наказывают и тех, кто сотрудничал с врагами. С одной женщины сорвали одежду, и ей пришлось искать защиты у наших флегматичных караульных. Справедливости ради надо сказать, что подобные проявления мести достаточно редки и в целом на острове тихо.

31 августа. Еще одно ясное утро. Вода в гавани совершенно неподвижная. У причала сгрудились сампаны. На них появились флаги, которые владельцы бережно хранили во время оккупации. Постепенно гавань оживает. От причала отходят вновь вошедшие в строй буксирные и водоналивные суда. Между островом и Коулуном ходят китайские паромы. Гонконг в муках возрождается.

Мы отправляемся на берег в поисках рабочей силы, но оказывается, что всех японцев перевели в веллингтонские казармы. Усталый переводчик разыскивает японского офицера и беседует с ним. Японец обещает предоставить нам рабочую бригаду, если мы найдем грузовик и доедем с ним до казарм. В конце концов мы находим старенький "студебеккер". Японский офицер вместе с нашими охранниками забирается в кузов, и грузовик трогается с места. Мотор, работающий на японском бензине, ревет и чихает.

После вспыхнувших прошлой ночью волнений японцы расчистили прилегающие к порту улицы. Сейчас там очень тихо. Через каждые сто ярдов стоят японские морские пехотинцы с винтовками наготове. На наш грузовик они не обращают внимания.

Веллингтонские казармы выглядят более пристойно, чем остальной район. Перед воротами дежурят часовые, из окон караульного помещения выглядывают еще несколько мужчин. Они смотрят на нас с удивлением. Наш маленький пассажир рад

встрече со своими товарищами и очень взволнован. Он явно собирается бежать к воротам, но нас это совершенно не устраивает. По сути, он не является нашим пленным, поскольку японцы еще не подписали акт о капитуляции. К тому же мы находимся на вражеской территории, и японцы значительно превосходят нас численно. Тем не менее этот офицер нужен нам в качестве посредника, и мы не собираемся его отпускать. Наши охранники решительно преграждают ему дорогу своими автоматами. Японцы переминаются с ноги на ногу и вертят головами, как испуганные дети.

Переговоры о формировании рабочей бригады не обходятся без крика. Японцы столпились и о чем-то громко спорят между собой. Мы выставляем вперед свое оружие и демонстративно поглядываем на часы, давая понять, что наше терпение на исходе. На самом деле нам хочется быстрее вернуться на территорию порта, где мы будем чувствовать себя гораздо увереннее. Время идет. В тот момент, когда мы действительно начинаем терять терпение, группа японских матросов выходит вперед и строится возле грузовика. Вид у них довольно жалкий. Офицер криком велит им выровняться и пересчитывает. По нашему сигналу они забираются в кузов, и теперь все готово к триумфальному возвращению. Но тут происходит неожиданность - грузовик ни в какую не хочет заводиться.

Позднее нам пришлось свыкнуться с регулярными неполадками, но в данный момент отказ совершенно некстати. Мы вопросительно смотрим друг на друга и не знаем, что делать. Положение спасает гонконгская полиция, предоставившая нам другой грузовик. Японцы пересаживаются в него, и мы отъезжаем. Встретившиеся нам по дороге китайцы бросают на японцев равнодушные взгляды. В нашем присутствии они не решаются делать оскорбительные жесты.

В порту делим японцев на две группы. Первую отправляем чистить портовые туалеты, - весьма подходящее занятие в такую жару. Остальным велим очищать пирс, где стоит плавучая база. Работа эта чрезвычайно важная, и к тому же мне кажется, наши матросы с удовольствием будут наблюдать, как ее выполняют японцы.

Бросается в глаза плохое состояние японских матросов. Они работают с трудом, сильно потеют и быстро устают. При этом результаты работы почему-то никак не соответствуют затраченным усилиям. В полдень мы отвозим их обратно в казармы.

После полудня отправляемся в лагерь для интернированных в Стэнли. Извилистая дорога поднимается в гору. На заднем

сиденье джипа отец и сын. Они ненадолго выезжали в город и теперь возвращаются в лагерь, в котором провели три с половиной года. Мальчик с возбужденным видом вертит головой, замечая знакомые здания. Отец говорит нам, что, когда он ехал по этой дороге в последний раз, на ней лежали убитые англичане и канадцы. Из шестидесяти четырех человек, которые спрятались в одном доме, в живых осталось только шестеро. Он один из них. Мужчина замолкает. Поворачивает голову и смотрит на гавань, где стоит британский флот.

Мы проезжаем мимо мрачных развалин некогда красивых домов, даже их крыши разобрали на дрова. Эти разрушения свидетельствуют о том, что у японцев на самом деле не было будущего в Гонконге. Либо они решили совершенно опустошить остров и уничтожить британскую колонию, либо понимали, что долго здесь не продержатся.

Когда впереди вырастают светлые здания лагеря, наши пассажиры начинают улыбаться. Теперь эта тюрьма без дверей. Джип въезжает в ворота, и китайский охранник с японской винтовкой в руках с веселой улыбкой отдает нам честь.

Стэнли находится в очень живописном месте. Если забыть о предназначении этих зданий, создается впечатление, что находишься на базе отдыха, которое усиливается при виде ярких нарядов девушек. Наверное, до войны здесь часто устраивали пикники.

В маленьких комнатах нет никаких удобств, но большинство интернированных сумели приспособиться. Разумеется, ситуация с питанием сейчас значительно улучшилась.

Чтобы представить истинную картину жизни в лагере до ухода японцев, мы обошли его и побеседовали с обитателями. Они рассказали нам, что еды катастрофически не хватало. Основными продуктами питания были рис и шпинат, которые готовили в общественной столовой и раздавали заключенным. Но этих продуктов было недостаточно, особенно для мужчин, и недостаток витаминов сказывался на их здоровье. Иногда приходили посылки с продовольствием от Красного Креста, но большую часть продуктов откладывали про запас или передавали лагерным врачам. При определенных условиях можно было получить еду от охранников. Несколько китайцев и белых из числа интернированных создали настоящий черный рынок продовольствия. Часы, обручальные кольца и золотые коронки обменивали на незначительное количество пищи. Охранники из местных принимали активное участие в этом бизнесе. Они не были сторонниками японцев. Их, бывших рыбаков и крестьян, призвали на службу, оторвав от дома и семьи. Платили

смехотворно мало, и неудивительно, что они пользовались своим положением для того, чтобы заработать капитал.

Ко времени нашего приезда многие мужчины уехали в город, чтобы помочь военным властям, некоторые вошли в состав новой гражданской администрации. Поэтому комнаты, в которые мы заходили, не были переполненными, как раньше. Одна из комнат размером семь на двенадцать футов разделена пополам ширмой из простыней: в одной половине жила семейная пара, в другой - одинокий мужчина.

То, что творили японцы в первые дни оккупации, иначе как изуверством не назовешь. Наслушавшись от бывших узников рассказов об их жестокостях, мы сами немного ожесточились. Из южных комнат виден тюремный двор, где часто происходили пытки и казни. В первые недели на скалах под лагерем лежали тела убитых английских и канадских солдат. Хоронить их не разрешали, и трупы на глазах узников превращались в белые скелеты. Нам показали могилы трех медицинских сестер, которые умерли в госпитале, после того как их изнасиловали и закололи штыками. На каменных ступенях еще видны следы крови. Глядя на них, мы вспоминали о больных и раненых японцах, которых привезли с китайского фронта и разместили в госпиталях Коулуна, где они будут находиться под присмотром врачей до тех пор, пока за ними не придут японские корабли.

Несмотря на все увиденное и услышанное, посещение лагеря подняло наш дух. Освобождение томящихся в нем англичан, голландцев, норвежцев и китайцев стало красивым заключительным аккордом нашего участия в войне.

Едем назад по залитым солнцем склонам холмов мимо китайских семей, на телегах везущих свой нехитрый скарб обратно в город. Крестьяне весело улыбаются нам из-под своих широких шляп. Молодые китаянки легко шагают по дороге, покачивая своими бедрами, обтянутыми черными брюками. В доме недалеко от маленькой бухты все еще живут японские офицеры. Стоящие на обочине дороги вооруженные часовые не останавливают нас, некоторые даже отдают небрежно честь. Вода в бухте манит. Мы сами останавливаем машину и идем к пляжу. Из дома выходит японский офицер и что-то кричит нам вслед. Мы оборачиваемся и отвечаем ему непечатными выражениями. Его подружка-китаянка, стоящая на пороге, смотрит на нас широко открытыми глазами. Оставляем одежду на перевернутой старой лодке, входим в прохладную воду и медленно плывем. Полотенца не нужны, потому что солнце припекает и дует легкий ветерок. После купания проезжаем мимо рыбацкого поселка Абердин. В узкой бухте носом к каменному причалу теснятся

многочисленные джонки. Рядом на берегу сушится рыба. Несмотря на неприятный запах, место это не лишено очарования. Над каждым домом и над каждой джонкой красуется китайский флаг. Что бы ни говорили наши политики, китайцы стремятся к единству и если не могут его достичь, то не по своей вине.

В городе спокойно. Прохожие приветствуют наше появление возгласами и ударами в ладоши. Широко улыбаются, а мне кажется, что они смеются над нашим маленьким джипом.

Японцы толкают по дороге огромные телеги с личными вещами. Китайцы наблюдают за ними с безразличием, но видно, что это стоит им немалых усилий. Толпа напоминает огромный вулкан, готовый в любой момент выплеснуть огненную лаву. И он действительно взорвался, после того как японцы сдали на британские склады свое оружие.

Японцы начали покидать остров 2 сентября. Последние дни для них были самыми тягостными. Их разрозненные группы, пытающиеся хоть как-то организоваться, появлялись в разных частях Гонконга. Многие представители Страны восходящего солнца пытаясь спастись от гнева китайских солдат нерегулярной армии, спускались по реке в джонках. Мы направляли этих бедолаг в Коулун, где их помещали в лагерь для военнопленных. В последний день на материк судами отправили около трех тысяч человек.

2 сентября в 11 часов японский флаг, висевший над каменной крышей здания резиденции командующего ВМС, опустился. Это стало неожиданностью, поскольку командующий флотом полагал, что разумно будет не трогать флаг до 16.00, когда завершится эвакуация, и поставил об этом в известность своих подчиненных. К половине одиннадцатого береговой отряд, состоящий из трех подразделений, под командованием командира боевой части оружия плавучей базы "Мейдстоун" незаметно окружили резиденцию главнокомандующего, где располагался штаб японских ВМС. Из укрытий моряки наблюдали за его последними конвульсиями и поглядывали на часы. Впереди было долгое ожидание. Они очень удивились, когда мимо них проехал джип, в котором сидел офицер запасного экипажа подводной лодки с двумя вооруженными матросами, и остановился прямо перед главным входом в здание. Не обращая никакого внимания на возмущенных часовых, офицер и матросы прошли внутрь и через несколько минут появились на плоской крыше здания. Подошли к флагштоку и быстро сняли с него японский флаг, а затем и флаг командира, который висел на другой стороне крыши. Наблюдавшие за этим англичане и японцы посмотрели друг на друга с изумлением, а когда подняли глаза, над резиденцией

командующего уже висел английский военно-морской флаг.

Это знаменательное событие прошло без инцидентов, и японские флаги победоносно доставили на плавучую базу "Мейдстоун".

Итак, японцы покидали Гонконг, и, когда последний из них взошел на судно, город проснулся. С улиц и набережных, с балконов и окон донесся треск китайских фейерверков: ракеты свистели и трещали так, словно шла решающая битва. Злым духам было очень неуютно в городе в эту ночь. Включенная генераторная станция начала выбрасывать искры и клубы дыма. На холмах загорелись огни, свет их слился со светом звезд и отразился в водах гавани, где стоял наш флот.

Мы на джипе едем в сторону Коулуна, и дорога начинает подниматься в гору. Чем выше, тем холоднее воздух. Внизу раскинулась взлетно-посадочная полоса, на которой стоят несколько серебристых истребителей. Заезжаем на перевал, где тощая земля имеет красноватый оттенок, и шофер останавливает машину, потому что отсюда открывается очень красивый вид. Мы смотрим вниз, на огромную бухту, от которой отходят и исчезают за скалами узкие заливы. Далеко в долине виднеется серебристая лента реки. В том месте, где река впадает в море, стоит небольшая деревня.

Сворачиваем с ровной асфальтированной дороги и едем по другой, грунтовой, напоминающей высохшее русло реки. Джип подскакивает на ухабах, визжат тормоза, но мы полны решимости добраться до той деревни. Крестьянские усадьбы, издалека напоминающие шотландские фермы, почти не повреждены войной. Рисовые поля удивительно зеленые. Не хватает только туристов с фотоаппаратами.

Мы проезжаем по узкому каменному мосту и останавливаемся на развилке неподалеку от деревни. Выходим из машины и подставляем лица жаркому солнцу.

Из-за угла появляется группа мужчин и женщин. Завидев нас, они на миг останавливаются, словно не верят своим глазам, и затем с криками и улыбками на лицах устремляются к нам. На такой прием мы не рассчитывали. Китайцы жмут нам руки с неподдельной радостью. Один из них может объясняться на английском. Он говорит, что впервые за четыре года видит белых людей. Интересуется, все ли японцы покинули остров.

Мы раздаем им сигареты. Девушки берут их со смущенным видом и закуривают. В воздухе струится сизый дымок.

Мужчина, который знает английский, говорит с нами на равных. Он благодарит нас за то, что помогли китайцам прогнать японцев, восхваляет Чан Кайши и уверенным голосом заявляет,

что четыре великие державы должны теперь держаться вместе.

В ответ на наш вопрос о китайских коммунистах он качает головой. Китай - это страна крестьян и рабочих, истинную сущность которой невозможно выразить терминологией, принятой на Западе. Разговаривая, он морщится и энергично жестикулирует. По его мнению, европейское понятие о прогрессе не представляет никакой ценности для простого китайского крестьянина, который почти не умеет читать и писать.

Мы неохотно покидаем эту гостеприимную маленькую долину. Двое наших новых друзей с довольным видом устраиваются на заднем сиденье. Они выходят в Коулуне и, когда мы отъезжаем, машут вслед и кричат на английском: "До встречи!"

Адмирал Фрейзер прибыл из Японии на линейном корабле "Герцог Йорк". Церемония капитуляции откладывалась со дня на день, но к 16 сентября все формальности были улажены, и адмирал Аркур официально объявил о том, что японцы покидают колонию. Как только под актом о капитуляции были поставлены все подписи, военные корабли произвели салют орудийными залпами. Гонконг вернулся к нормальной жизни.

В 21.00 16 сентября флот в гавани устроил праздничный фейерверк и иллюминацию. В небе над водой двигались и пересекались синие лучи прожекторов, с треском вспыхивали красные и зеленые ракеты. Жители не остались в долгу, и темнота над городом озарилась разноцветными огнями. В эту ночь все были счастливы.

Глава 30

Отгремел салют победы. Моряки вернулись домой, к мирной жизни. Все так же светят звезды и восходит луна. Морские волны, как и прежде, с рокотом накатываются на берега. Море, среда столь привычная для жителей Британии, перестало быть местом сражений. Суда ходят с горящими огнями в самых дальних концах земного шара и будут продолжать ходить, несмотря ни на что. Если понадобится, британские мужчины вернутся в море, ведь они по природе своей моряки, а море - их второй дом.

Мысленно возвращаясь к морям, по которым он плавал, к солнечным южным портам и холодным водам севера, английский моряк смело может повторить слова, сказанные одним придворным в бессмертной комедии Шекспира: "Когда-нибудь в мире более совершенном, чем этот, я буду любить вас еще сильнее".

Примечания

{1} Осью во время Второй мировой войны называли Германию и ее союзников.

{2} Касба - название старого города в городах Северной Африки.

{3} Мистраль - сильный порывистый сухой и холодный северный ветер на Средиземном море.

{4} Зуав - солдат из отряда французской пехоты, состоявшего первоначально из алжирцев и известного своей решимостью, стойкостью и яркой восточной униформой.

{5} Каик - греческое парусное судно, снабженное дополнительным мотором.

{6} "Джон Коллинз" - напиток из содовой воды, джина, сахара, лимонного сока и льда.

{7} "Веселый Роджер" - черный пиратский флаг. Английские подводники отмечали на таком флаге число потопленных судов.

{8} Ноэл Пирс Коуард (1899-1973) - английский драматург, писатель, актер, композитор.

{9} "Аскот" - ипподром в Англии, где проводятся знаменитые скачки.

{10} Задельфинировать - периодически вплывать на поверхность при волнообразном движении.

{11} Скапа-Флоу - залив на одном из Оркнейских островов у северного побережья Шотландии.

{12} "Волчья стая" - группа подводных лодок (мор. жарг.).

{13} "Фруктовые машины" - игральные автоматы.

{14} Сампан - небольшая парусно-гребная лодка, применяющаяся для рыбной ловли в море и транспортировки людей и грузов по рекам. Распространена в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

{15} Хирохито - японский император.